

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 2(22)

2021
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2021 № 2(22)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов,
И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

П Р А В О

- Бочков А.А., Шавцова А.В., Козак М.А.** Представительная система как комплексный институт конституционного права 3
- Иншакова А.О.** Институциональные меры государственного регулирования по преодолению социально-экономического неравенства как барьера на пути устойчивого развития 8
- Ерофеева Д.В., Сенин Д.В., Шагиева Р.В.** Гражданско-правовая ответственность юридических лиц: проблема теоретического обоснования в российской юриспруденции 19
- Янч В.В.** Глобализация и развитие права 24

Э К О Н О М И К А

- Бичель И.С., Костюкова С.Н.** Методика экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса банками 29
- Матыцин Д.Е.** Стратегия управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС 40
- Вайлунова Ю.Г., Яшева Г.А.** Развитие кластерных структур в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь 52
- Шаматульская Е.В.** Исследование количественных параметров депопуляции сельских территорий Витебской области 61
- Янкевич Е.М.** Социально-экономические эффекты развития предпринимательства (на примере туристической дестинации Оршанского региона) 66

П С И Х О Л О Г И Я

- Косаревская Т.Е., Ткач М.Г.** Смысложизненные ориентации как фактор социальной активности лиц с ограниченными физическими возможностями 73
- Лепешко К.В.** Половые различия в личностных характеристиках индивидов с высокими уровнями индексов социально-сравнительной ревности 78
- Стреленко А.А.** Гендерная идентичность в культуре родительско-детского взаимодействия в замещающих семьях 83

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2021 № 2(22)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
A.A. Bochkov (*in charge of the Law Studies section*),
E.V. Pavlysh (*in charge of the Economics Studies section*),
S.L. Bogomaz (*in charge of the Psychology Studies section*),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschik,
L.F. Tratsevskaya, I.A. Furmanov,
I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:
T.V. Voronovich (*Belarus*),
S.A. Trakhimenok (*Belarus*),
V.M. Khomich (*Belarus*),
Yu.N. Karandashev (*Poland*),
T.V. Senko (*Poland*),
V.A. Moliako (*Ukraine*),
N.A. Adamov (*Russia*),
L.V. Vinnitski (*Russia*),
R.A. Kurbanov (*Russia*),
V.A. Mazilov (*Russia*),
K.V. Pavlov (*Russia*),
A.I. Savenkov (*Russia*),
S.M. Shingayev (*Russia*)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Bochkov A.A., Shavtsova A.V., Kozak M.A.** The Representation System as a Complex Institution of Constitutional Law 3
- Inshakova A.O.** Institutional Measures of State Regulation for Preventing Social and Economic Inequality as a Barrier in The Way to Sustainable Development 8
- Yerofeyeva D.V., Senin D.V., Shagiyeva R.V.** The Civil Legal Responsibility of Entities: the Issue of the Theoretical Substantiation in Russian Jurisprudence 19
- Yanch V.V.** Globalization and Development of Law 24

ECONOMICS

- Bichel I.S., Kostiukova S.N.** Approaches to Express Analysis of the Financial and Economic State of Small Businesses by Banks 29
- Matytsin D.E.** Strategy of Quality Management in the 4.0 Industry and of Building Cognitive Economy on the Basis of Production Technological Factors in the RF and EU 40
- Vailunova Y.G., Yasheva G.A.** Development of Cluster Structures in Innovative Small and Medium-Size Businesses of the Republic of Belarus 52
- Shamatulskaya E.V.** The Study of Quantitative Parameters of the Rural Inhabitant Depopulation in Vitebsk Region 61
- Yankevich E.M.** Social and Economic Effects of Entrepreneurship Development (Based on The Example of Orsha District Tourist Destination) 66

PSYCHOLOGY

- Kosarevskaya T.E., Tkach M.G.** Sense of Life Orientations as a Factor of Social Activity of Physically Disabled People 73
- Lepeshko K.V.** Gender Differences in Personal Characteristics of Individuals With High Level Indices of Socially Comparative Jealousy 78
- Strelenko A.A.** Gender Identity in the Culture of Parent-Child Interaction in Forster Families 83

Представительная система как комплексный институт конституционного права

Бочков А.А.¹, Шавцова А.В.², Козак М.А.¹

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Белорусский государственный университет

Представительная система – это идея, теория, доктрина, избирательная практика, механизм осуществления воли избирателей, результат и итог народовластия. Она вырастает из развитого правосознания, правовой культуры с учетом реализации социальных законов и закономерностей. Чтобы выполнять свои функции, система должна быть профессиональной, честной, справедливой и демократичной. Для этого необходимо в первую очередь обозначить приоритеты социального движения в конституционной концепции представительной системы для дальнейшей поступательной реформы государственного механизма в целом.

Цель статьи – обобщение теоретических изысканий и систематизация нормативных правовых актов для выделения представительной системы в самостоятельный комплексный институт конституционного права.

Материал и методы. Научную теоретико-правовую базу изучения составили труды белорусских и российских правоведов по теме исследования, материалы сравнительного правоведения, нормативные правовые акты, регламентирующие правовой статус и функционирование представительных органов и других элементов представительной системы. В качестве основных методов использовались метод системного анализа, правового прогнозирования, синтеза, моделирования.

Результаты и их обсуждение. Мониторинг действующего законодательства в области всей представительной системы и представительной власти в частности свидетельствует о том, что данные институты незаслуженно отсутствуют в перечне институтов системы права и системы законодательства. Учитывая важность, решающий характер представительной системы и представительной власти в системе публичной власти, мы видим необходимость в специальном теоретическом обосновании и законодательном закреплении данного института в соответствующей системе права и системе законодательства. Статья посвящена обоснованию на базе установленных юридической наукой критериев необходимости обособления качественной совокупности норм в рамках конституционной отрасли права, регулирующих отношения в сфере представительства. Анализируются понятия «представительная система», «представительная власть», «правовой институт».

Заключение. В работе сделаны выводы о необходимости выделения и закрепления комплексного института «представительная система» в теории конституционного права, дается определение понятия и раскрывается его содержание. Выделены две основные составляющие представительной системы: нормативная (формализованная), которая состоит из правовых норм, нормативных правовых актов, институтов (простых и комплексного), и функциональная, которая обеспечивается за счет работы органов представительной власти, объединенных согласованными средствами и методами, – связанные единой целью – представлять, выражать и защищать интересы народа.

Ключевые слова: правовая система, система права, комплексный правовой институт, институт права, отрасль права, представительная система, представительная власть, представительные органы.

The Representation System as a Complex Institution of Constitutional Law

Bochkov A.A.¹, Shavtsova A.V.², Kozak M.A.¹

¹Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

²Education Establishment “Belarusian State University”

The representation system is an idea, a theory, a doctrine, a selective practice, a mechanism of the electorate will implementation, the result of the power by the people. It grows out of the developed legal consciousness, legal culture considering the implementation of social laws and regularities. To carry out its functions the system must be professional, honest, just and democratic. First of all it is necessary to outline the priorities of social movement within the constitution concept of the representation system for further regular reform of the state mechanism as a whole.

The purpose is to substantiate the establishment of the representation system as an independent complex institution of constitutional law on the basis of theoretical research analysis as well as systematization of normative legal acts.

Material and methods. The research theoretical and legal basis is made up by works by Belarusian and Russian legal scientists, materials of comparative legal studies, normative legal acts which regulate the legal status and functioning of representation bodies and other elements of the representation system. The methods of system analysis, legal forecasting, synthesis and modeling were used as basic research tools.

Findings and their discussion. The significance and the decisive character of the representation system and the representation power in the system of public power conditions the necessity of a special theoretical substantiation as well as legal fixing of this institution in the corresponding system

of law and the legal system. The monitoring of the current law in the field of the whole representation system and representation power in particular indicates that these institutions are missing in the list of the institutions of the system of law and legal system. On the basis of criteria established by legal science the article substantiates the necessity in identifying the quality combination of norms within the constitution branch of law which regulate relations in the sphere of representation. The notions of the representation system, the representation power, the legal institution are analyzed.

Conclusion. In the paper conclusions are made about the necessity of identifying and fixing the complex institution of the representation system in the theory of the constitution law; the definition of the notion is presented and the content is revealed. Two basic components of the representation system are singled out: the normative (the formalized), which includes legal norms, normative legal acts, institutions (the simple and the complex), and the functional one which is provided by the works of the representation power bodies which are united by coordinated means and methods, joined by one goal – to represent, express and protect interests of the people.

Key words: legal system, system of law, the complex legal institution, the institution of law, branch of law, the representation system, the representation power, representation bodies.

Жизнеспособность любой правовой системы зависит от органического единства доктринальных, законодательных и правоприменительных элементов. Ее прочность, прогрессивность и эффективность требуют сочетания легальности и легитимности, позитивной и естественно-правовой направленности, идеологической и психологической составляющих. Ядром правовой системы выступают нормативная основа, конституционные и национальные ценности [1, с. 298].

Синергетический, бифуркационный характер развития общества делает правовую систему все более непредсказуемой, подвижной, зависящей от многих факторов не только внутреннего, но и внешнего порядка. Традиционные, детерминирующие связи и причинно-следственные отношения утрачивают свою прежнюю силу. Устоявшиеся методы исследования не дают предсказуемого результата и не в состоянии предусмотреть тенденции движения системы. Требуется новый парадигмальный подход анализа и учета больших данных Big data, возможный только с помощью электронных методов. Необходима работа аналитических центров, просчитывающих, программирующих юридически значимое поведение, предвидящих социальные конфликты, предлагающие приемлемые варианты решения в рамках социального согласия и мира.

Белорусская система права в целом – это меняющийся, динамично обновляющийся массив правовых актов, регулирующих важнейшие стороны жизнедеятельности общества. Будучи отражением и выразителем его интересов и потребностей, государство постоянно эволюционирует, совершенствует свои институты, функции, правовой инструментарий, изменяет устоявшиеся истины.

Цель статьи – обобщение теоретических изысканий и систематизация нормативных правовых актов для выделения представительной системы в самостоятельный комплексный институт конституционного права.

Материал и методы. Научную теоретико-правовую базу изучения составили труды белорусских и российских правоведов по теме исследования,

материалы сравнительного правоведения, нормативные правовые акты, регламентирующие правовой статус и функционирование представительных органов и других элементов представительной системы. В качестве основных методов использовались метод системного анализа, правового прогнозирования, синтеза, моделирования.

Результаты и их обсуждение. Особую роль в развитии системы права играет нахождение новых направлений выражения и защиты интересов граждан через функционирование представительной системы в целом и деятельность представительных органов в частности. Прежде чем представлять интересы народа, представительная власть должна законодательно закрепить и обеспечить свое нормативное верховенство среди всех других ветвей власти. Ее задача – качественное воспроизведение и создание эффективно работающих законов. Их эффективность заключается, прежде всего, в удовлетворении интересов народа, где государство выступает средством, орудием их выражения. Депутаты как воплощение этой власти должны, с одной стороны, работать на долгосрочную перспективу, а с другой – чутко реагировать на происходящие изменения, учитывая интересы и потребности избирателей.

Проблема содержания понятия «представительная система» существует на протяжении долгого времени, и обусловлено это различными подходами авторов к его раскрытию. Так, российский профессор К.Ф. Шеремет определял представительную систему как широкую категорию, включающую совокупность представительных органов, а также государственных и общественных институтов, тесно связанных с функционированием данного аппарата власти. К таким институтам он относил наказания, отзыв народных представителей, массовые обсуждения проектов актов Советов и др. [2, с. 44]. В свою очередь Л.А. Григорян ограничивал пределы действия представительной системы лишь государственным уровнем, выделяя в нем «систему организации всего государственного механизма, решающее положение в котором занимают представительные органы государственной власти» [3, с. 79]. Признавая первостепенное значение государственных органов, не следует

преуменьшать роли гражданского общества. Видится справедливым, что в то же время представительная система включает только те государственные и общественные элементы, которым присущи основные признаки представительности. Она являет собой упорядоченную совокупность политических институтов, через которые народ осуществляет свою власть. Можно согласиться с мнением В.С. Основина, что представительная система – это «система общественных отношений, связанных с формированием и функционированием представительных органов государственной власти и оказанием на них влияния со стороны народа» [4, с. 7].

Представительная система включает выборы, наказания, отзыв депутатов, реализацию взаимодействия избранных представителей с электоратом, весь процесс формирования представительных органов, все представительные государственные и общественные органы республиканского и местного уровней. Представительная система является разносторонней, объемной, «живой» категорией, включающей в себя различные способы взаимодействия народа с государством. Большинство исследователей к субъектам системы относят народ, различные социальные группы, общественные объединения граждан, их территориальные коллективы, например, избирателей определенного округа, трудовые коллективы, отдельных граждан, органы государства, должностных лиц государственных и общественных органов, депутатов и их формирования [4, с. 11; 5, с. 113].

Таким образом, исследователи под представительной системой подразумевают, с одной стороны, совокупность субъектов, объединенных общими чертами: представительным характером и способом формирования – выборами, с другой стороны, совокупность способов, методов, элементов, процедур, оказывающих влияние на субъектов для их эффективного функционирования, к которым относятся наказания, отзыв, процесс выборов, отчеты, запросы и т.д. Многое зависит от их качества, способности понимать, представлять и воплощать волю народа на уровне государства и общества.

Для реализации властеотношений представительная система должна иметь доктринальное обоснование и законодательное закрепление. Без нормативного содержания нельзя проследить стратегическое направление, пределы развития и функционирования всех ее элементов, разделение их полномочий, функций, предназначений. Именно нормативная (объективированная, формализованная) часть представительной системы является принципиальной, приоритетной основой, необходимым условием реализации ее на практике. Без этой нормативной составляющей представительная система не могла бы действовать

в единой плоскости одного стратегического направления, выполнять поставленные задачи, объединенные общей целью. Нормативная часть институализирует, легализует и легитимирует конституционные отношения представительства.

Нормы публичного права, регулирующие представительную систему, объединены между собой общим предметом и методом правового регулирования, что указывает на их важность и специфичность в отличие от других видов общественных отношений. Считаем, что можно говорить о наличии отдельного института конституционного права. Принимая во внимание качественную однородность представляемых регулируемых общественных отношений, а также специальные методы правового регулирования, можно выделить специальный комплексный институт конституционного права в рамках государственного механизма.

Для доказательства необходимо обратиться к анализу понятия «институт права», под которым подразумевают «совокупность норм права, регулирующих однородные общественные отношения и образующих обособленную, относительно самостоятельную часть внутри отрасли права» [6, с. 483]. В состав института входят устойчивые группы правовых норм, регулирующих соответствующую разновидность общественных отношений, которые складываются в более крупные элементы системы права, образующие юридическое единство, призванное обеспечить беспрепятственность регулируемых ими отношений [1, с. 311; 7, с. 9; 8, с. 299; 9, с. 298]. Считаем, что представительная система образует сложный комплексный институт, имеющий в своем составе более мелкие разнообразные образования, регулирующие сходные общественные отношения, находящиеся во взаимосвязи, субординации и соподчиненности.

Таким образом, можно сказать, что институт права – это совокупность обособленных юридических норм, регулирующих определенный вид самостоятельных качественно однородных общественных отношений посредством специальной системы методов. Он в качестве элемента входит в состав одной отрасли права, регулируется ее нормами, выступает внутренним подразделением отрасли, обладает единством принципов, понятий и правовых норм, что создает обоснованность, самодостаточность, полноту регулируемых общественных отношений. Таким образом, обособленные критерии в своей комплексности дают возможность выделить совокупность отдельных норм в институт права. В качестве примера можно привести заключение А.В. Шавцовой, которая признает за суверенитетом статус межотраслевого, а не только конституционного института права из-за того, что реализация суверенитета регули-

руется нормами различных отраслей права, хотя обеспечение государственного суверенитета осуществляется государственными органами в пределах их компетенции в соответствии с нормами конституционного права [10, с. 91].

Белорусскими конституционалистами выделяются в рамках конституционного права комплексные (сложные) и простые институты. Комплексные институты объединяют нормы в рамках одной отрасли права, включающие элементы иного метода правового регулирования. К ним относят основы конституционного строя, правовой статус человека и гражданина, избирательную систему, институт президентства, парламента [7, с. 9], местного управления и самоуправления, народного представительства, законодательной власти, судебной власти [11, с. 14], гражданства, избирательного права, парламентаризма, референдума [12, с. 10]. Сложные институты в свою очередь включают в себя простые институты: институт принципов конституционного строя, институт обязанностей, институт законодательного процесса, институт статуса депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, институт члена Совета Республики Национального собрания [11, с. 15]. Так, институт может объединять как узкую группу однородных норм, содержащихся в одном законодательном акте, так и крупные образования, регулируемые совокупностью нормативных документов, которые называются сложными, комплексными, системообразующими.

Считаем, что на основе приведенных критериев можно говорить о комплексном институте представительной системы как обособленной совокупности норм в рамках конституционной отрасли права, которая регулирует отношения в сфере представительства. Мониторинг действующего законодательства в области всей представительной системы и представительной власти в частности свидетельствует о том, что данные институты незаслуженно отсутствуют в перечне институтов системы права и системы законодательства. Учитывая важность, решающий характер представительной системы и представительной власти в системе публичной власти, мы видим необходимость в специальном концептуальном обосновании и законодательном закреплении данного института в соответствующей системе права и системе законодательства. Как и в любой другой отрасли права, в конституционном праве границы института не имеют четких параметров, они находятся в постоянном движении из-за расширения предметов регулирования конституционного права. Особенностью конституционного права выступает то, что оно является единственной отраслью права, нормы и институты которого одновременно взаимодействуют со всеми отраслями права.

Это обусловлено ведущей ролью и значением Конституции для развития всего законодательства.

Отношения, связанные с функционированием представительной системы и представительной власти, регулируются преимущественно нормами конституционного права, хотя отдельные их виды относятся к предмету регулирования других отраслей права. Например, образование и деятельность субъектов представительной системы подчиняются определенным законодательным актам, которые относятся к разным отраслям права: нормы административного (Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращении граждан и юридических лиц», Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях), уголовного (Уголовный кодекс Республики Беларусь, статьи, закрепляющие ответственность в сфере избирательного законодательства, Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»), гражданского (Гражданский кодекс Республики Беларусь, статьи, закрепляющие процесс образования органов территориального общественного самоуправления) права и другие.

В то же время правомочия субъектов представительной власти, осуществляющих свою деятельность в пределах их компетенции, в соответствии с нормами конституционного права закреплены в специальных правоустанавливающих актах конституционного законодательства: Законе Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. № 3602-XII «О Президенте Республики Беларусь», Законе Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь», Законе Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

Избирательный кодекс Республики Беларусь носит «институциональный характер». В едином акте установлены все нормы, закрепляющие процесс формирования именно представительных органов, процедурные вопросы взаимодействия представительных органов с избирателями, их юридическую ответственность, отношения субъектов представительной власти с партиципаторным характером, кандидатами в избранные представители, наблюдателями в процессе выборов и т.д. [13]. Нормы кодекса обладают юридическим единством в сфере регулирования отношений внутри представительной системы в целом и представительной власти в частности, наделяя их свойством обособленности и однородности, объединяя все отношения, связанные с интересами народа, в органическую систему. Нормы, регулирующие отношения внутри представительной системы, между пред-

ставительными органами, избранными представителями, закрепляющие отдельные элементы, компоненты, самостоятельные субъекты системы, могут регулироваться как одним специальным законом, так и различными по юридической силе законодательными актами (например, правовой статус депутата). Практически все нормы Конституции нашли свою имплементацию, расширенное и уточняющее закрепление в специальных статусных актах, которые в большинстве своем относятся именно к конституционной отрасли права. В целом считаем оправданным выделение полного комплекса правовых актов, регулирующих институт представительства, в отдельный свод системы законодательства, которые можно разделить на отдельные блоки, состоящие из простых и сложных институтов. Простые институты включают нормы одной отрасли права, сложные (комплексные) институты образуют совокупность норм, входящих в состав различных отраслей права и регулирующих взаимосвязанные родственные отношения.

Заключение. Представительную систему следует рассматривать в двух значениях: нормативном (формализованном), которое состоит из правовых норм, нормативных правовых актов, институтов (простых и комплексного), и функциональном, которое обеспечивается за счет работы органов представительной власти, объединенных согласованными и различными средствами и методами, – связанных единой целью – представлять, выражать и защищать интересы народа.

Представительная система – это комплексный институт конституционного права, состоящий из совокупности правовых норм, закрепляющий взаимодействие ее субъектов, образование и функции органов представительной власти, их принципы и направления деятельности для достижения общей цели, используя специфические формы и методы. В ее состав входят следующие институты: представительная власть, законодательная власть, выборы, институт президентства, местные органы самоуправления и другие.

Выделение представительной системы в комплексный институт конституционного права со своей системой элементов будет способствовать органическому совершенствованию законодательства в сфере представительной власти, полному, адекватному выражению и защите интересов населения, укреплению института народного представительства, широкому его участию в управлении общественными делами. Считаем целесообразным в рамках конституционной реформы в Республике Беларусь перераспределение полномочий между Национальным собранием Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь и Президентом Республи-

ки Беларусь в сторону усиления власти законодательного органа; введение в избирательное законодательство элементов пропорциональной избирательной системы для создания смешанной системы, что будет способствовать лучшей институционализации, артикуляции групповых интересов в обществе; создание Консультативно-аналитического центра из представителей лидеров депутатских фракций по примеру Совета старейшин (Германия); с одной стороны, установление эффективной прямой и обратной связи депутатов с избирателями, с другой – введение свободного депутатского мандата, отказ от его императивности, ограничение депутатского иммунитета по сроку и содержанию. Это поможет оптимизировать работу аппарата и задействовать потенциал гражданского общества. От эффективной работы представительной власти зависит не только осуществление на практике принципа верховенства права, но и закрепление в Республике Беларусь демократического социального правового государства, действующего от имени, в интересах и для народа.

Литература

1. Демичев, Д.М. Общая теория права: учеб. пособие / Д.М. Демичев, А.А. Бочков. – Минск: Выш. шк., 2019. – 480 с.
2. Советы депутатов трудящихся и развитие социалистической демократии [Текст] / отв. ред. К.Ф. Шеремет. – М.: Наука, 1976. – 432 с.
3. Григорян, Л.А. Народовластие в СССР / Л.А. Григорян. – М.: Юрид. лит., 1972. – 295 с.
4. Основин, В.С. Советская представительная система: вопросы теории и перестройки / В.С. Основин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 125 с.
5. Страшун, Б.А. Социализм и демократия (Социалистическое народное представительство) / Б.А. Страшун. – М.: Проспект, 2015. – 213 с.
6. Радько, Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов / Т.Н. Радько. – М.: Акад. проект, 2005. – 816 с.
7. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник для студ. юрид. вузов / Г.А. Василевич. – Минск: УП «Книжный Дом»: ООО «Интерпрессервис», 2003. – 830 с.
8. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: курс лекций / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; ред. А.Ф. Вишневский. – Минск: Тесей, 1998. – 576 с.
9. Соколов, Н.Я. Теория государства и права: учебник / Н.Я. Соколов, А.А. Федорченко, Р.В. Шагиева; под ред. Р.В. Шагиевой. – М.: Проспект, 2019. – 533 с.
10. Шавцова, А.В. Мониторинг законодательства Республики Беларусь в области правового регулирования суверенитета / А.В. Шавцова // Конституция – Основной закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 марта 2014 г. / редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.) [и др.]; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2014. – С. 88–91.
11. Демичев, Д.М. Конституционное право: краткий конспект лекций / Д.М. Демичев. – Минск: БГЭУ, 2018. – 182 с.
12. Кодавбович, В.А. Конституционное право Республики Беларусь / В.А. Кодавбович, В.А. Круглов. – Минск: Амалфея, 2007. – 528 с.
13. Козак, М.А. Систематизация норм, закрепляющих правовой статус органов представительной власти / М.А. Козак // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С. 17–22.

Поступила в редакцию 07.04.2021

Институциональные меры государственного регулирования по преодолению социально-экономического неравенства как барьера на пути устойчивого развития

Иншакова А.О.

Институт права Волгоградского государственного университета

Статья посвящена исследованию проблемы социально-экономического неравенства с позиций нео-институциональной экономической теории.

Цель статьи – выявление причинно-следственных связей возникновения и проявления этой проблемы в качестве барьера на пути устойчивого развития, а также разработка институциональных мер ее решения на базе государственного регулирования.

Материал и методы. Для наиболее полного охвата стран мира и обеспечения высокой репрезентативности результатов исследования в качестве материала выбраны страны из каждой категории стран, условно выделенной по критерию их положения в глобальном рейтинге стран по значению индекса устойчивого развития, рассчитываемого и составляемого Sustainable Development Solutions Network, за 2019 г. В основу научно-методологической базы данного исследования положен метод регрессионного анализа, с помощью которого строятся и анализируются регрессионные кривые.

Результаты и их обсуждение. Обосновано, что финансовое неравенство является следствием нарушения принципов социальной справедливости, в первую очередь на рынке труда. Примененный для изучения проблемы социально-экономического неравенства институциональный подход позволил представить исследуемую проблему как результат действия социальных институтов с собственной системой правил и норм, а также предложить институциональные меры регулирования, призванные воздействовать на правила и нормы в обществе на рынке труда. Благодаря этому объектом регулирования становится не следствие, а причина и достигаются более выраженные и долгосрочные результаты.

Заключение. Доказано, что социальная справедливость выступает ключевым условием преодоления социально-экономического неравенства, формирования инклюзивного общества и достижения сбалансированности мирохозяйственной системы, тем самым открывая путь к устойчивому развитию. Выявлены четыре «институциональные ловушки», закрепляющие практики нарушения принципов социальной справедливости в системе норм и правил поведения участников на рынке труда. Обозначены перспективы, определены направления и предложены меры государственного регулирования институтов социально-экономического неравенства в интересах его преодоления и обеспечения устойчивого развития национальной и мировой экономики.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, устойчивое развитие, «институциональные ловушки», государственное регулирование, социальная справедливость.

Institutional Measures of State Regulation for Preventing Social and Economic Inequality as a Barrier in the Way to Sustainable Development

Inshakova A.O.

Volgograd State University Institute of Law

The article presents the study of the social and economic inequality issue from the point of view of neo-institutional economic theory.

The purpose of the article is to find out the reason and consequence connections for the emergence and manifestation of the problem as a barrier to sustainable development as well as the elaboration of institutional measures for its solution on the basis of state regulation.

Material and methods. To fully embrace countries of the world and provide high representation of the research findings we used as the material countries from every country category which is distinguished arbitrary according to the criterion of their position in the global rating of the sustainable development index countries which is estimated and made up by 2019 Sustainable Development Solutions Network. The scientific and methodological base of the research is the regressive analysis method with the help of which regressive curves are built and analyzed.

Findings and their discussion. It is proved that financial inequality is the consequence of violating the principles of social justice, first of all in the labor market. The institutional approach which was used in the study of the problem of social and economic inequality made it possible to present the issue under study as a result of the operation of social institutions with their own system of rules and norms and to offer institutional regulation measures which are to influence the rules and norms in the labor market. Due to it, the reason but not the consequence becomes the object of regulation and more prominent and long term results are reached.

Conclusion. It is proved that social justice is a key condition for preventing social and economic inequality, for shaping inclusive society and for reaching a balanced world economic system, thus paving the way for sustainable development. Four "institutional catches" were identified which fix the practices of violation of social justice principles in the system of norms and rules of the behavior of labor market participants. Prospects are outlined, directions are identified and measures are offered of state regulation of social and economic injustice institutions for its prevention and provision of the sustainable development of national and world economies.

Key words: social and economic inequality, sustainable development, "institutional catches", state regulation, social justice.

Преодоление социально-экономического неравенства является одним из важнейших аспектов и обязательных условий устойчивого развития при его широкой трактовке [1] через призму не только преодоления диспропорций между экономическим ростом и защитой окружающей среды, но и сбалансированности общества [2]. В современной экономической науке сложился концептуально-методологический подход к изучению социально-экономического неравенства с позиций финансов [3]. В этом случае мерой неравенства выступает различие в уровне реальных располагаемых доходов населения и его покупательных способностей.

Безусловным преимуществом и логическим обоснованием сложившегося подхода выступает опора на статистические данные, сбор которых максимально прост и осуществляется автоматически на базе данных налоговой службы. Доходы измеряются в денежных единицах, что позволяет проводить международные сравнения с использованием сопоставимых данных. С нормативно-правовой точки зрения финансы населения в наибольшей степени поддаются регулированию. Тем не менее, как показывает практика, финансовый подход обладает целым рядом недостатков.

Во-первых, идея выравнивания доходов сама по себе противоречива и уходит корнями в социализм, вступая в конфликт с положениями капитализма [4]. С одной стороны, существует определенная доля населения, которая по объективным причинам не может обеспечить себя и действительно нуждается в государственной финансовой поддержке. Это население с ограниченными возможностями, но даже оно постепенно вовлекается в процесс создания добавленной стоимости в экономике по мере повышения инклюзии общества [5]. С другой стороны, внешняя поддержка подрывает мотивацию к труду, тем самым поощряя безработицу или низкопроизводительную хозяйственную деятельность [6]. Более того, меры поддержки вызывают закономерную и обоснованную критику со стороны тех слоев населения, на которые они не распространяются [7], и создают тенденцию общей де-мотивации

к труду в экономике в массовом стремлении населения попасть под социальные льготы и получить выплаты от государства.

Во-вторых, точный статистический учет даже основной экономической категории – доходов – затруднен. Со стороны населения трудность заключается в наличии теневой экономики. При возрастающем налоговом бремени уклонение от уплаты налогов становится механизмом поддержания привычного уровня жизни населением. В результате официальная безработица увеличивается, хотя фактически она остается на прежнем уровне. Также существует трудность со стороны самого государства. Различие в уровне доходов населения измеряется с помощью множества показателей, каждый из которых отражает какой-то аспект социально-экономического неравенства.

В частности, в международной практике распространены такие показатели, как Индекс Джинни (показывает концентрацию доходов в обществе), средний располагаемый доход, малообеспеченное население, доля населения, находящегося за чертой бедности и др. [8]. Для улучшения позиции страны в международных рейтингах и/или сокращения уровня общественного недовольства государства искусственно занижают уровень бедности в стране посредством варьирования прожиточного минимума и игры на непрозрачности статистического учета: к примеру, малообеспеченным признается только то население, которое подало все необходимые для этого документы и подтвердило свой статус, а не автоматически все население с доходами ниже прожиточного минимума [9].

В-третьих, расслоение в доходах – это следствие латентных социально-экономических процессов, обуславливающих неравенство в обществе. Финансы отражают проявление неравенства, оставляя скрытыми, неопределенными его причины. Воздействуя на следствие, государство маскирует проблему неравенства и откладывает ее решение, но проблема сохраняется и усугубляется со временем [10]. Хотя неравенство неизбежно, оно вызывает общественное недовольство и приводит к социальным кризисам и поэтому нуждается в сокращении посредством регулирования [11].

Поскольку сложившийся финансовый подход не позволяет решить поставленную проблему, актуальна разработка нового (альтернативного, нефинансового) научно-методического подхода к изучению, измерению и регулированию социально-экономического неравенства [12]. Рабочая гипотеза этого исследования состоит в том, что причина социально-экономического неравенства кроется в нарушении принципов социальной справедливости и потому сокращение неравенства должно осуществляться на базе обеспечения социальной справедливости с помощью не финансовых, а институциональных мер государственного регулирования.

В существующей научно-исследовательской литературе в теории признается, что социально-экономическое неравенство выступает барьером на пути устойчивого развития, но отсутствуют практические количественные доказательства этого факта. Институциональная природа возникновения и перспектив решения проблемы социально-экономического неравенства не исследована и нуждается в дополнительном изучении, чему посвящена данная работа.

Цель статьи – выявление причинно-следственных связей возникновения и проявления этой проблемы в качестве барьера на пути устойчивого развития, а также разработка институциональных мер ее решения на базе государственного регулирования.

Материал и методы. Для наиболее полного охвата стран мира и обеспечения высокой репрезентативности результатов исследования в качестве материала нами выбрано по 4 страны из каждой категории стран, условно выделенной по критерию их положения в глобальном рейтинге стран по значению индекса устойчивого развития, рассчитываемого и составляемого Sustainable Development Solutions Network, за 2019 г. С помощью метода регрессионного анализа строятся регрессионные кривые зависимости различных показателей друг от друга вида $y = a + b * x$, где значение коэффициента b показывает, насколько изменится результирующая переменная (y) при повышении факторной переменной (x) на 1) с указанием их корреляции (приводятся коэффициенты детерминации R^2).

Результаты и их обсуждение. В категории стран с высокой устойчивостью (места 1–41) выбраны Дания (1-е место), Швеция (2-е место), Финляндия (3-е место) и Китай (39-е место). В категории стран с повышенной (выше среднемирового уровня) устойчивостью (места 42–82) попали Россия (55-е место), Бразилия (57-е место), Мексика (78-е место) и Турция (78-е место). В категорию стран со сниженной (ниже среднемирового

уровня) устойчивостью (места 83–123) включены Саудовская Аравия (98-е место), Индонезия (102-е место), Южная Африка (113-е место) и Индия (115-е место). В категорию стран с низкой устойчивостью (места 124–162) вошли Кения (125-е место), Руанда (126-е место), Замбия (139-е место) и Мадагаскар (158-е место).

В качестве показателей для изучения выбраны следующие:

- Индекс устойчивого развития, рассчитываемый New Economic Foundation;

- ВВП на душу населения, рассчитываемый Всемирным банком и показывающий уровень социально-экономического неравенства в мировой экономике с финансовой (результатирующей) точки зрения;

- Индекс неравенства доходов, рассчитываемый Sustainable Development Solutions Network и показывающий уровень социально-экономического неравенства в национальной экономике с финансовой (результатирующей) точки зрения;

- Индекс социальной справедливости, представленный в отчете “Social Justice in the EU and OECD Index Report 2019” и показывающий уровень социально-экономического неравенства в национальной экономике с нефинансовой (социальной – через призму равенства возможностей) точки зрения.

Характеристика социально-экономического неравенства и устойчивого развития с позиций обозначенных показателей в выборке стран в 2019 г. приведена в таблице 1.

В качестве показателей потенциальных институциональных причин социально-экономического неравенства отобраны следующие:

- Образование и уровень квалификации работников на рынке труда как индекс (6th pillar: Skills), рассчитываемый специалистами Всемирного экономического форума;

- Безработица (общий уровень в экономике), определяемая Всемирным банком, как показатель несбалансированности (неравновесного состояния) рынка труда;

- Безработица молодых женщин, % от женщин в возрасте 15–24 лет, также рассчитываемая Всемирным банком как показатель половозрастной дискриминации на рынке труда;

- Темп экономического роста, рассчитываемый Всемирным банком;

- Субсидии, рассчитываемые Всемирным банком (Grants, excluding technical cooperation), как показатель финансовой поддержки решения проблемы социально-экономического неравенства;

- Доля населения, находящегося за национальной чертой бедности, определяемая Всемирным банком;

– Индекс цифровой конкурентоспособности, рассчитываемый IMD как показатель прогрессивности социальной среды (развития цифрового общества);

– Индекс загрязнения окружающей среды как субиндекс Quality of Life Index for Country, рассчитываемый Numbeo.

Характеристика обозначенных показателей в выборке стран в 2019 г. отражена в таблице 2.

«Институциональные ловушки» социально-экономического неравенства как барьера на пути устойчивого развития

На базе регрессионного анализа официальных статистических данных нами научно обосновано, что социально-экономическое неравенство выступает барьером на пути устойчивого развития и проявляется как финансово, так и не финансово (рисунок 1).

Как показано на рисунке 1, на уровне мировой экономики социально-экономическое неравенство в значительной степени определяет устойчивое развитие. Так, повышение ВВП на душу населения на 1 долл. способствует росту значения индекса устойчивого развития на 0,0005 балла, корреляция показателей составляет 72,86%.

То есть по мере экономического роста диспропорции между развитыми и развивающимися странами выравниваются, что обеспечивает сбалансированность мирохозяйственной системы.

На национальном уровне связь рассматриваемых явлений и процессов еще более тесная. При снижении значения индекса неравенства доходов на 1% индекс устойчивого развития повышается на 2,2296 балла, корреляция 95,14%. Это означает, что сокращение неравенства в финансовом выражении позволяет достигать устойчивого развития национальных хозяйственных систем. Тем не менее наиболее высоким оказалось влияние социальных (нефинансовых) факторов, однако их воздействие искажено.

При повышении значения индекса социальной справедливости на 1 балл индекс устойчивого развития снижается на 0,4332 балла, корреляция показателей составляет 98,74%. Выявленное искаженное влияние социальной справедливости объясняется острым дефицитом статистических данных – из 12 стран в выборке только по 5 странам доступны значения индекса социальной справедливости, чего недостаточно для получения достоверных результатов регрессионного анализа.

Таблица 1 – Характеристика результатов социально-экономического неравенства и устойчивого развития в выборке стран в 2019 г.

Категория устойчивости	Место в рейтинге устойчивости	Страна	Индекс устойчивого развития, баллы 1–100	ВВП на душу населения, долл.	Индекс неравенства доходов, %	Индекс социальной справедливости, баллы 100–1
Высокая устойчивость (места 1–41)	1	Дания	85,2	61350,3	7	3
	2	Швеция	85,0	54608,4	6	5
	3	Финляндия	82,8	50152,3	6	4
	39	Китай	73,2	9770,8	17	н/д
Повышенная устойчивость (места 42–82)	55	Россия	70,9	11288,9	16	н/д
	57	Бразилия	70,6	8920,8	22	н/д
	78	Мексика	68,5	9673,4	19	41
	78	Турция	68,5	9370,2	19	40
Сниженная устойчивость (места 83–123)	98	Саудовская Аравия	64,8	23339,0	н/д	н/д
	102	Индонезия	64,2	3893,6	21	н/д
	113	Южная Африка	61,5	6374,0	33	н/д
	115	Индия	61,1	2010,0	31	н/д
Низкая устойчивость (места 124–162)	125	Кения	57,0	1710,5	38	н/д
	126	Руанда	56,0	772,9	37	н/д
	139	Замбия	52,6	1539,9	41	н/д
	158	Мадагаскар	46,7	527,5	н/д	н/д

Источник: составлено автором на основе материалов Hellmann et al. (2019), New Economic Foundation (2019), Sustainable Development Solutions Network (2019).

Таблица 2 – Характеристика потенциальных институциональных причин социально-экономического неравенства в выборке стран в 2019 г.

Категория устойчивости	Страна	Образование и уровень квалификации работников на рынке труда, баллы 1–100	Безработица, % от рабочей силы	Безработица молодых женщин, % от женщин в возрасте 15–24 лет	Темп экономического роста, %	Субсидии, долл.	Доля населения, находящегося за национальной чертой бедности, %	Индекс цифровой конкурентоспособности, баллы 1–100	Индекс зарплатенения окружающей среды, %
Высокая устойчивость (места 1–41)	Дания	85,7	4,6	8,4	2,4	н/д	н/д	85,225	20,79
	Швеция	83,7	7,1	17,2	2,2	н/д	н/д	96,070	17,45
	Финляндия	85,7	7,4	16,0	1,7	н/д	н/д	93,732	11,57
	Китай	64,1	4,9	9,4	6,6	11,690	3,1	84,292	81,24
	Россия	68,3	4,7	15,5	2,3	658,130	12,9	70,406	63,49
	Бразилия	56,4	10,5	31,9	1,1	7,500	н/д	57,346	56,1
Повышенная устойчивость (места 42–82)	Мексика	58,3	3,3	7,6	2,1	6,510	41,9	60,411	66,88
	Турция	60,8	10,5	25,7	2,8	57,240	13,5	59,793	68,63
	Саудовская Аравия	75,3	2,9	43,6	2,4	0,290	н/д	69,036	66,07
	Индонезия	64,0	4,5	16,5	5,2	18,450	9,8	58,011	64,39
Сниженная устойчивость (места 83–123)	Южная Африка	58,1	25,3	58,8	0,8	21,020	55,5	60,865	56,20
	Индия	50,5	2,3	13,1	6,8	17,550	21,9	64,952	75,55
	Кения	56,3	9,4	18,3	6,3	323,850	36,1	н/д	74,01
	Руанда	40,1	1,0	2,0	8,6	24,220	38,2	н/д	н/д
Низкая устойчивость (места 124–162)	Замбия	47,6	7,4	15,8	3,8	14,050	54,4	г/д	н/д
	Мадагаскар	38,5	1,5	3,0	4,6	17,040	70,7	н/д	н/д

Источник: составлено автором на основе материалов IMD (2019), Numbeo (2019), World Bank (2019), World Economic Forum (2019).

Поэтому при дальнейших расчетах мы вынуждены исключить индекс социальной справедливости из-за недостаточности данных.

В результате системного анализа причинно-следственных связей возникновения и проявления социально-экономического неравенства нами выявлены четыре «институциональные ловушки», вызывающие это неравенство. Первая «институциональная ловушка» связана с влиянием образования и рынка труда на социально-экономическое неравенство. Она заключается в том, что низкий уровень образования населения, вызванный дефицитом высшего образования и/или низкой ценностью высшего образования в национальной культуре, приводит к низкому уровню квалификации работников на рынке труда.

В условиях инновационной экономики и индустрии 4.0 производство становится все более высокотехнологичным [13]. Поэтому в предпринимательстве востребованы только квалифицированные работники, растет спрос на кадры цифровой экономики [14]. Низкий уровень квалификации работников вызывает кризис рынка труда, при котором сохраняется дефицит кадров в предпринимательстве, но существует высокий уровень безработицы. Неполное использование человеческого потенциала в экономике тормозит ее развитие по сравнению с другими хозяйственными системами и усиливает диспропорции в мировом хозяйстве [15]. На базе статистических данных обозначенные зависимости подтверждены на рисунке 2.

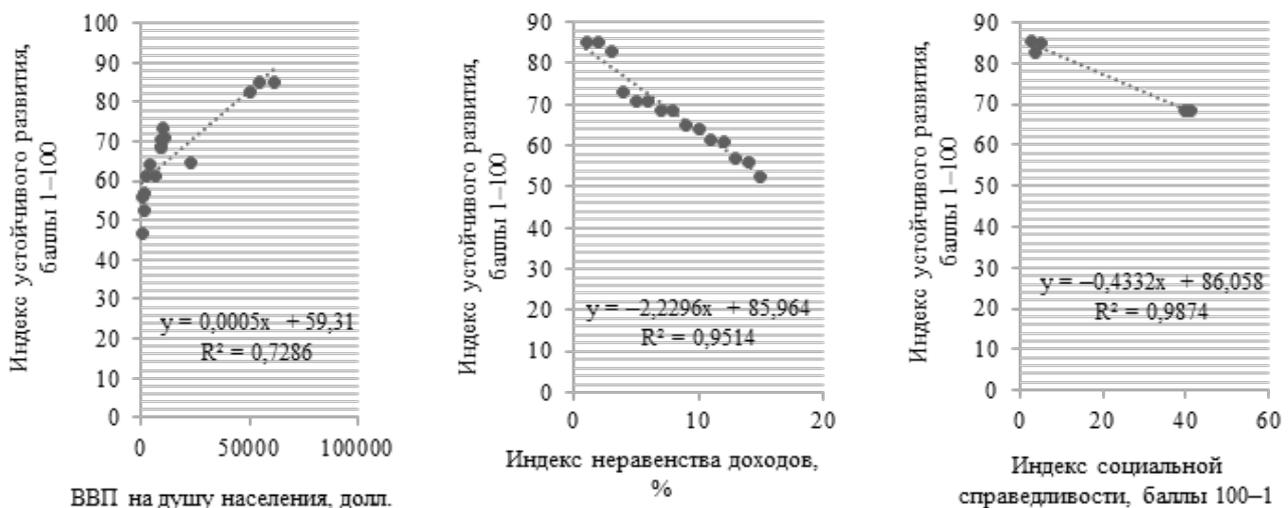

Рисунок 1 – Регрессионные кривые влияния финансовых и нефинансовых проявлений социально-экономического неравенства на устойчивое развитие

Источник: рассчитано и построено автором.

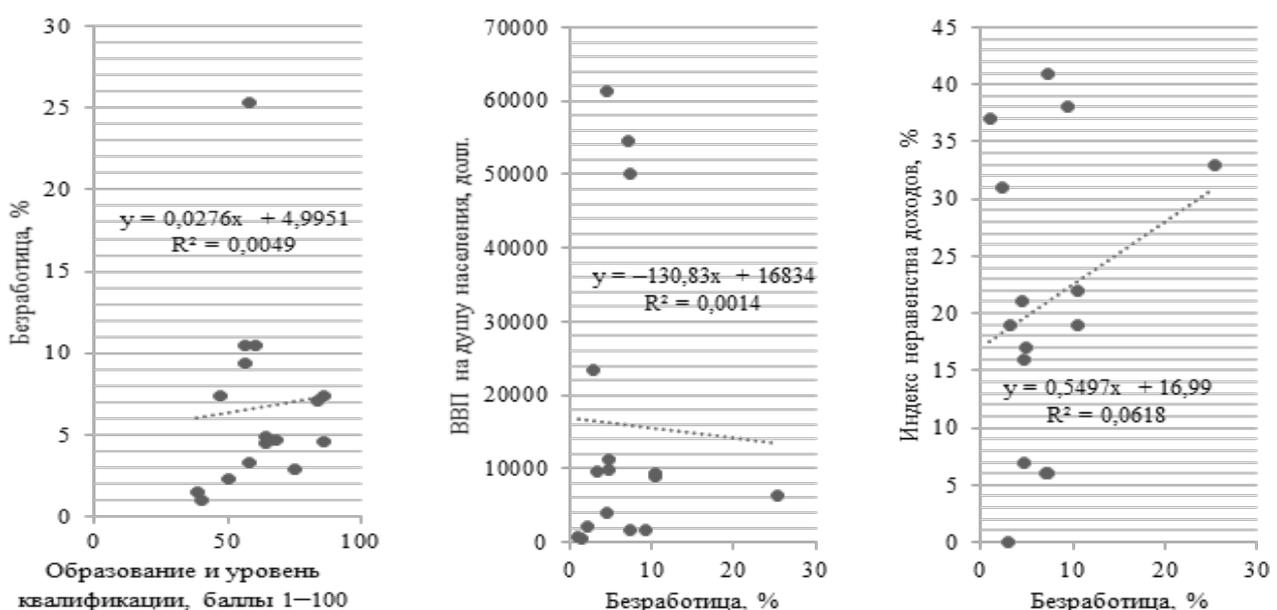

Рисунок 2 – Регрессионные кривые влияния образования и рынка труда на социально-экономическое неравенство

Источник: рассчитано и построено автором.

Как показано на рисунке 2, при повышении уровня образования и квалификации на 1 балл безработица возрастает на 0,0276%, корреляция показателей 0,49%. Установленная слабая связь показателей может быть объяснена возрастающими требованиями к условиям и оплате труда при повышении уровня образования и квалификации у работников. Также можно предположить, что существуют выраженные национальные различия в рассматриваемой зависимости, которые сглажены на уровне мировой экономики [16].

При повышении уровня безработицы на 1% ВВП на душу населения сокращается на 130,83 долл., корреляция практически нулевая и составляет 0,14%. Это означает, что безработица является одним из наименее значимых факторов экономического роста. То есть на мировом уровне эффект заметен слабо. Тем не менее при повышении уровня безработицы на 1% индекс неравенства доходов увеличивается на 0,5497%, корреляция показателей составляет 6,18%. Это означает, что на национальном уровне безработица в значительной степени определяет социально-экономическое неравенство.

Вторая «институциональная ловушка» вызвана влиянием половозрастной несправедливости на рынке труда на социально-экономическое неравенство. Она проявляется в том, что возрастные и гендерные различия приводят к необъективным и нерациональным кадровым решениям в предпринимательстве. Из-за этого формируются устойчивые социально-незащищенные категории населения, к примеру, женщины в возрасте 15–

24 лет, которые нуждаются в поддержке государства. Их человеческий потенциал не раскрывается, что тормозит экономический рост. На базе статистических данных обозначенные зависимости подтверждены на рисунке 3.

В соответствии с рисунком 3 при повышении уровня безработицы молодых женщин на 1% темп экономического роста снижается на 0,0867%, а ВВП на душу населения сокращается на 49,795 долл. Примечательно, что при ускорении темпа экономического роста на 1% повышается индекс неравенства доходов на 2,6678%. То есть влияние рассмотренных показателей циклично и приводит к системному углублению социально-экономического неравенства.

Третья «институциональная ловушка» обусловлена влиянием финансовой (субсидиарной) социальной поддержки на социально-экономическое неравенство. Ее сущность заключается в том, что меры финансовой поддержки подрывают мотивацию населения к труду и практически не воздействуют на неравенство в обществе, то есть малоэффективны. На базе статистических данных обозначенные зависимости подтверждены на рисунке 4.

Согласно рисунку 4 при повышении субсидий на 1 долл. доля населения, находящегося за национальной чертой бедности, снижается на 0,015%, корреляция показателей пренебрежительно мала и составляет 1,48%. При повышении доли населения, находящегося за чертой бедности, на 1% индекс неравенства доходов повышается на 2,4056%, корреляция показателей умеренная

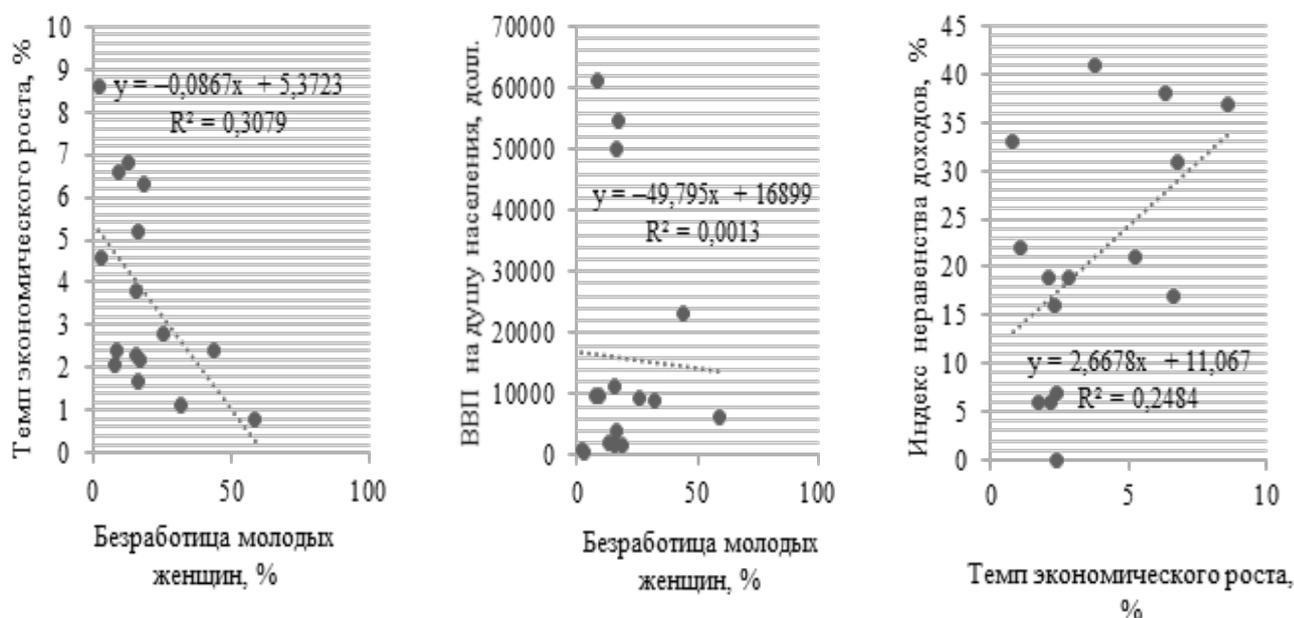

Рисунок 3 – Регрессионные кривые влияния половозрастной несправедливости на рынке труда на социально-экономическое неравенство

Источник: рассчитано и построено автором.

и составляет 53,98%. Это означает, что долю населения, находящегося за национальной чертой бедности, необходимо снижать в интересах сокращения социально-экономического неравенства в обществе, но меры финансовой поддержки этому не способствуют.

Четвертая, последняя выявленная нами «институциональная ловушка» определяется влиянием уровня развития цифрового общества на социально-экономическое неравенство. Она выражается в том, что замедленный темп цифровой модернизации общества и экономики усиливает и закрепляет отставание развивающихся стран от развитых, тем самым институционализируя диспропорции в мирохозяйственной системе.

На базе статистических данных обозначенные зависимости подтверждены на рисунке 5.

Как показано на рисунке 5, при повышении значения индекса цифровой конкурентоспособности на 1 балл индекс загрязнения окружающей среды сокращается на 1,1695 балла, корреляция показателей 49,92%. При этом ВВП на душу населения повышается на 1256 долл. (корреляция 69,62%), а неравенство доходов сокращается на 0,4612% (корреляция 42,48%). Следовательно, цифровизация оказывает благотворное влияние на общество и экономику, улучшая состояние окружающей среды и сокращая неравенство доходов на уровне национальной и мировой экономики.

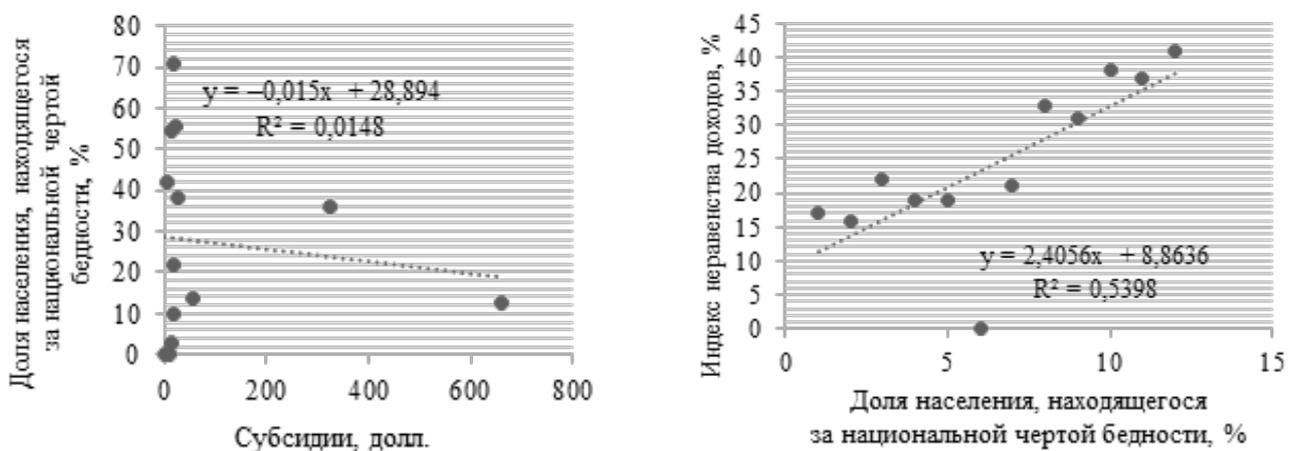

Рисунок 4 – Регрессионные кривые влияния финансовой (субсидиарной) социальной поддержки на социально-экономическое неравенство

Источник: рассчитано и построено автором.

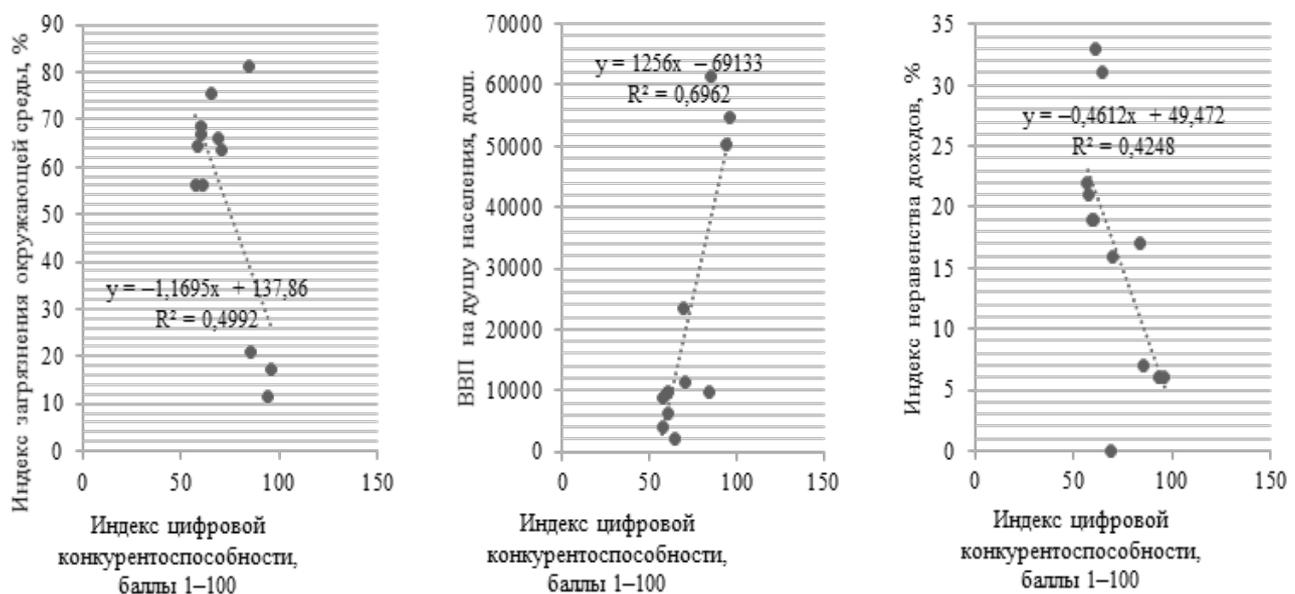

Рисунок 5 – Регрессионные кривые влияния уровня развития цифрового общества на социально-экономическое неравенство

Источник: рассчитано и построено автором.

Перспективы и рекомендации для преодоления «институциональных ловушек» в интересах устойчивого развития

Проведенный анализ сущности выявленных «институциональных ловушек» показал, что они вызваны применением мер финансовой социальной поддержки государством. Перспективы преодоления «институциональных ловушек» связаны с реализацией нефинансовых мер государственного регулирования социально-экономического неравенства, направленных на его преодоление. Авторские рекомендации для этого систематизированы в таблице 3.

Рекомендуются меры в четырех следующих направлениях. Первое направление: повышение доступности и популяризация образования. Для этого предлагаются меры регулирования:

- государственное со-финансирование обучения;
- стимулирование целевого (корпоративного) обучения;
- социальный маркетинг высшего образования государством.

Ожидаемый результат связан с повышением уровня квалификации работников на рынке труда, сокращением безработицы, развитием предпринимательства.

Второе направление: предотвращение дискриминации по половозрастному принципу на рынке труда. В рамках данного направления рекомендуются меры регулирования:

- формирование и развитие электронного – обезличенного рынка труда;
- внедрение профессиональных стандартов на базе компетентностного подхода для бизнеса;
- ужесточение государственных санкций для бизнеса за нарушение требований к социальной справедливости на рынке труда.

В качестве ожидаемого результата выступают обеспечение инклюзивности рынка труда и его социальной справедливости, наиболее полная реализация человеческого потенциала, ускорение экономического роста.

Третье направление: поддержка трудоустройства населения с доходом ниже прожиточного минимума. Для этого необходимы меры регулирования:

- предоставление льгот на обучение и повышение квалификации;
- поддержка трудовой миграции в регионы, где больше возможности для трудоустройства.

Ожидаемый результат заключается в задействовании рыночного механизма борьбы с бедностью на условиях конкуренции и достижении долгосрочного эффекта.

Таблица 3 – Перспективы и рекомендации для преодоления «институциональных ловушек» в интересах устойчивого развития

Направление	Меры регулирования	Ожидаемые результаты
Повышение доступности и популяризация образования	– государственное со-финансирование обучения; – стимулирование целевого (корпоративного) обучения; – социальный маркетинг высшего образования государством	повышение уровня квалификации работников на рынке труда, сокращение безработицы, развитие предпринимательства
Предотвращение дискриминации по половозрастному принципу на рынке труда	– формирование и развитие электронного – обезличенного рынка труда; – внедрение профессиональных стандартов на базе компетентностного подхода для бизнеса; – ужесточение государственных санкций для бизнеса за нарушение требований к социальной справедливости на рынке труда	обеспечение инклюзивности рынка труда и его социальной справедливости, наиболее полная реализация человеческого потенциала, ускорение экономического роста
Поддержка трудоустройства населения с доходом ниже прожиточного минимума	– предоставление льгот на обучение и повышение квалификации; – поддержка трудовой миграции в регионы, где больше возможности для трудоустройства	задействование рыночного механизма борьбы с бедностью на условиях конкуренции, долгосрочный эффект
Стимулирование развития цифрового общества	– реализация национальных программ повышения цифровой грамотности населения; – развитие цифровой инфраструктуры и повышение ее доступности	сокращение экологических издержек экономического роста, повышение уровня и качества жизни населения

Источник: разработано и составлено автором.

Четвертое направление: стимулирование развития цифрового общества. Для этого целесообразны меры регулирования:

- реализация национальных программ повышения цифровой грамотности населения;
- развитие цифровой инфраструктуры и повышение ее доступности.

Ожидаемые результаты включают в себя сокращение экологических издержек экономического роста, повышение уровня и качества жизни населения.

Заключение. Таким образом, результаты проведенного исследования доказали рабочую гипотезу и подтвердили, что финансовое неравенство (различия в уровне дохода на национальном уровне и в ВВП на душу населения на мировом уровне) является следствием нарушения принципов социальной справедливости, в первую очередь на рынке труда. Примененный для изучения проблемы социально-экономического неравенства институциональный подход позволил представить эту проблему как результат действия социальных институтов с собственной системой правил и норм, а также предложить институциональные меры регулирования, призванные воздействовать на правила и нормы в обществе на рынке труда. Благодаря этому объектом регулирования становится не следствие, а причина, и достигаются более выраженные и долгосрочные результаты.

На основе имеющихся статистических данных с применением эконометрической методологии предоставлены убедительные научные доказательства того, что социальная справедливость является ключевым условием преодоления социально-экономического неравенства, формирования инклюзивного общества и достижения сбалансированности мирохозяйственной системы, тем самым открывая путь к устойчивому развитию. Выявлены четыре «институциональные ловушки», закрепляющие практики нарушения принципов социальной справедливости в системе норм и правил поведения участников на рынке труда.

Первая «институциональная ловушка» связана с влиянием образования и рынка труда на социально-экономическое неравенство. Вторая «институциональная ловушка» вызвана влиянием половозрастной несправедливости на рынке труда на социально-экономическое неравенство. Третья «институциональная ловушка» обусловлена влиянием финансовой (субсидиарной) социальной поддержки на социально-экономическое неравенство. Четвертая, последняя выявленная нами «институциональная ловушка» определяется влиянием уровня развития цифрового обще-

ства на социально-экономическое неравенство. Обозначены перспективы, определены направления и предложены меры государственного регулирования институтов социально-экономического неравенства в интересах его преодоления и обеспечения устойчивого развития национальной и мировой экономики.

Работа выполнена в рамках фонда RFBR, проект № 18-29-16132

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-29-16132 “Priorities for the legal development of digital technologies of foreign trade activities in the context of international economic integration”.

Литература

1. Eustachio, J.H.P.P. Systemic indicator of sustainable development: Proposal and application of a framework / J.H.P.P. Eustachio, A.C.F. Caldana, L.B. Liboni, D.P. Martinelli // *Journal of Cleaner Production*. – 2019. – Vol. 241. – P. 118–383.
2. Au, A. The embodiment of social capital at individual and communal levels: Action, rewards, inequality, and new directions / A. Au // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – 2019. – Vol. 39, № 9–10. – P. 812–830.
3. Матьцин, Д.Е. Неоиндустриальный инструментальный оборота бездокументарных ценных бумаг: цифровые технологии реализации и защиты прав инвесторов и эмитентов / Д.Е. Матьцин // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 73–83.
4. Tacon, R. Social capital and social ties in organisations: a case study of two voluntary sports clubs / R. Tacon // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – 2019. – Vol. 39, № 9–10. – P. 883–898.
5. Thakhathi, A. Creative start-up capital raising for inclusive sustainable development: A case study of Boswa ba Rona Development Corporation's self-reliance / A. Thakhathi // *Journal of Cleaner Production*. – 2019. – Vol. 241. – P. 118–161.
6. Economic stimuli for creating highly-efficient jobs: A modern human's view / Y.A. Agunovich [et al.] // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. – 2018. – № 622. – P. 666–672.
7. Pritvorova, T. Possibilities of blitz-psychograms as a tool for human resource management in the supporting system of hardness of company / T. Pritvorova, B. Tasbulatova, E. Petrenko // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. – 2018. – Vol. 6, № 2. – P. 840–853.
8. Quality of Life Index for Country 2019 Mid-Year [Electronic resource] // Numbeo. – Mode of access: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp. – Date of access: 10.02.2021.
9. Inshakova, A.O. Development of social market economy under the influence of noneconomic factors: modeling and regulation [Electronic resource] / A.O. Inshakova, E.E. Frolova, M.V. Galkina, E.P. Rusakova // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – Mode of access: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/65498/>. – Date of access: 15.02.2021.
10. Zankovsky, S. Social consequences of economic globalization: experience of developed and developing countries and perspectives of optimization [Electronic resource] / S. Zankovsky, V. Bezbakh, A. Inshakova, E.P. Rusakova // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – Mode of access: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/65498/>. – Date of access: 15.02.2021.
11. Qerimi, Q. Development and social development in the global context / Q. Qerimi, B.S. Sergi // *International Journal of Business and Globalisation*. – 2015. – Vol. 14, № 4. – P. 383–407.

12. Матыцин, Д.Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор РЕПО на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д.Е. Матыцин // *Право и практика*. – 2020. – № 2. – С. 136–140.
13. Inshakova, E.I. Neo-Industrialization of the Russian Economy: Technological and Digital Development. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / E.I. Inshakova, A.Y. Ryzhenkov, A.O. Inshakova // *Studies in Computational Intelligence* / ed. E.G. Popkova. – Cham: Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 239–250.
14. Naderi, A. The contributions of social entrepreneurship and transformational leadership to performance: Insights from rural tourism in Iran / A. Naderi, L. Nasrolahi Vosta, A. Ebrahimi, M.R. Jalilvand // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – 2019. – Vol. 39, № 9–10. – P. 719–737.
15. Иншакова, А.О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 [Электронный ресурс] / А.О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-informatsionno-tehnologicheskie-preobrazovaniya-obschestvennyh-otnosheniy-v-usloviyah-industrii-4-0>. – Дата доступа: 22.02.2021.
16. Ragulina, Y.V. Priorities of development of industry 4.0 in modern economic systems with different progress in formation of knowledge economy / Y.V. Ragulina // *Studies in Systems, Decision and Control*. – 2019. – № 169. – P. 167–174.
17. World Digital Competitiveness Ranking [Electronic resource] // IMD. – Mode of access: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/>. – Date of access: 10.03.2021.
18. Happy Planet Index Report [Electronic resource] // New Economic Foundation. – Mode of access: <http://happyplanetindex.org/>. – Date of access: 04.03.2021.
19. Sustainable Development Index [Electronic resource] // Sustainable Development Solutions Network. – Mode of access: <https://sdsna.github.io/2019GlobalIndex/2019GlobalIndexRankings.pdf>. – Date of access: 09.03.2021.
20. Indicators [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.MA.ZS?view=chart>. – Date of access: 05.03.2021.
21. The Global Competitiveness Report [Electronic resource] // World Economic Forum. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2019/competitiveness-rankings/#series=GCI4.B.06>. – Date of access: 05.03.2021.

Поступила в редакцию 23.03.2021

Гражданско-правовая ответственность юридических лиц: проблема теоретического обоснования в российской юриспруденции

Ерофеева Д.В., Сенин Д.В., Шагиева Р.В.

Российская академия адвокатуры и нотариата

Авторы в ходе проведенного анализа имеющихся подходов в юриспруденции к пониманию категории «гражданско-правовая ответственность юридических лиц» предлагают современную модель ее теоретико-правового осмысления.

Цель статьи – выявить теоретико-методологическую ценность категории «гражданско-правовая ответственность юридических лиц» в современных условиях.

Материал и методы. Работа основана на анализе законодательства Российской Федерации и Украины, научных доктринах специалистов по обозначенной теме, а также данных правоприменительной практики. В исследовании используются исторический, сравнительный, формально-логический и юридико-догматический методы.

Результаты и их обсуждение. Научное изучение проблемы позволило раскрыть наличие преемственности основных подходов к пониманию юридической ответственности. Исходя из конкретных позиций, представленных советскими и современными авторами, получены выводы о сохранении неоднозначности в научном осмыслении феномена гражданско-правовой ответственности юридических лиц и необходимости ее обновленного понимания.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность юридических лиц, ретроспективная и проспективная юридическая ответственность, корпоративная ответственность.

The Civil Legal Responsibility of Entities: the Issue of the Theoretical Substantiation in Russian Jurisprudence

Yerofeyeva D. V., Senin D. V., Shagiyeva R. V.

Russian Academy of Advocacy and Notary

In the course of the analysis of the available in jurisprudence approaches to the understanding of the category of the civil and legal responsibility of entities the authors offer a contemporary model of its theoretical and legal understanding.

The purpose of the article is to find out the theoretical and methodological value of the category of the civil and legal responsibility of entities in contemporary conditions.

Material and methods. The article is based on an analysis of the law of the Russian Federation and Ukraine, scientific doctrines of specialists on the topic as well as the law enforcement practice. The historical, the comparative, the formal logical and the juridical and dogmatic methods were used in the research.

Findings and their discussion. The research made it possible to reveal the presence of the continuity of the main approaches to the understanding of legal responsibility. On the basis of the presented definite positions substantiated by Soviet and contemporary authors conclusions are made about the preservation of an ambiguity in the scientific understanding of the phenomenon of the civil and legal responsibility of entities and the necessity in its renewed understanding.

Key words: civil and legal responsibility of entities, retrospective and prospective legal responsibility, corporate responsibility.

В научной литературе под гражданско-правовой ответственностью понимаются неблагоприятные имущественные последствия для лица, действовавшего в сфере гражданско-правовых отношений и допустившего гражданское правонарушение [1], также встречается понимание

гражданско-правовой ответственности как формы государственного воздействия на нарушителя гражданско-правовой нормы, представляющего собой применение к такому нарушителю особой, зафиксированной в законодательстве меры – санкции, выражающейся в неблагоприятном имущественном последствии [2, с. 587].

Вместе с тем вышеприведенное определение ответственности включает в себя в основном так называемую ретроспективную гражданско-правовую ответственность и не учитывает существования механизма наступления положительных последствий для субъекта права в результате совершения последним определенных законом действий. Речь идет об институте проспективной ответственности, который известен доктрине еще со второй половины прошлого века. Подобная позиция, на наш взгляд, значительно обедняет существующую доктринальную базу. Между тем именно в рамках гражданско-правовых отношений часто встречается нормативная фиксация благоприятных последствий для субъектов права, осуществляющих специально поощряемые государством действия. Таков, например, механизм субсидирования субъектов предпринимательской деятельности, выполняющих в рамках своей профессиональной активности определенные социально значимые функции.

Материал и методы. Статья основана на анализе законодательства Российской Федерации и Украины, научных доктринах специалистов по обозначенной теме, а также данных правоприменительной практики. В исследовании используются исторический, сравнительный, формально-логический и юридико-догматический методы.

Результаты и их обсуждение. Еще в прошлом столетии ведущими теоретиками права был переосмыслен сам подход к пониманию юридической ответственности как правового явления. Было выработано принципиальное разграничение между двумя категориями ответственности, которые получили название ретроспективной (традиционное понимание ответственности как последствий за уже состоявшееся правонарушение) и проспективной (ответственность за будущее деяние или позитивная ответственность). Появление нового подхода к пониманию ответственности стало возможным благодаря трудам таких отечественных теоретиков, как Б.Т. Базылев, Д.А. Липинский, В.А. Тархов, Ф.Н. Фаткуллин [3, с. 11; 4, с. 26; 5, с. 265; 6, с. 38]. Руководствуясь выработанными данными учеными позициями, можно определить проспективную ответственность как осознание субъектом права необходимости действовать в соответствии с нормами позитивного права. Представляется, что данная разновидность ответственности имеет в большей степени эмоциональный характер и может быть отнесена, скорее, к моральной, чем к юридической сфере общественной жизни. Однако при всей «моральности» данной категории нельзя отрицать, как будет показано с помощью конкретных примеров ниже, наличие в ней все же и фор-

мально-юридических составляющих. Более того, в широком смысле, любую правовую (юридическую) ответственность можно определить в качестве разновидности социальной ответственности, отличающейся от других видов (политической, религиозной, экономической) ответственности наличием юридически значимых последствий [7].

Полагаем, что понятия «юридическая ответственность» и «позитивная ответственность» соотносятся между собой как определения из двух различных классификаций. В первом случае классифицирующим признаком является, как уже сказано выше, наличие или отсутствие юридически значимых последствий. Второе понятие подчеркивает наличие положительных, благоприятных последствий, наступающих для субъекта в определенных законом случаях. Таким образом, два данных понятия могут совпадать в конкретной фактической ситуации (когда для субъекта права наступает позитивная юридическая ответственность), а могут и не совпадать (когда ответственность может быть позитивной, но при этом не порождать юридически значимых последствий, либо когда ответственность будет юридической, но ретроспективной по своей правовой природе).

Говоря об условиях наступления гражданско-правовой ответственности, цивилисты традиционно выделяют 4 обязательных в той или иной степени «реквизита»: противоправный характер деятельности субъекта права; наличие отрицательных (негативных) последствий от такой деятельности, выразившихся, как правило, в возникновении убытков; наличие между двумя первыми условиями причинно-следственной связи; наличие вины субъекта ответственности [8].

Следует отметить, что данные условия, свойственные наступлению, как очевидно, ретроспективной ответственности, могут быть зеркально экстраполированы и на проспективную ответственность, разумеется, в несколько измененном виде. Для этого необходимо лишь перевести их из плоскости противоправных действий в плоскость правомерного поведения участника гражданских правоотношений. Соответственно, исходя из этой логики можно выделить 4 следующих основания наступления проспективной гражданско-правовой ответственности:

- 1) социально активный и специально поощряемый нормативно характер поведения лица, на которое предполагается возложить ответственность;
- 2) наличие указанных в законе благоприятных последствий;
- 3) наличие причинно-следственной связи между поведением потенциального носителя проспективной гражданско-правовой ответственности и благоприятными последствиями;

4) субъективное отношение лица к совершению действию, выражающееся в осознанной и воспринятой лицом социальной необходимости совершения специальных поощряемых правомерных действий и одобряемых обществом.

Поскольку ответственность возникает как следствие невыполнения определенного обязательства (либо применительно к позитивной гражданско-правовой ответственности – выполнения социально значимого обязательства), одна из наиболее часто исследуемых классификаций гражданско-правовой ответственности осуществляется по критерию основания возникновения такого обязательства. Таким образом, различается договорная и внедоговорная гражданско-правовая ответственность, поскольку в широком смысле обязательства возникают либо в рамках договорных отношений субъектов права, либо вне таких рамок.

Помимо вышеуказанной классификации широко распространено также деление гражданско-правовой ответственности по критерию множественности лиц в правоотношении, повлекшем такую ответственность (долевая, солидарная и субсидиарная) [8, с. 124], а также в зависимости от субъекта, в отношении которого наступают последствия, составляющие предмет гражданско-правовой ответственности (ответственность физического лица и ответственность юридического лица).

Говоря о гражданско-правовой ответственности юридических лиц, важно помнить, что юридическое лицо – это юридическая фикция, некая ширма, за которой скрываются реальные люди, и именно они, а не некий эфемерный субъект права, существующий в действительности только в правовом пространстве, испытывают на себе последствия гражданско-правовой (как и любой иной предусмотренной законодательством) ответственности. Однако характер, объем и форма ответственности этих реальных физических лиц зависят от того, какое участие они принимают в рамках реализации юридическим лицом своих прав и обязанностей.

Представляется, что следует выделять в рамках возникновения гражданско-правовой ответственности юридического лица две принципиально различные ситуации – когда юридические последствия, предусмотренные нормами гражданского законодательства, возлагаются непосредственно на юридическое лицо и выражаются в обязанности перечислить определенную денежную сумму (в качестве выплаты неустойки либо компенсации понесенных убытков) со счета соответствующего юридического лица, и вторая ситуация, когда последствия наступают

для учредителей или отдельных органов данного юридического лица (совет директоров, генеральный директор и т.д.), при этом «пострадавшим» от правонарушения является само юридическое лицо, которое в процессе реализации механизма ответственности должно получить от соответствующего органа имущественное возмещение (как правило, компенсаторного характера). Думается, что вторая ситуация не является в чистом виде ответственностью самого юридического лица, поскольку оно в данном случае выступает на другой стороне правонарушения, повлекшего гражданско-правовую ответственность.

В разрезе вышеприведенной особенности ответственности, возникающей применительно к учредителям и органам юридического лица, целесообразно проанализировать такие понятия, как «корпоративная ответственность» и «гражданско-правовая ответственность в корпоративной сфере».

Ведущими исследователями данного направления частного права под корпоративной ответственностью понимается ответственность за нарушение корпоративных обязанностей, которая отличается как от ответственности за нарушение договорных обязательств (договорной ответственности), так и от ответственности за деликт и является особым видом гражданско-правовой ответственности [9, с. 280, 286]. Выделение корпоративной ответственности в особую категорию обосновывается выделением в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) корпоративных отношений в качестве обособленной группы гражданско-правовых отношений и отсутствием классической для обязательственного права связи «должник – кредитор». Вместе с тем можно согласиться с тем, что, даже если рассматривать корпоративные отношения как отдельную категорию гражданско-правовых отношений, они в любом случае параллельны обязательственным и вещным правоотношениям, поскольку направлены в первую очередь на имущественный оборот в обществе. При этом законодательство (статья 301 ГК РФ) все-таки фиксирует большее родство корпоративных отношений с обязательственными, требуя применять общие положения об обязательствах к вытекающим из корпоративных отношений требованиям.

Считаем, что для более всестороннего исследования института корпоративной ответственности необходимо проанализировать ее разновидности по субъектному составу, иными словами, в отношении каких лиц такая ответственность может наступать, а также нормативные источники, содержащие нормы, относящиеся

к корпоративной ответственности. По мнению исследователей данного института, корпоративная ответственность может возникнуть, в первую очередь, перед самой корпорацией [10, с. 11] как неким объединением лиц или имуществ. Здесь следует отметить, что такая ответственность, в нашем понимании, только в том случае может считаться корпоративной, когда в качестве правонарушителя выступают органы самой корпорации, во всех иных случаях негативные последствия, порождаемые соответствующей нормой закона, будут носить общий гражданско-правовой или административный характер.

Далее следуют ответственность перед членами или участниками корпорации, ответственность перед кредиторами корпорации и, наконец, ответственность перед государством.

То есть, по мнению исследователей, потенциальный круг лиц, вовлекаемых в механизм реализации норм корпоративной ответственности, достаточно широк. Такая позиция представляется оправданной не в полной мере. Во-первых, если использовать такой подход к другим сферам общественного взаимодействия по аналогии, можно было бы выделить и такие виды ответственности, как торговая ответственность (в значении наступления негативных последствий за нарушение прав и интересов участников предпринимательских отношений), транспортная ответственность, цифровая ответственность и так можно продолжать до бесконечности. Излишнее и искусственное дробление юридических существностей, на наш взгляд, приводит только к искажению понимания и порождает создание ненужных тенденций в доктрине и потенциально в законодательном процессе (например, принятие Хозяйственного кодекса Украины в 2004 г., что абсолютно противоречило правовым традициям данного государства и в итоге привело к многочисленным коллизиям с Гражданским кодексом Украины).

Представляется, что наилучшим индикатором существования того или иного правового института является наличие кодифицированного акта, направленного на урегулирование данной разновидности отношений и в том числе на создание мер, обеспечивающих его исполнение (разумеется, речь идет о странах кодифицированного права). В нашем государстве на текущий момент действуют и применяются следующие кодексы, содержащие в себе материальные нормы об ответственности: Уголовный кодекс Российской Федерации, Административный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации. Данный перечень дает нам право четко опре-

делить существующие виды ответственности, которые могут возникать в тех или иных случаях у субъектов права – уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная.

Позиция, когда виды ответственности выделяются исходя из наличия кодифицированного источника права, может показаться достаточно узкой и не учитывающей многообразия ситуаций, связанных с наступлением ответственности, в том числе и в корпоративной сфере. Можно согласиться с тем фактом, что ответственность органов корпоративного управления, а также ответственность участников корпорации обладает достаточной спецификой, чтобы быть выделенной в самостоятельный институт.

В данной связи оправданной представляется точка зрения, что, рассматривая правовые последствия для участников, вовлеченных в процесс корпоративных отношений, целесообразно говорить о потенциальном возникновении гражданско-правовой ответственности в сфере корпоративных правоотношений, уголовно-правовой ответственности в аналогичной сфере и т.п. [8].

Гражданско-правовая ответственность юридического лица, как и любая иная ответственность, во всех случаях порождает новую обязанность (либо новое право применительно к проспективной ее разновидности), и этим она отличается от мер юридической защиты, для применения которых достаточно совершения противоправного действия и не требуется наличия в составе правонарушения элемента вины субъекта. Вместе с тем законодательно закреплены и случаи возникновения гражданско-правовой ответственности и без вины правонарушителя – имеется в виду случай возникновения ответственности владельца источника повышенной опасности, зафиксированный в статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. В данном случае юридическое (либо физическое) лицо, являющееся владельцем источника повышенной опасности, несет ответственность в виде возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности вне зависимости от собственной вины ввиду особых характеристик объекта (транспортного средства, сложного технологического механизма, взрывоопасных веществ), владение которыми подразумевает обязанность использовать их с высокой степенью осторожности и обеспечивать их безопасную эксплуатацию любыми третьими лицами.

Таким образом, наличие или отсутствие вины в составе правонарушения не является в полной мере отличающим признаком, позволяющим отделить гражданско-правовую ответственность юридического лица от мер юридической защиты,

необходимы дополнительные разделительные характеристики данных институтов. Таковыми можно считать, например, целевые характеристики рассматриваемых понятий – меры защиты применяются для целей обеспечения неприкосновенности прав и не порождают отрицательных последствий и государственного осуждения совершенного деяния, в то время как цель гражданско-правовой ответственности юридического лица заключается, прежде всего, в восстановлении нарушенного права и имеет восстановительный и компенсаторный характер.

Заключение. Можно констатировать, что гражданско-правовая ответственность юридического лица обладает всеми базовыми реквизитами и признаками, свойственными данному институту в целом. Вместе с тем при рассмотрении частных случаев возникновения для юридических лиц правовых последствий в виде ответственности можно проследить и отдельные специфические черты, связанные с тем фактом, что ответственность возникает в данном случае не у реального физического субъекта, а у «юридической ширмы», за которой спрятано объединение лиц или капиталов.

Литература

1. Лукьяненко, М.Ф. Непреодолимость обстоятельств и гражданско-правовая ответственность / М.Ф. Лукьяненко, С.В. Зимнева // Юрист. – 2018. – № 9. – С. 19–25.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1: Общая часть. – 620 с.
3. Тархов, В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 486 с.
4. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 120 с.
5. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
6. Липинский, Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции / Д.А. Липинский // Журн. рос. права. – 2014. – № 6. – С. 37–51.
7. Шагиева, Р.В. Юридическая ответственность: теоретико-правовое осмысление основных подходов к ее пониманию / Р.В. Шагиева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 39–50.
8. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 735 с.
9. Гутников, О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях / О.В. Гутников // Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / отв. ред.: А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. – М.: ИНФРА-М, 2016. – Т. 1: Общие положения о юридических лицах. – 384 с.
10. Лаптев, В.А. Понятие и виды корпоративной ответственности / В.А. Лаптев // Рос. юстиция. – 2018. – № 6. – С. 11–14.

Поступила в редакцию 23.03.2021

Глобализация и развитие права

Янч В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Развитие национального права в современных условиях в значительной степени детерминировано международными факторами. Это означает детерриториализацию действия права под влиянием глобализации.

Цель статьи – выявить основные направления развития права в условиях глобализации.

Материал и методы. Исследование основано на анализе научных концепций, раскрывающих сущность трансформационных процессов в правовой сфере в условиях глобализации. Используются такие методы научного познания, как исторический, логический, сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. Традиционные национальные правовые регуляторы, базирующиеся на архитектуре нормативной иерархии, разделении властей и единстве права, вынуждены изменяться в связи с трансформациями права, происходящими на глобальном уровне.

В развитии права наблюдается тенденция к переплетению норм, создаваемых государством на национальном и межнациональном уровнях (международное право), с нормами транснационального права. И хотя транснациональные нормы не соответствуют устоявшимся представлениям о праве как системе санкционированных и обеспеченных принудительной силой государства правил поведения, они должны оцениваться в современных условиях как квазиправо с большим регулятивным потенциалом. Будущее права видится в ослаблении государственного регулирования и усилении роли норм, создаваемых негосударственными акторами. Это же относится и к процедурам разрешения споров – традиционное судебное разбирательство будет все шире замещаться такими видами альтернативного разрешения споров, как медиация, переговоры, третейство, коллаборация.

Заключение. Развитие современного общества осуществляется в условиях глобализации, затрагивающей самые разнообразные сферы социальной жизни. Глобализация формирует новый социальный уклад, в основе которого лежат базовые ценности и принципы, признаваемые международным сообществом. Одним из проявлений глобализационных процессов является правовая глобализация, которая характеризуется усилением роли норм международного права, проникающих в право национальное. Правовое регулирование помимо национального и международного права дополняется транснациональным правом, вытекающим из деятельности транснациональных корпораций.

Ключевые слова: глобализация, правовая глобализация, национальное право, международное право, транснациональное право, квазиправо.

Globalization and Development of Law

Yanch V.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The development of national law in modern conditions is largely determined by international factors. This means the deterritorialization of the action of law under the influence of globalization.

The purpose of the study is to identify the main directions of the development of law in the context of globalization.

Material and methods. The research is based on the analysis of scientific concepts that reveal the essence of transformational processes in the legal field in the context of globalization. Such methods of scientific knowledge as historical, logical, comparative jurisprudence were used.

Results and their discussion. Traditional national legal regulators based on the architecture of the normative hierarchy, separation of powers and the unity of law are forced to change in connection with the transformations of law which take place at the global level.

In the development of law, there is a tendency for the interweaving of norms created by the state at the national and international levels (international law) with the norms of transnational law. And although transnational norms do not correspond to the well-established notions of law as a system of rules of conduct sanctioned and enforced by the state, they should be assessed in modern conditions as quasi-law with great regulatory potential. The future of law is seen in the weakening of state regulation and the strengthening of the role of norms created by non-state actors. The same applies to dispute resolution procedures – traditional litigation will increasingly be replaced by such types of alternative dispute resolution as mediation, negotiations, arbitration, and collaboration.

Conclusion. The development of modern society is carried out in the context of globalization, affecting the most diverse areas of social life. Globalization is shaping a new social order based on basic values and principles recognized by the international community. One of the manifestations of globalization processes is legal globalization, which is characterized by the strengthening of the role of international law, penetrating into national law. In addition to national and international law, legal regulation is complemented by transnational law arising from the activities of transnational corporations.

Key words: globalization, legal globalization, national law, international law, transnational law, quasi-law.

Тема исследования актуальна, поскольку развитие национального права в современных условиях все в большей степени детерминировано международными факторами. Мы наблюдаем процессы трансформации границ, создания разнообразных межгосударственных

союзов и сообществ, которые, в свою очередь, нуждаются не только в формировании наднациональных органов, но и в новом типе правового регулирования, выходящего за национальные рамки. Это означает детерриториализацию действия права под влиянием глобализации и все возрастающее ее воздействие на экономику, политику,

торговлю, образование, финансовую систему и другие сферы жизни общества.

Цель статьи – выявить основные направления развития права в условиях глобализации.

Материал и методы. Изучение темы исследования основано на анализе научных концепций, раскрывающих сущность трансформационных процессов в правовой сфере в условиях глобализации. Используются такие методы научного познания, как логический, исторический, системный, сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. В научной литературе встречаются различные подходы к пониманию процессов глобализации. Глобализацию можно представить на идеологическом уровне как систему идей и концепций, утверждающих необходимость универсализации самых разных сторон жизни человечества на основе принимаемых и признаваемых мировым сообществом базовых ценностей (права человека, охрана окружающей среды, ненасильственное разрешение конфликтов и споров, защита частной собственности, право на свободный доступ к информации и др.).

Также глобализацию можно рассматривать как одну из стадий развития постиндустриального общества. Прежде всего, здесь речь идет о создании на основе информационно-коммуникационных технологий нового экономического уклада со свободным перемещением трудовых ресурсов, информации, товаров и капитала. Причем в таком обществе перемещение трудовых ресурсов не обязательно связано с пересечением государственных границ. Глобальная сеть Интернет, информационно-коммуникационные технологии позволяют нанимать персонал и организовывать его работу, не понуждая работников покидать пределы своих национальных государств.

Ну и конечно, глобализацию можно исследовать как сложный, противоречивый процесс взаимодействия национальных и интернациональных, локальных и глобальных, гомогенных и гетерогенных факторов, способствующих формированию нового типа общества, основанного на мультикультурном многообразии.

Сегодня исследования правовой глобализации сконцентрированы на следующих направлениях:

- международная защита прав человека;
- преступления против человечности и геноцид;
- формирование и регулирование глобальных рынков;
- институционализация прав женщин;
- защита прав уязвимых групп населения;
- международно-правовая охрана окружающей среды;

– распространение и продвижение идей политического либерализма и конституционализма.

Глобализация, в том числе и правовая, не является чем-то навязанным извне. Она – следствие объективного развития общества, результат совпадения структурных и дискурсивных элементов социального и правового характера. Речь идет о том, что во второй половине XX века стала возрастать роль международных правительственных и неправительственных организаций, участвующих в регулировании политических и экономических отношений международного характера (например, ООН, МВФ). Это регулирование способствовало постепенному, последовательному накоплению массива норм, институтов и практик, выходящих за национальные рамки.

Естественно, не все государства оказались в одинаковой степени вовлечены в глобализационные процессы. Этому способствовало, в частности, разделение послевоенного мира на две конкурирующие социальные системы (СССР и его союзники и страны Запада). Последствия этого раздела видны и сегодня: не все постсоветские страны, например, являются членами ВТО. Поэтому можно говорить об экстенсивности глобализации (широте охвата глобализацией национальных государств), интенсивности глобализации (проникновении глобализации в глубь государства на уровне национального права и экономики в сторону их открытости и готовности к трансформациям в соответствии с внешними вызовами) и ее влиянии (степени и глубине социальных изменений, вызванных процессами глобализации). В результате на глобальной картине мира можно выделить высокоглобализированные государства (США, Европейский союз), умеренноглобализированные государства (КНР, постсоветские страны, стремящиеся получить глобализационные выгоды и в то же время сохранить контроль над ресурсами), а также слабоглобализированные государства (например, КНДР).

Общим в понимании глобализации для большинства ученых, несмотря на различие в подходах, является признание многогранности этого феномена, затрагивающего наиболее важные сферы жизни современного общества. Е.В. Пензина, например, выделяет четыре аспекта глобализации: «1) В сфере экономики: процесс слияния рынков; средства осуществления: транснациональные корпорации – глобальные компании, мировая валюта, мировой банк, Международный валютный фонд, единый тип экономики – рыночная экономика, мировые торговые марки, др. 2) В сфере политики: явление международного правового регулирования; средства осуществления данного механизма: международные организации. 3) В социальной

сфере и культуре: усиление социокультурных связей мира; средства осуществления: язык международного общения, единые образовательные стандарты, мировое кино, др. 4) В технической сфере: мировой характер распространения технологий; средства осуществления: глобальные средства массовой информации, военные и промышленные и др. технологии» [1, с. 229].

Представляется, рассматривая второй аспект глобализации – политическую сферу, автор упускает из виду тот факт, что в условиях правовой глобализации международные организации выступают не только и не столько средством (инструментом) международного правового регулирования, но и одним из наиболее значимых субъектов правотворчества. Именно деятельность международных организаций способствует наполнению национального права международно-правовыми стандартами, что способствует сближению правовых систем. В результате в национальном праве большинства государств представлены международные нормы, которые устанавливают хотя бы минимальные стандарты поведения государства по отношению к своим гражданам (подданным), а также к деятельности государства на международной арене.

Следует отметить, что правовая глобализация затрагивает не только сферу материального и процессуального права. Она проникает в область правового сознания и на идеологическом уровне требует переосмысления традиционных подходов к пониманию сущности права, пределов и методов правового регулирования. В силу этого можно говорить о том, что в условиях глобализации сложилась некоторая неопределенность в понимании закона в широком смысле слова, под которым в рамках нормативизма ранее подразумевались нормы национального и международного права, создаваемые авторитетными институтами государственной власти. В особенности это затрагивает нормативистскую концепцию правопонимания:

– формализованные нормы в рамках национального государства принимают форму материальных и процессуальных статутов, обязательных для исполнения государственными органами, гражданами и юридическими лицами. Глобальные нормы, в свою очередь, варьируются от конвенций (многосторонних договоров), типовых законов, руководств для законодательных органов и международных стандартов до решений международных организаций. Некоторые транснациональные нормы сами по себе являются обязательными, большинство же не имеют прямой юридической силы и приобретают ее только в том случае, если осуществляются государствами. Однако несвязывающие нормы часто несут

в себе мощную нормативную и убедительную ценность:

– территориальное действие права уже не ограничивается национальными границами;

– субъектами (актерами) правотворчества выступают не только государственные институты (парламент, правительство), но и международные межправительственные и неправительственные организации (ММПО и МНПО), а также транснациональные корпорации (ТНК);

– правосудие помимо национальной судебной системы вершится международными судебными органами. Например, Международным судом, учрежденным Уставом Организации Объединенных Наций (с момента создания в 1946 году рассмотрено более 170 дел), Международным уголовным судом (Гаага, Нидерланды), Международными трибуналами (Нюрнбергский, Токийский, Международный уголовный трибунал по Руанде, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии).

Пределы правового регулирования в условиях глобализации не ограничиваются национальными рамками. Появляются и новые сферы правового регулирования, имеющие международную составляющую (например, свобода информации, информационная безопасность, противодействие терроризму, финансовым преступлениям).

Возрастает и роль диспозитивного метода правового регулирования по отношению к императивному, наблюдается расширение сферы применения частного права по отношению к праву публичному. Это связано с развитием рыночных отношений и деятельностью транснациональных корпораций. В экономической сфере мы видим глобализацию рынков, в которой заинтересованы международные корпорации и на которую ориентированы их бизнес-практики. Это дает стимул к развитию международного торгового права, которое позволяет заинтересованным сторонам в рамках договора определять взаимные права и обязанности и при необходимости разрешать возникающие споры, не прибегая к помощи государства, а используя механизмы неправительственного арбитража.

Развитие международной торговли ярко демонстрирует заинтересованность ее участников в создании признаваемой на национальном и международном уровнях единой согласованной системы правовых регуляторов, устанавливающих понятные, прозрачные и предсказуемые правила ведения международных торговых операций и поощрения иностранных инвестиций. Следует отметить существенное влияние на глобализационные процессы в сфере частного права со стороны общего права ввиду его восприимчивости к договорному праву.

Глобализация как бы «разгосударствует» национальное право. Традиционные национальные правовые регуляторы, основанные на архитектуре нормативной иерархии, разделении властей и единстве права, вынуждены изменяться в связи с трансформациями права, происходящими на глобальном уровне. Одним из ярких примеров таких трансформаций является возникновение во второй половине XX века транснационального права.

Концепцию транснационального права предложил в 1956 году американский юрист, профессор международного права Филипп С. Джессеп. По его мнению, ни национальное, ни международное право не регулирует в необходимом объеме международные экономические отношения, вытекающие из деятельности транснациональных корпораций. В силу этого «традиционное» право по объективным причинам было дополнено еще одним видом права – транснациональным. Филипп С. Джессеп отмечал, что «использование транснационального права будет предлагать большой запас норм, на которые можно опираться, и тогда не возникнет необходимости выбирать, применять ли в конкретных делах международное публичное или международное частное право» [2, р. 15].

Транснациональное право уникально в силу своей относительной автономности. Оно создается негосударственными акторами (ТНК, банки, биржи) на двустороннем и многостороннем уровнях для регулирования межкорпоративных отношений и разрешения возникающих споров. Это право действует там, где молчит внутреннее и международное право.

Как отмечает В.М. Шумилов, «чтобы придать взаимным отношениям нужную степень упорядоченности, частные лица разных стран восполнили пробелы и сферу “всеобщего дозволения” собственными конкретными правилами. Кроме того, эти правила как бы санкционированы (разрешены и защищаются) внутренним и/или международным правом и в этом качестве могут – в каких-то случаях – являться частью либо внутреннего, либо международного права» [3, с. 10–11].

Это говорит о том, что мы наблюдаем тенденцию к переплетению норм, создаваемых государством на национальном и межнациональном уровнях (международное право) с нормами транснационального права. И хотя эти нормы не соответствуют устоявшимся представлениям о праве как системе санкционированных и обеспеченных принудительной силой государства правил поведения, они должны оцениваться в современных условиях как квазиправо с большим регулятивным потенциалом.

Представляется, что соотношение между рассмотренными выше видами права в плане их влияния на жизнь общества в ближайшей перспективе будет существенно меняться в сторону ослабления значения норм национального права и усиления его международной и транснациональной составляющей. Это вытекает из логики развития современного общества, в котором на смену иерархичным отношениям приходят структуры, формирующие сетевое общество.

Одним из основателей концепции сетевого общества является канадский социолог Барри Веллмен. В работе «Вопрос сообщества» (“The Community Question”, 1979) Б. Веллмен утверждает, что общества любого размера лучше всего представить в виде сетей («сети сетей»), а не как ограниченные группы в иерархических структурах [4]. По его мнению, с недавними техническими достижениями общество может быть социально и пространственно диверсифицировано.

Следует отметить, что толчком для возникновения сетевого общества явилось широкое внедрение в различные сферы социальной жизни информационно-коммуникационных технологий. Но не следует преувеличивать их роли. Информационно-коммуникационные технологии создают технологическую оболочку сетевого общества, но суть его – в формировании таких социальных структур, которые имеют наднациональную (межнациональную) природу и характеризуются отсутствием иерархических связей, основанных на власти и подчинении. Логика сетевых сообществ изменяет способы производства материальных благ, движение капитала, формирует новый социальный опыт, мультикультурализм, заставляет по-новому посмотреть на природу и социальное назначение власти и права (особенно частного права).

Его будущее видится в ослаблении государственного регулирования и усилении роли норм, создаваемых негосударственными акторами. Это же относится и к процедурам разрешения споров – традиционное судебное разбирательство будет все шире замещаться такими видами альтернативного разрешения споров, как медиация, переговоры, третейство, коллаборация.

Заключение. Развитие современного общества осуществляется в условиях глобализации, затрагивающей самые разнообразные сферы социальной жизни. Глобализация формирует новый социальный уклад, в основе которого лежат базовые ценности и принципы, признаваемые международным сообществом. Одним из проявлений глобализационных процессов является правовая глобализация, которая характеризуется усилением роли норм международного права, проникающих в право национальное. Правовое регулиро-

вание помимо национального и международного права дополняется транснациональным правом, вытекающим из деятельности транснациональных корпораций.

Таким образом, глобализация права приводит к изменению позиций национального права, побуждая его трансформироваться в соответствии с тенденциями развития международного и транснационального права.

Глобализация права содержит в себе огромный позитивный потенциал, так как способствует универсализации правовой жизни общества, делает понятными и предсказуемыми формы международной экономической деятельности (в том числе и международной торговли), способствует формированию механизмов неправительственного арбитража. В то же время следует отдавать

себе отчет в том, что процессы правовой глобализации содержат в себе и конфликтный потенциал. Чем больше глобализация будет затрагивать сложившиеся местные нормы, обычаи и практики, тем больше вероятность социальных конфликтов, которые могут приводить даже к смене политических режимов.

Литература

1. Пензина, Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация / Е.В. Пензина // Вестн. КрасГАУ. – 2012. – № 8(71). – С. 228–233.
2. Jessup, Ph.C. Transnational law / Ph.C. Jessup. – New Haven: Yale University Press, 1956. – 113 p.
3. Шумилов, В.М. О «Глобальном праве» как формирующейся правовой суперсистеме / В.М. Шумилов // Моск. журн. междунар. права. – 2015. – № 4. – С. 4–17.
4. Wellman, B. The Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers / B. Wellman // American Journal of Sociology. – 1979. – Vol. 84, № 5. – P. 1201–1231.

Поступила в редакцию 02.02.2021

Методика экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса банками

Бичель И.С.¹, Костюкова С.Н.²

¹ЗАО «Банк «Решение»», Белорусский государственный университет

²Белорусский государственный университет

Представленная авторами методика экспресс-анализа финансового и экономического состояния малого предприятия включает поэтапный процесс принятия решения о предоставлении субъекту малого предпринимательства кредитных ресурсов. Результаты, полученные в процессе экспресс-оценки, позволяют оперативно выявлять наиболее уязвимые места, требующие особого внимания, детализации и реализации комплекса аналитических процедур для установления и измерения причинно-следственных взаимосвязей сложившегося положения для предприятия малого бизнеса. В современных условиях экспресс-оценка становится элементом оперативного управления, инструментом оценки надежности потенциальных контрагентов, что достаточно актуально для малых предприятий, зачастую не располагающих в своем штате специалистами финансовых и экономических служб.

Цель статьи – разработать методику экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса банками.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили статистические данные банковских учреждений. Методология исследования основывалась на общенаучных и частнонаучных методах. При этом использовались методы и приемы экономического анализа, сравнение, методы классификации, группировка, анализ и синтез, статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. Данная методика нашла практическое применение в одном из банков Республики Беларусь и была внедрена в производственный процесс в сентябре 2019 г. Используя данную методику, по состоянию на 1 декабря 2020 г. банк выдал 240 кредитов на общую сумму 9 млн BYN. Кредитный портфель на 1 декабря составляет 7,1 млн BYN, а проблемная задолженность – менее 1%.

Заключение. Разработанная методика способствует не только увеличению кредитного портфеля и снижению кредитных рисков банка, но и позволяет сократить издержки в процессе предоставления кредитов, обучения персонала, автоматизации кредитного процесса.

Ключевые слова: финансово-экономическое состояние, финансовый анализ, экономический анализ, малый бизнес, банки, кредитование, критерии кредитоспособности.

Approaches to Express Analysis of the Financial and Economic State of Small Businesses by Banks

Bichel I.S.¹, Kostiukova S.N.²

¹Reshenie Bank Joint-Stock Company, Belarusian State University

²Belarusian State University

The method of rapid analysis of the financial and economic condition of a small enterprise presented by the authors includes a step-by-step process of providing credit resources to a small business entity. The results obtained in the rapid assessment process allow us to quickly identify the most vulnerable areas that require special attention, detail and implementation of a set of analytical procedures to establish and measure the causal relationships of the current situation for a small business. In modern conditions, rapid assessment becomes an element of operational management, a tool for assessing the reliability of potential counterparties, which is quite important for small enterprises, often without specialists in financial and economic services.

The research purpose is to develop a methodology for rapid analysis of the financial and economic condition of small businesses by banks.

Material and methods. The materials for the study were the statistical data of banking institutions. The research methodology was based on general scientific and individual scientific methods. In the course of the research, methods and techniques of economic analysis, comparison, classification methods, grouping, analysis and synthesis, and statistical analysis were used.

Findings and their discussion. This technique was applied in practice in one of the banks in the Republic of Belarus and was introduced into the production process in September 2019. Using this methodology, as of December 1, 2020, the bank issued 240 loans totaling BYN 9 million. The loan portfolio as of December 1 is 7,1 million BYN, and the problem debt is less than 1%.

Conclusion. The developed methodology contributes not only to increasing the loan portfolio and reducing the bank's credit risks, but also reduces costs in the process of providing loans, training staff, and automating the credit process.

Key words: financial and economic condition, financial analysis, economic analysis, small business, banks, lending, creditworthiness criteria.

Малый бизнес играет большую роль в экономике страны и является неотъемлемой частью социально-экономической системы. Обеспечивая стабильность рыночных отношений, вовлекая большую часть граждан страны в систему отношений путем открытия собственных предприятий, обеспечивая высокую эффективность предприятий путем глубокой специализации и кооперации, диверсификации и роста экономики, малый бизнес, помимо вышеперечисленного, обеспечивает большое количество дополнительных рабочих мест, что очень важно для любой экономики.

Как показывает мировая практика, малый бизнес является важной составляющей экономики и одним из факторов, позволяющих осуществить ее быструю структурную перестройку.

Актуальность развития малого бизнеса подтверждена на высшем государственном уровне.

В Республике Беларусь разработана Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [1]. Она представляет собой документ, определяющий основные задачи и принципы совершенствования государственного регулирования и поддержки развития малого предпринимательства, направленный на увеличение его вклада в результаты социально-экономического развития страны. Стратегией определены приоритетные направления развития малого предпринимательства на среднесрочную и долгосрочную перспективу, создания благоприятных условий формирования и функционирования предпринимательской среды, обеспечения согласованности действий органов государственной власти различных уровней и бизнеса.

Для старта, становления и развития любого бизнеса нужен капитал, в нашей стране традиционным его источником является банковский кредит.

В этой связи актуальной задачей для банков Республики Беларусь становится разработка методики экспресс-анализа финансового и экономического состояния малого предприятия – потенциального кредитополучателя.

Однако действующие в нашей стране возможности применения особых режимов налогообложения (упрощенная система налогообложения, уплата единого налога), ведения бизнеса без государственной регистрации (самозанятость и ремесленничество) являются результатом отсутствия необходимости ведения бухгалтерского учета в соответствии с законодательством Республики Беларусь субъектами малого предпринимательства.

Отсутствие бухгалтерского учета и полноценной фискальной отчетности у малых пред-

приятий осложняет задачу оценки финансово-экономического состояния для банковских учреждений, аудиторских компаний, контролирующих органов, учредителей компаний, в том числе конечных бенефициарных владельцев, а также иных заинтересованных лиц, и требует разработки прикладного методического обеспечения экспресс-анализа финансово-экономического состояния малого предприятия банками.

Решение данной задачи было предложено консультантами Европейского банка реконструкции и развития (далее – ЕБРР), которыми была разработана собственная методика финансово-экономического анализа малых предприятий.

В настоящее время существует три редакции оригинальных версий оценки финансово-экономического состояния малых предприятий, которые были написаны непосредственно консультантами ЕБРР. Рассмотрим их более подробно.

Первая версия методики оценки финансово-экономического состояния малых предприятий вышла в свет в 1999 г. Первое обновление оригинальной методики произошло в 2010 г., ее содержание практически увеличилось в два раза по сравнению с первой версией, изменения были вызваны экономическим кризисом 2008 г. Третья, и последняя на сегодняшний день, редакция методики была разработана консультантами в 2014 г. Объем информации в методике стал еще в 3 раза больше [2].

Основной принцип методики ЕБРР (или так называемого «классического подхода») состоит в следующем: формирование финансовым аналитиком наиболее достоверной оценки финансово-экономического состояния бизнеса путем максимального контакта с предпринимателем, посещения места ведения хозяйственной деятельности предпринимателя и сбора определенной информации:

- истории развития бизнеса и наличия связанных компаний;
- общей информации о бизнесе: количества собственников бизнеса, количества объектов ведения бизнеса, количества задействованных в бизнесе сотрудников, условий ведения хозяйственной деятельности, схемы работы бизнеса, наличия всех необходимых для анализируемого вида деятельности разрешительных документов и их актуальность;
- данных для составления управленческого баланса;
- данных для составления управленческого отчета прибылей и убытков;
- данных для составления управленческого отчета о движении денежных средств;
- данных о планах и перспективах развития бизнеса;

– данных о социальном положении собственников и основного руководства бизнеса: статус в обществе, наличие дорогостоящих активов в личной собственности и т.д.

При анализе финансово-экономического состояния малого предприятия необходимо не исключать тот факт, что бухгалтерская отчетность субъектов малого бизнеса не всегда дает полную информацию для анализа финансово-экономического состояния предприятия, поэтому методика ЕБРР:

– базируется на изучении факторов, влияющих на финансовое равновесие бизнеса, на основании анализа ежемесячных показателей, отраженных в управленческой отчетности;

– в качестве инструментов проведения финансового анализа используется аналитическое/справочное заключение, содержащее управленческие отчеты:

а) баланс;

б) отчет о прибылях и убытках (в разбивке по месяцам);

в) отчет о движении денежных средств (в разбивке по месяцам).

Эти формы значительно отличаются от стандартных форм бухгалтерской отчетности и помогают получить максимальную информацию. Например, в основные статьи расходной части отчета о прибылях и убытках входят заработная плата, транспортные расходы, налоги, аренда, реклама и прочие расходы. К тому же период охвата данных отчетов по времени зависит от параметров анализируемого бизнеса.

Для проверки данных, полученных в ходе анализа, и правильности заполнения аналитического заключения используется также инструмент Cross-Checking – перекрестная проверка данных, в состав которой входит анализ, базирующийся на связи трех отчетов (баланс, отчет о прибылях и убытках, отчет о движении денежных средств) [3, с. 27].

Визуальная оценка бизнеса также позволяет аналитику проверить и сравнить те финансовые данные, которые предоставил предприниматель, с теми данными, которые он получил непосредственно на месте.

В результате, на основе методики финансово-экономического анализа ЕБРР многие банки Республики Беларусь разработали собственные методики финансово-экономического анализа малых предприятий и в настоящее время в той или иной форме используют методику финансово-экономического состояния ЕБРР.

В Российской Федерации Ассоциацией российских банков в 2015 г. были утверждены «Стандарты кредитования клиентов сегмента малого и среднего предпринимательства» [4] и «Примерная

методика оценки финансового состояния заемщиков – субъектов малого и среднего предпринимательства» [5]. В основу стандартов и методики положен подход финансового анализа малого предприятия ЕБРР. Данные стандарты и методика носили рекомендательный характер и значительного распространения среди банков не получили.

В марте 2015 г. Советом по развитию предпринимательства Республики Беларусь было издано методическое пособие «Оценка кредитоспособности субъектов малого бизнеса» [6]. В издании отражены вопросы оценки кредитоспособности субъектов хозяйствования, анализа ликвидности баланса и расчета показателей, отражающих возможности кредитополучателя обеспечить полное и своевременное его погашение. Вместе с тем пособие, как и методика, основано на подходе финансового анализа малого предприятия ЕБРР.

Одновременно с государственными институтами и негосударственными организациями проблемой финансово-экономического анализа занимались многие российские ученые.

Так, в 2010 г. российский практик финансового и экономического анализа малых предприятий В.И. Демкович опубликовала монографию «Особенности формирования модели кредитной работы с рыночным сегментом малого и среднего предпринимательства (МСП) в коммерческом банке: практические аспекты» [7]. Предложенные в данном научном издании принципы и методы оценки финансово-экономического состояния базируются на «классическом подходе» финансового анализа малого предприятия, который позволяет подойти к предпринимателю и его бизнесу индивидуально.

В 2015 г. российский практик финансового и экономического анализа малых предприятий А.Н. Мордвинкин опубликовал практическое пособие «Кредитование малого бизнеса» [8], в котором особое место заняла методология финансового анализа малых предприятий и критерии кредитоспособности предпринимателей, основанные также на «классическом подходе».

В 2019 г. российский практик финансового анализа малых предприятий О. Иванов опубликовал серию электронных учебников по финансово-экономическому анализу, в основе которых также лежит «классический метод» [9].

Среди белорусских ученых вопросы финансового анализа предприятий исследовали В.И. Стражев [10], Г.В. Савицкая [11] и др. При этом в своих работах они в большей степени изучали комплексный финансовый анализ предприятия, основанный на аналитических методах горизонтального и вертикального анализа баланса, оценки ликвидности баланса, его чистой прибыли и чистых активов и коэффициентном анализе.

Исходя из проведенного анализа существующих методик по анализу финансового состояния предприятий малого бизнеса, становится очевидно:

а) практически все подходы оценки финансово-экономического состояния малого предприятия основаны на методике ЕБРР. При этом у данной методики есть один существенный недостаток: он заключается в длительном процессе проведения финансово-экономического анализа и его высокой трудоемкости. Чтобы провести анализ финансовой отчетности, необходимо составить формы управленческой отчетности предприятия, проверить данные на полноту и достоверность, а дальше сделать вывод о финансово-экономическом состоянии анализируемого субъекта. Одновременно с этим человек, проводящий анализ с использованием методики ЕБРР, должен обладать достаточным уровнем компетенций и знаний для проведения анализа должным образом, а также интерпретации данных для конечного пользователя или заказчика данной информации;

б) подходы оценки финансово-экономического состояния малого предприятия, которые не основаны на методике ЕБРР, базируются на комплексном финансовом анализе малых предприятий, которые ведут бухгалтерский учет и отчетность в соответствии с законодательством. При этом у данных подходов есть также существенные недостатки – согласно законодательству многие микро- и малые предприятия освобождены от ведения бухгалтерского учета и отчетности, следовательно, проанализировать их финансово-экономическое состояние не представляется возможным.

Цель статьи – разработать методику экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса банками.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили методики ЕБРР, российских и белорусских ученых в сфере анализа финансового состояния организаций, статистические данные банковских учреждений. Методология исследования основывалась на общенаучных и частнонаучных методах. При этом использовались методы и приемы экономического анализа, сравнение, методы классификации, группировка, анализ и синтез, статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. Исторически сложилось, что предприятие – это звено национальной экономики, самостоятельный хозяйствующий субъект, являющийся юридическим лицом. Согласно Гражданскому кодексу, юридическое лицо имеет в своей собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом [12].

Однако малым бизнесом занимаются не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели, микроорганизации, которые имеют конкретные критерии идентификации.

В этой связи актуальной задачей для банков Республики Беларусь является выработка общего подхода к классификации и сегментации субъектов малого бизнеса банками. До сих пор не только в Республике Беларусь, но и во всем мире имеются разные точки зрения на этот вопрос.

Отсутствие единой системы отнесения хозяйствующих субъектов к малому бизнесу обуславливает невозможность формирования сопоставимых статистических данных, и как результат, единых критериев, методик и стандартов для оценки финансово-экономического состояния малого предприятия.

Вместе с тем каждое малое предприятие имеет как отличительные, так и схожие черты, объединяющие эти предприятия в единый сектор:

- основной деятельностью малых предприятий является розничная или мелкооптовая торговля, небольшие производства или услуги, не имеющие сложных технологических циклов;

- численность работников малых предприятий невелика (до 100 человек);

- малое предприятие, как правило, работает от имени одного субъекта и не имеет большого количества связанных структур;

- выручка от реализации товаров, продукции, услуг часто не отражается в фискальной отчетности;

- активы малого предприятия (основные средства) зачастую оформлены на физических лиц: владельцев предприятия, родственников, реже – знакомых;

- как правило, информация о самом бизнесе малого предприятия не имеет структурированного характера, поскольку управленческий (внутренний) учет ведется бессистемно;

- источниками удовлетворения потребности в кредитных ресурсах большей части малых предприятий становятся неформальные источники (семья, знакомые, частные кредиторы). Меньшая часть малых предприятий обращается к кредитным продуктам банков и других финансовых структур (потребительские кредиты и бизнес-кредиты банков);

- в бизнесе малого предприятия наблюдается тесная взаимосвязь между денежными потоками самого бизнеса и семейным бюджетом;

- достаточно часто бизнес является семейным.

Именно поэтому анализ их финансово-экономической деятельности по данным фискальной отчетности проводить фактически невозможно –

анализ финансового состояния предприятия при использовании только фискальной отчетности, мягко говоря, не будет достоверным, и именно поэтому малое предприятие имеет особенности в проведении его финансово-экономического анализа.

Какой же выход можно предложить из сложившейся ситуации?

На наш взгляд, необходимо разработать и использовать специализированную методику экспресс-анализа малого бизнеса, базирующуюся как на фактических данных фискальной отчетности малых предприятий, так и на данных статистических исследований, способную определить уровень финансово-экономического состояния и потенциал малого предприятия.

Поэтому первоначально необходимо определить, какие предприятия относятся к сегменту малого предпринимательства.

Как отмечалось выше, в настоящее время не только в Республике Беларусь, но и в мировой практике нет единых подходов к классификации и определению субъектов малого предпринимательства. К наиболее часто используемым показателям относятся численность работников, финансовые показатели (активы/выручка), отраслевая принадлежность [13].

Именно поэтому необходимо разработать стандарт единых принципов и критериев отнесения хозяйствующих субъектов к малому предпринимательству.

По мнению авторов, наиболее существенным фактором, влияющим на сегментацию субъектов малого бизнеса, является степень интегрированности личных финансов владельцев бизнеса с деньгами предприятия и наличие автоматизированных систем учета.

Так, на основе статистических баз данных белорусских банков, активно занимающихся кредитованием малых предприятий, прослеживается следующая закономерность: если степень интегрированности личных финансов владельцев бизнеса с деньгами предприятия велика, а система учета на предприятии недостаточно автоматизирована, предприятие может быть определено как микропредприятие. Чаще всего объем выручки у вышеназванных предприятий составляет порядка 35–40 тыс. BYN в месяц, численность работников составляет до 15 человек, а объем кредитного портфеля вышеназванного предприятия находится в диапазоне от 20 тыс. BYN до 250 тыс. BYN.

И наоборот, предприятие с высоким уровнем автоматизации учета и низким уровнем интегрированности личных финансов владельцев

Таблица 1 – Сегментация клиентов малого бизнеса

Критерий/ Сегмент	Годовая выручка, без НДС, USD в эквиваленте	Численность работников	Общая задолженность по активным операциям в финансово-банковских учреждениях, USD в эквиваленте
Микро-	до 200000	до 15	до 100000
Малый	от 200001 – до 2000000	от 16 до 100	от 100001 – до 1000000

Источник: собственная разработка.

Таблица 2 – Критерии оценки экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса

Критерий	Содержание	Комментарий
Финансово-экономическое состояние	Определяется пул коэффициентов финансового состояния. Перед анализом результатов следует учесть принадлежность анализируемого малого предприятия к тому или иному типу бизнеса (например, торговле, производству или сфере услуг), поскольку нормативы некоторых финансовых коэффициентов могут быть различными. Например, рентабельность чистой прибыли в оптовой и розничной торговле будет разной	Позволяют определить долговую нагрузку анализируемого малого предприятия, качество расчета с контрагентами, рентабельность
Субъективные факторы	Определяются следующие факторы: срок ведения бизнеса, наличие имущества у собственника бизнеса, условия его проживания, взаимоотношения предприятия (в т.ч. руководителей предприятия, учредителей) с правоохранительными, налоговыми и судебными органами, наличие неисполненных финансовых обязательств перед третьими лицами, качество кредитной истории (определяется количество погашенных/действующих кредитов, а также качество их сопровождения (хорошее, среднее, плохое)	Позволяют судить о наличии управленческого риска, риска неустойчивости предприятия на рынке, косвенной доходности бизнеса, платежной дисциплины, уровень долговой нагрузки

Источник: собственная разработка.

бизнеса с деньгами предприятия может быть определено как малое предприятие. Объем выручки у вышеназванных предприятий превышает 35–40 тыс. BYN в месяц и находится в диапазоне от 100 тыс. BYN до 300 тыс. BYN в месяц, численность работников в среднем составляет 35 человек (при этом встречаются малые предприятия с численностью порядка 80–100 человек: ярким примером являются предприятия, занимающиеся, грузоперевозками, пассажироперевозками, общественным питанием, торговлей продуктами питания), объем кредитного портфеля вышеназванного предприятия находится в диапазоне от 250 тыс. BYN до 2,5 млн BYN.

Таким образом, наиболее приемлемыми, на наш взгляд, будут являться следующие критерии сегментации малых предприятий, основанных на комбинированном подходе, учитывающем как численность работников, объем годовой выручки, так и общую задолженность по активным операциям в финансово-банковских учреждениях (таблица 1).

При этом сегмент субъекта малого предпринимательства определяется по наибольшему значению любого из критериев. Одновременно с критериями сегментирования малых предприятий, предложенными в таблице 1, дополнительно можно определить перечень предприятий, которые в силу своей хозяйственной деятельности не могут попадать под сегмент малого предприятия (таблица 5).

В зависимости от размера анализируемого предприятия анализ основывается на исследовании, информация о котором содержится в основных финансовых отчетах:

- баланс;
- отчет о прибылях и убытках;
- отчет о движении денежных средств (cash-flow).

Так, в случае если:

– степень интегрированности личных финансов владельцев бизнеса с деньгами предприятия велика, а система учета на предприятии недостаточно автоматизирована, анализ финансово-экономического состояния предприятия чаще всего основывается на анализе данных управленческого баланса и отчета о прибылях и убытках;

– степень интегрированности личных финансов владельцев бизнеса с деньгами предприятия невелика, а система учета на предприятии достаточно автоматизирована, анализ финансово-экономического состояния предприятия ввиду наличия значительного объема качественной информации для аналитики основывается на анализе данных управленческого баланса, отчета о прибылях и убытках, отчета о движении денежных средств.

Как уже отмечалось выше, одной из основных характерных особенностей малых предпри-

ятий является частичное, а в некоторых случаях и полное отсутствие систематизированной информации о самом бизнесе и его финансовом состоянии и результатах.

Вместе с тем стоит определить, какую именно информацию необходимо получить из данных источников, для целей исследования.

Основная информация, которую можно получить из данных источников, – это информация о(об):

- структуре активов и пассивов предприятия, характеризующих его имущественное положение;
- объемах выручки, объемах денежных поступлений, размерах прибылей (убытков) предприятия, используемых для оценки рентабельности, ликвидности и эффективности его деятельности;
- размере и структуре дебиторской и кредиторской задолженности предприятия, используемой для оценки качества расчетов с поставщиками и покупателями;
- динамических характеристиках анализируемого бизнеса (при этом составить наиболее адекватную картину динамических тенденций развития бизнеса возможно только на основе анализа ежемесячных показателей).

Для разработки специализированной методики необходимо также использовать и методологию и принципы бухгалтерского учета, которые применяются для составления финансово-экономических отчетов с целью изучения бизнеса малого предприятия:

- принцип действующего предприятия;
- принцип начисления (соответствия);
- принцип консерватизма;
- принцип последовательности;
- принцип существенности;
- принцип объективности.

Важно отметить, что принципы построения финансово-экономического анализа одинаковы для всех типов предприятий независимо от того, является оно юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем.

Таким образом, предлагаемая авторская методика экспресс-оценки финансового состояния предприятий малого бизнеса:

- будет основываться на изучении информации фискальной налоговой или бухгалтерской отчетности;
- в качестве инструментов проведения финансового анализа предлагается к использованию упрощенный аналитический формуляр, предполагающий анализ коэффициентов финансово-экономического состояния анализируемого бизнеса, его кредитной истории и некоторых других факторов;
- оценки субъективных факторов.

Критерии оценки экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса приведены в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что анализ финансово-экономического состояния предприятия позволяет определить способность предприятия рассчитаться по своим обязательствам перед сторонними контрагентами и заработать прибыль для своего дальнейшего развития.

При методике экспресс-анализа финансово-экономического состояния бизнеса данные о выручке от реализации товаров (работ, услуг) можно получить из налоговых деклараций (при упрощенной системе налогообложения) или второй формы бухгалтерского баланса – отчета о прибылях и убытках (при общей системе налогообложения).

В то же время, имея статистические данные об объеме теневого бизнеса в той или иной отрасли, показатель выручки можно скорректировать на данный коэффициент – потенциал малого предприятия.

Информацию о доходности бизнеса можно было бы получить из данных статистического сборника «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» [14]. Однако есть проблема, что сборник не отражает объективной реальности по рентабельности малых предприятий в связи с тем, что показатели в нем представлены очень укрупненно и не показывают реального результата работы конкретного предприятия.

При этом многие финансово-банковские учреждения и консалтинговые компании обладают информацией о реальном потенциале и рентабельности малого предприятия. Используя информацию закрытых баз, финансово-банковские учреждения могут самостоятельно провести экс-

пресс-оценку финансово-экономического состояния малого предприятия.

На основе проведенного исследования авторы предлагают следующие критерии для экспресс-оценки финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса (таблица 3).

Рассчитывая коэффициенты, предложенные в таблице 3, можно определить:

- качество расчетов с дебиторами;
- качество расчетов с кредиторами;
- уровень долговой нагрузки перед финансово-банковскими учреждениями;
- рентабельность анализируемого бизнеса и возможность анализируемого предприятия исполнять свои обязательства перед контрагентами.

В случае выполнения всех нормативных значений указанных выше критериев, предприятие можно признавать устойчивым.

Оценку субъективных факторов деятельности малого предприятия можно получить из открытых источников и/или анкетных данных. В таблице 4 представлена информация, которую можно получить в свободном доступе.

В случае если анализируемый бизнес присутствует в данных реестрах – это говорит о его нестабильном финансовом положении.

Из закрытых источников с согласия проверяемого субъекта кредитной истории можно получить кредитный отчет.

Анализируя в кредитном отчете кредитную историю малого предприятия, можно установить различные критерии для определения ее качества. К примеру, кредитная история может признаваться положительной у анализируемого бизнеса, при условии, что он не имеет просроченной задолженности (основной долг) по ранее выданным

Таблица 3 – Критерии оценки для практического экспресс-анализа финансово-экономического состояния предприятий малого бизнеса

Критерий	Формула расчета	Нормативное значение
Доля просроченной дебиторской задолженности в общей сумме дебиторской задолженности анализируемого бизнеса по итогам последнего отчетного квартала	Сумма просроченной дебиторской задолженности анализируемого бизнеса на последнюю отчетную квартальную дату / Сумма всей дебиторской задолженности на последнюю отчетную квартальную дату * 100%	≤ 40%
Размер дебиторской задолженности не превышает 1 среднемесячную выручку* на последнюю отчетную квартальную дату	Сумма дебиторской задолженности на последнюю отчетную квартальную дату / Среднемесячная выручка с НДС	≤ 1
Доля просроченной кредиторской задолженности в общей сумме кредиторской задолженности анализируемого бизнеса на последнюю отчетную квартальную дату	Сумма просроченной кредиторской задолженности на последнюю отчетную квартальную дату / Сумма всей кредиторской задолженности на последнюю отчетную квартальную дату * 100%	для микро-предприятий 0%
		для малых предприятий 15%

Размер кредиторской задолженности не превышает среднемесячную выручку анализируемого бизнеса более чем в 3 раза на последнюю отчетную квартальную дату	Сумма кредиторской задолженности на последнюю отчетную квартальную дату / Среднемесячная выручка с НДС	≤ 3 раза
Коэффициент отношения суммы задолженности по всем действующим операциям**, подверженным кредитному риску (за исключением банковских гарантий и поручительств), к среднемесячной выручке анализируемого бизнеса. Определяет закредитованность анализируемого бизнеса в зависимости от объема ежемесячной выручки (рассчитывается по всем видам деятельности, за исключением услуг)	Задолженность по действующим активным операциям, подверженным кредитному риску (за исключением банковских гарантий и поручительств), фактически выданных на финансирование краткосрочных активов / Среднемесячная выручка Клиента с НДС	для микро-предприятий ≤ 2
		для малых предприятий ≤ 3
Показатель достаточности выручки анализируемого бизнеса (скорректированной на коэффициент) для погашения ежемесячного гипотетического взноса*** (включая проценты) по планируемым обязательствам и иным действующим операциям, подверженным кредитному риску (за исключением банковских гарантий и поручительств). Рассчитывается по конкретному виду деятельности малого предприятия	Среднемесячная выручка анализируемого бизнеса с НДС * реальную рентабельность анализируемого бизнеса / Сумма нижеуказанных слагаемых: 1) ежемесячный гипотетический платеж (по основному долгу и процентам) по действующим операциям, подверженным кредитному риску анализируемого бизнеса (будущие выплаты до окончания срока действия договоров); 2) ежемесячный гипотетический платеж (по основному долгу и процентам) по планируемым обязательствам	для микро-предприятий ≥ 1,5
		для малых предприятий ≥ 1
Показатель значения чистой прибыли за последний отчетный год (для юридических лиц, составляющих бухгалтерскую отчетность)	Данные бухгалтерского баланса	≥ 0 BYN
Показатель значения собственного капитала за последний отчетный год (для юридических лиц, составляющих бухгалтерскую отчетность)	Данные бухгалтерского баланса	≥ 0 BYN

Источник: собственная разработка.

Примечание: *Среднемесячный размер выручки рассчитывается за 12 месяцев с НДС, следующих до последней отчетной даты.

При этом показатель выручки, отраженный в фискальных отчетах малого предприятия может быть скорректирован на потенциал малого предприятия.

** В случае, если клиентом является индивидуальный предприниматель – учитывается его задолженность как физического лица по операциям, подверженных кредитному риску. При этом все кредиты физического лица учитываются как кредиты, направленные на финансирование долгосрочных активов.

*** По всем кредитным сделкам расчетной базой служит гипотетический ежемесячный взнос. Гипотетический ежемесячный взнос рассчитывается как аннуитетный взнос по кредиту.

и не погашенным кредитам банков и иным операциям кредитного характера, а также не имеющий просроченной задолженности по уплате процентов и(или) основного долга длительностью более 30 календарных дней подряд за 12 полных последних месяцев и до даты получения кредитного отчета (без суммарного сложения сроков просрочки) по ранее выданным кредитам банков и иным операциям кредитного характера. А также соотносить размер запрашиваемого кредитного обязательства с ранее возвращенными кредитами.

Дополнительно к данным субъективным факторам деятельности малого предприятия можно добавить базовые стоп-факторы при предоставлении кредита предприятию малого бизнеса (таблица 5).

В случае если предприятие является устойчивым, оно имеет положительную кредитную историю, у него отсутствуют негативные субъективные (в том числе стоп-базовые) факторы – предприятие малого бизнеса можно считать финансово-устойчивым.

Таблица 4 – Открытые источники для оценки субъективных факторов деятельности малого предприятия

Информация	Источник
Сведения о регистрации и текущем статусе юридического лица и индивидуального предпринимателя: действующая компания, в процессе ликвидации или банкрот. Информация об исполнительных производствах	Официальный сайт Министерства юстиции Республики Беларусь (Единый государственный регистр) [15]
Сведения об организациях, с которыми лучше не иметь дела ввиду их банкротства. Также доступны данные об управляющем и подтверждение неплатежеспособности (выдержка из постановления суда)	Официальный сайт Единого государственного реестра сведений о банкротстве [16]
Сведения о ликвидации или прекращении деятельности предприятия малого бизнеса	Официальный сайт Юридического журнала «Юстиция Беларуси» [17]
«Реестр коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с повышенным риском совершения нарушений в экономической сфере». В этом нормативном акте числятся компании, деятельность которых отступает от требований законодательства Республики Беларусь. Сведения о задолженности по налоговым платежам в бюджет	Официальный сайт Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь [18]
Информация о недобросовестных поставщиках	Официальный сайт Информационной системы «Тендеры» [19]
Информация о приказных производствах	Официальный сайт Верховного суда Республики Беларусь [20]

Источник: собственная разработка на основании [15–20].

Таблица 5 – Базовые стоп-факторы деятельности малого предприятия

Критерий	Характеристика
Вид деятельности, финансирование которого не осуществляется	– шоу-бизнес (предпринимательская деятельность, связанная с организацией концертно-гастрольной деятельности, музыкальных фестивалей и конкурсов, презентаций и шоу-программ, продюсированием артистов/музыкальных коллективов, выпуском и компиляцией видео, музыкальных и т.п. сборников, производством фильмов, музыкальных клипов и т.п.); – игорный бизнес; – операции с ценными бумагами и финансовыми инструментами; – производство подакцизных товаров; – производство вооружений и продукции военного назначения; – ломбарды и лизинговые компании; – банковские и страховые структуры, кредитные кооперативы, микрофинансовые организации, различные фонды; – строительство многоэтажных жилых объектов; – девелопмент; – лотерейная деятельность
Финансируемое малое предприятие не относится к	– некоммерческим организациям; – унитарным предприятиям, собственником имущества которых являются Республика Беларусь либо ее административно-территориальная единица; – участникам договора простого товарищества (договора о совместной деятельности); – коммерческим организациям, более 25% акций (долей в уставном фонде) которых принадлежит Республике Беларусь, ее административно-территориальным единицам
Срок непрерывной деятельности предприятия	– 18 месяцев – для микропредприятия; – 12 месяцев – для малого предприятия
Максимальная сумма финансирования	– для микропредприятия – до 100000 USD в эквиваленте; – для малого предприятия – от 100001 до 1000000 USD в эквиваленте
Численность работников	– для микропредприятия – до 15 человек; – для малого предприятия – от 16 до 100 человек

Источник: собственная разработка.

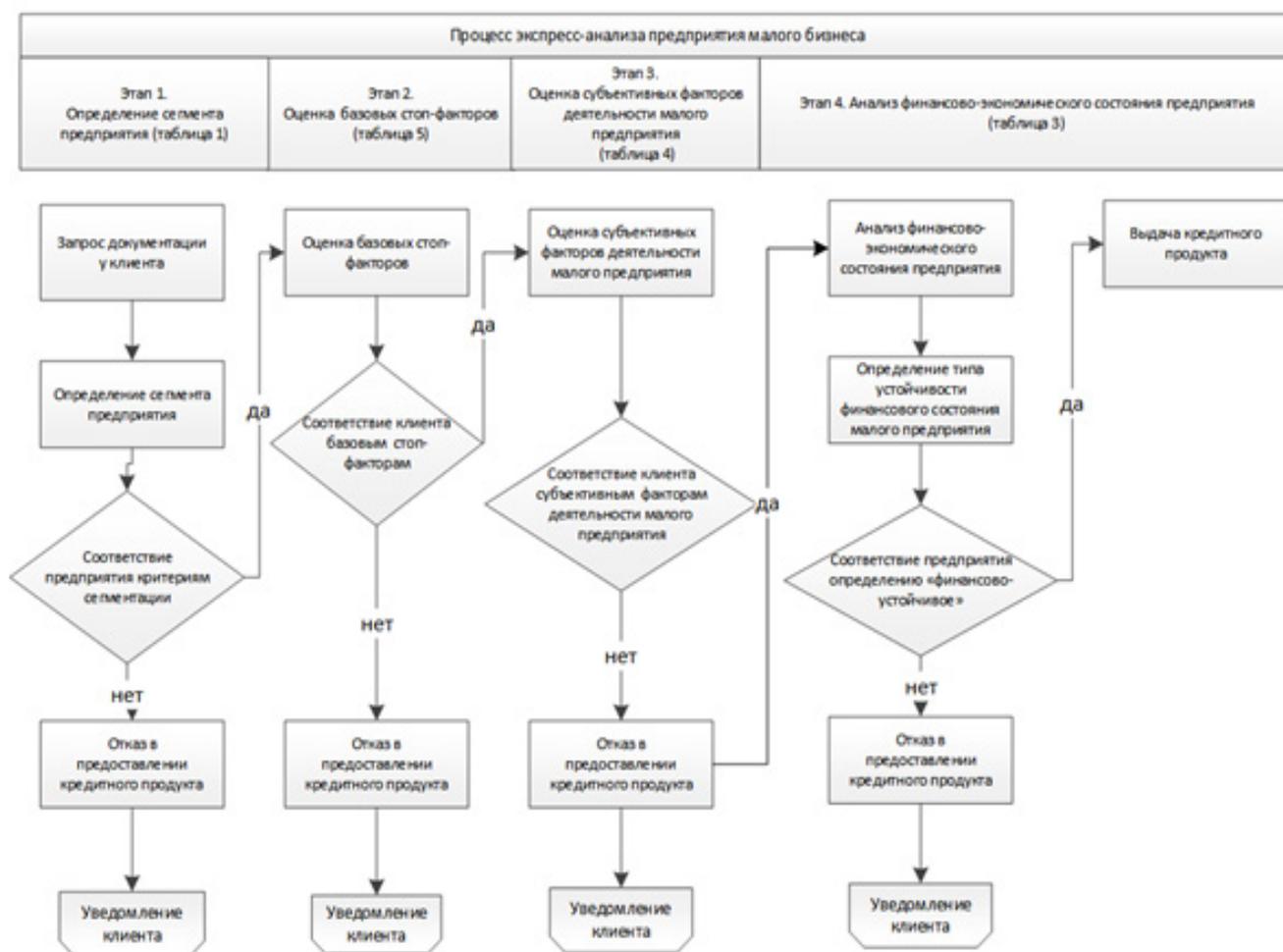

Рисунок – Процесс экспресс-анализа предприятия малого бизнеса
 Источник: собственная разработка.

В случае устойчивого финансового состояния, отсутствия кредитной истории, отсутствия негативных субъективных факторов или в случае устойчивого финансового состояния, отсутствия кредитной истории/наличия положительной кредитной истории, отсутствия негативных субъективных факторов, при этом наличия базовых субъективных стоп-факторов – предприятие малого бизнеса можно считать условно финансово-устойчивым.

В случае финансово-неустойчивого финансового состояния (хотя бы один критерий финансового анализа не находится в норме) и/или наличия отрицательной кредитной истории и/или наличия негативных субъективных стоп-факторов – предприятие малого бизнеса можно считать финансово-неустойчивым.

Подводя итог, процесс методики экспресс-анализа предприятия малого бизнеса можно представить в виде следующего алгоритма последовательно выполняемых действий (рисунок).

Заключение. Предложенная авторская методика нашла практическое применение в одном из банков Республики Беларусь и была внедрена в производственный процесс в сентябре 2019 г. Используя данную методику, по состоянию на 1 декабря 2020 г. банк выдал 240 кредитов на общую сумму 9 млн BYN. Кредитный портфель на 1 декабря составлял 7,1 млн BYN, а проблемная задолженность – менее 1%.

Таким образом, результаты экспресс-анализа финансово-экономического состояния малого предприятия позволяют получить оперативную, динамичную информацию о финансово-экономическом состоянии анализируемого предприятия, о финансовых результатах его деятельности, о состоянии и использовании финансовых ресурсов, об уровне платежеспособности, рентабельности и деловой активности данного предприятия.

Предлагаемая методика экспресс-анализа предприятия малого бизнеса позволяет провести его быстро и эффективно, а полученная информа-

ция для заинтересованного работника банка будет проста и интуитивно понятна.

Данная методика позволяет объективно оценить финансовое и экономическое состояние малого предприятия, что в конечном результате способствует увеличению кредитного портфеля и снижению кредитных рисков банка, сокращению издержек в процессе предоставления кредитов и обучения персонала, а также автоматизации кредитного процесса предоставления заемных ресурсов клиентам микро- и малого бизнеса.

Литература

1. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 окт. 2018 г., № 743: // ilex.by / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Стандарты ЕБРР [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационного агентства Bankir.ru. – М., 2019. – Режим доступа: <https://bankir.ru/dom/департамент-финансовых-продуктов/кредитование-корпоративных-клиентов/анализ-финансового-состояния-заемщика/55327-стандарты-ебрр>. – Дата доступа: 22.01.2021.
3. Бичель, И.С. Перекрестная проверка достоверности финансовых показателей в финансовом учете предприятия: связь трех отчетов / И.С. Бичель // Беларусь-2030: государство, бизнес, наука, образование: материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию образования экономического факультета Белорус. гос. ун-та, Минск, 14 дек. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2018. – С. 26–28.
4. Стандарты кредитования клиентов сегмента малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации российских банков. – М., 2015. – Режим доступа: https://arb.ru/upload/files/docs/Koord_com_SKBD/standarti_kreditovaniya_SMP%204.docx. – Дата доступа: 22.01.2021.
5. Примерная методика оценки финансового состояния заемщиков – субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации российских банков. – М., 2015. – Режим доступа: https://arb.ru/upload/files/docs/Koord_com_SKBD/r1metodika_fin_analiza.docx. – Дата доступа: 22.01.2021.
6. Оценка кредитоспособности субъектов малого бизнеса: метод. пособие [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета по развитию предпринимательства. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://ced.by/media/publication/books/kredit-msb/09_ocenka_kreditosposobnosti-msb.pdf. – Дата доступа: 22.01.2021.
7. Демкович, В.И. Особенности формирования модели кредитной работы с рыночным сегментом малого и среднего предпринимательства (МСП) в коммерческом банке: практ. аспекты / В.И. Демкович. – Изд. 2-е. – М.: Голос Пресс, 2010. – 286 с.
8. Мордвинкин, А.Н. Кредитование малого бизнеса: практ. пособие / А.Н. Мордвинкин. – 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 316 с.
9. Иванов, О. Учебники по финансовому анализу малого бизнеса (методика ЕБРР): пособие [Электронный ресурс] / О. Иванов // Официальный сайт Технологии кредитования малого бизнеса. – М., 2019. – Режим доступа: <http://tkmb-online.ru/catalogue.html>. – Дата доступа: 22.01.2021.
10. Стражев, В.И. Теория анализа хозяйственной деятельности: учеб. пособие / В.И. Стражев. – 2-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2014. – 143 с.
11. Савицкая, Г.В. Анализ хозяйственной деятельности: учебник для учащихся учреждений образования, реализующих образовательные программы среднего специального образования по экономическим специальностям / Г.В. Савицкая. – 4-е изд., испр. – Минск: РИПО, 2016. – 373 с.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 28 дек. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноябр. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 29.06.2020 г. // ilex.by / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Гурьянов, П.А. Критерии определения размеров малого и среднего бизнеса / П.А. Гурьянов // Экономика, предпринимательство и право. – 2014. – № 10. – С. 3–12.
14. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-tatistika/publications/izdania/public_compilation/index_17467/. – Минск, 2021. – Дата доступа: 10.01.2021.
15. Предоставление информации из ЕГР [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Беларусь. – Минск, 2021. – Режим доступа: <https://www.minjust.gov.by>. – Дата доступа: 22.01.2021.
16. Единый государственный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единого государственного реестра сведений о банкротстве. – Минск, 2021. – Режим доступа: <https://bankrot.gov.by>. – Дата доступа: 22.01.2021.
17. Юридический журнал «Юстиция Беларуси» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Юридического журнала «Юстиция Беларуси». – Минск, 2021. – Режим доступа: <https://justbel.info/pages/liquidation-info>. – Дата доступа: 22.01.2021.
18. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. – Минск, 2021. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by/ru/>. – Дата доступа: 22.01.2021.
19. «Информационная система «Тендеры»» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационной системы «Тендеры». – Минск, 2021. – Режим доступа: <https://icetrade.by/>. – Дата доступа: 22.01.2021.
20. Верховный суд Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда Республики Беларусь. – Минск, 2021. – Режим доступа: <http://court.gov.by>. – Дата доступа: 22.01.2021.

Поступила в редакцию 22.03.2021

Стратегия управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС

Матыцин Д.Е.

Институт права Волгоградского государственного университета

В данной работе уточнена сущность, выделены и четко определены элементы качества в индустрии 4.0, предложены оценочные индикаторы, с помощью которых произведена поликритериальная оценка качества в индустрии 4.0, детерминированы и обоснованы источники его повышения в РФ и ЕС. Подробно исследовано и доказано сильное влияние производственно-технологических факторов на успехи в построении когнитивной экономики в РФ и ЕС, а также обозначены перспективы оптимизации влияния данных факторов в интересах ускоренного построения когнитивной экономики, выявлена специфика причинно-следственных связей управления качеством в индустрии 4.0 в странах Западной и Восточной Европы.

Цель статьи – разработка программно-целевой стратегии управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС.

Материал и методы. В основу исследования положен гипотетико-дедуктивный принцип. При изучении причинно-следственных связей управления качеством в индустрии 4.0 в Российской Федерации и странах Европейского союза применяется метод корреляционного анализа.

Результаты и их обсуждение. В качестве результатов исследования представлены: 1) причинно-следственные связи управления качеством в индустрии 4.0 в РФ и ЕС; 2) опыт и перспективы построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС; 3) программно-целевая стратегия управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС.

Заключение. Вклад проведенного исследования в развитие экономической науки состоит в структурировании элементов качества индустрии 4.0, обосновании их управляемости и выявлении ключевых источников повышения качества индустрии 4.0 в странах Западной и Восточной Европы.

Ключевые слова: качество, стратегия, индустрия 4.0, когнитивная экономика, Российская Федерация, Европейский союз, производственно-технологические факторы.

Strategy of Quality Management in the 4.0 Industry and of Building Cognitive Economy on the Basis of Production Technological Factors in the RF And EU

Matytsin D.E.

Volgograd State University Institute of Law

The following advantages over the competitive literature make the research unique and significant for the economic science and practice. Firstly, the paper specifies the essence, identifies and clearly defines quality elements in the 4.0 industry, points out assessment indicators and, applying them, makes poly-criteria quality assessment in the 4.0 industry, determines and substantiates sources for its improvement in the RF and EU. Secondly, a strong influence of production technological factors on success in building cognitive economy in the RF and EU is studied in detail and proved; optimization prospects for the impact of these factors in the interests of the accelerated building of cognitive economy are also identified. Thirdly, specificity of the reason and consequence links of quality management in the 4.0 industry in the countries of Eastern and Western Europe is found out due to which the study is of increased empiric value, since it makes it possible to work out specific programs for 4.0 industry development in the countries of Europe taking into account their peculiarities. Fourthly, issues of quality management in the 4.0 industry as well as of building cognitive economy on the basis of production technological factors are profoundly studied, due to which a general program and goal strategy for the RF and EU is developed, in which the synergetic effect is extracted, that provides increased efficiency of management measures.

The purpose of the article is development of the program and goal strategy for quality management in the 4.0 industry and of building cognitive economy on the basis of production technological factors in the RF and EU.

Material and methods. The study is based on the hypothetic and deduction principle. In the study of the reason and consequence links of quality management in the 4.0 industry in the Russian Federation and EU countries the method of correlation analysis is applied.

Findings and their discussion. The research findings are: 1) the reason and consequence links of quality management in the 4.0 industry in the Russian Federation and EU countries; 2) the experience and prospects of building cognitive economy based on the production technological factors in the RF and EU; 3) the program and goal strategy of quality management in the 4.0 industry and of building cognitive economy on the basis of production technological factors in the RF and EU.

Conclusion. The research contribution into the development of economic science is in structuring the elements of the 4.0 industry quality, in substantiating their ability to be managed and in identifying key sources for the improvement of the 4.0 industry quality in the countries of Eastern and Western Europe.

Key words: quality, strategy, the 4.0 industry, cognitive economy, the Russian Federation, European Union, production technological factors.

Перспективы развития современных хозяйственных систем связываются с переходом к индустрии 4.0 [1]. Об этом свидетельствуют принятие и запуск большинством стран мира стратегий цифровой модернизации экономики и перехода к индустрии 4.0 [2]. В России принята и реализуется под управлением Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. В Европейском союзе под руководством European Commission осуществляется “Europe investing in digital: the Digital Europe Programme” [4].

Переход к индустрии 4.0 происходит в интересах построения когнитивной экономики – социально-экономической системы, в которой знания наделяются высокой ценностью, что генерирует рыночные стимулы к наращению человеческого потенциала [5], а в предпринимательстве конкуренция ведется на уровне информации, знаний и технологий, создаются условия для обмена знаниями, внедрения инноваций и раскрытия человеческого потенциала [6]. Преимуществами когнитивной экономики выступают высокая и устойчивая глобальная конкурентоспособность, сниженная цикличность и стабильный экономический рост, более высокий уровень и качество жизни населения.

Несмотря на то, что курс на переход к индустрии 4.0 действительно способствует построению когнитивной экономики, серьезным барьером на этом пути являются недостаточная управляемость индустрии 4.0 и хаотичность ее развития. Это происходит потому, что переход к индустрии 4.0 рассматривается как самоцель. Хотя внедрение передовых технологий в государственном управлении, обществе и бизнесе позволяет укрепить позиции национального предпринимательства на мировых рынках высоких технологий и высокотехнологичной продукции, а также увеличить глобальную конкурентоспособность экономики [7], оно не гарантирует целевых внутренних социально-экономических трансформаций в хозяйственной системе [8].

Для построения когнитивной экономики необходимо обеспечение высокого качества в индустрии 4.0, что будет способствовать позитивному

влиянию на экономику производственно-технологических факторов. Достижению этого в практике современных хозяйственных систем препятствуют следующие научно-исследовательские проблемы. Первый пробел: недостаточная проработанность научно-методических вопросов измерения и управления качеством в индустрии 4.0 [9]. К настоящему времени существует и активно применяется множество показателей для измерения прогресса в индустрии 4.0, среди которых уровень развития и доступности цифровой инфраструктуры и активность внедрения прорывных технологий.

Вопросам качества при изучении и управлении индустрией 4.0 уделяется недостаточно внимания, хотя, как и любые инновации, она связана с риском и не гарантирует извлечения преимуществ [10]. В то время как существует множество глобальных отчетов об уровне развития индустрии 4.0 (к примеру, World Digital Competitiveness Report, ежегодно выпускаемый IMD (2020)), отсутствует четкое представление о качестве в индустрии 4.0. Из-за этого предприятия индустрии 4.0 не закрепляют рост качества в корпоративных планах, а государственные регуляторы вынуждены руководствоваться общими показателями, не уделяя внимания качеству.

Второй пробел: неопределенность причинно-следственных связей влияния производственно-технологических факторов хозяйственной системы и требований к влиянию этих факторов на построение когнитивной экономики. Производственно-технологические факторы как достижения в индустрии 4.0 стимулируют социальные трансформации и обеспечивают переход к информационному обществу, поддерживают внедрение прорывных технологий в практике предпринимательства, а также обеспечивают переход экономики к более высокому (четвертому) технологическому укладу.

Концепция когнитивной экономики прорабатывается и развивается отдельно от индустрии 4.0. Обособленное управление индустрией 4.0 и процессом перехода к когнитивной экономике является «институциональной ловушкой» (неэффективным институтом) современных хозяйственных систем. Отдельные инициативы по развитию интеллектуального капитала (повышение уровня образования, инвестиции в НИОКР

и готовые инновации) приводят к фрагментарным, промежуточным результатам – полномасштабное построение когнитивной экономики возможно только при целенаправленном и высокоточном управлении производственно-технологическими факторами, но для этого отсутствует необходимый научно-методический аппарат [11].

Полагаем, необходима разработка программно-целевой стратегии управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в Российской Федерации и странах Европейского союза. Также думается, что требует обоснования гипотеза о том, что в Российской Федерации и странах Европейского союза производственно-технологические факторы оказывают сильное влияние на прогресс в построении когнитивной экономики, но влияние этих факторов не оптимально из-за несовершенства управления качеством в индустрии 4.0.

По поставленной проблеме опубликовано множество научных исследований, что указывает на высокую степень ее проработанности. Тем не менее проведенный анализ пробелов показал, что изучаемая проблема остается нерешенной из-за двух исследовательских пробелов. Первый пробел: дефицит научно-методических разработок в области управления качеством в индустрии 4.0. Второй пробел: недостаточная изученность и недоказанность влияния производственно-технологических факторов на построение когнитивной экономики. Для заполнения указанных пробелов в этой работе системно изучаются процесс управления качеством в индустрии 4.0, его последствия для производственно-технологического развития и вклад в построение когнитивной экономики в Российской Федерации и странах Европейского союза.

Цель статьи – разработка программно-целевой стратегии управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС.

Материал и методы. В основу анализа положен гипотетико-дедуктивный принцип. Для достижения наибольшей прикладной значимости и наивысшей детализации исследования в качестве его объектов выбраны страны с разным географическим расположением: страны Восточной и Западной Европы. При изучении причинно-следственных связей управления качеством в индустрии 4.0 в Российской Федерации и странах Европейского союза применяется метод корреляционного анализа. С помощью этого метода определяется связь (корреляционная зависимость) элементов качества в индустрии 4.0 с потенциально значимыми источниками повышения качества. При изучении опыта и перспектив построения ког-

нитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в Российской Федерации и странах Европейского союза применяется метод корреляционного анализа. С его помощью выявляется и представляется в виде уравнения регрессии зависимость каждого из признаков когнитивной экономики (по отдельности) от всей совокупности производственно-технологических факторов.

Результаты и их обсуждение. Исследование построено по гипотетико-дедуктивному принципу. Экономико-математический смысл сформулированной гипотезы заключается в том, что в Российской Федерации и странах Европейского союза производственно-технологические факторы в целом демонстрируют тесную и положительную связь с проявлениями когнитивной экономики, но их влияние противоречиво, о чем должна свидетельствовать не только положительная, но и отрицательная корреляционная и регрессионная зависимость соответствующих показателей.

Для достижения наибольшей прикладной значимости и наивысшей детализации исследования в качестве его объектов выбраны страны с разным географическим расположением: страны Восточной и Западной Европы. Чтобы охарактеризовать полученную выборку, рассмотрим значения индекса цифровой конкурентоспособности в странах Восточной и Западной Европы в 2020 г. (по итогам 2019 г.) в соответствии с одноименным отчетом IMD, представленные на рисунке 1.

Согласно рисунку 1 в странах Восточной Европы значения индекса цифровой конкурентоспособности в 2020 г. достаточно равномерны. Наибольшее значение этого индекса демонстрируют Польша (73,707 балла) и Россия (70,406 балла). В странах Западной Европы явно выражены различия в уровне их цифровой конкурентоспособности, который наиболее высок в Дании (95,225 балла) и Нидерландах (94,261 балла), а наименьший в Бельгии (82,491 балла). В целом среди отобранных стран Западной Европы уровень цифровой конкурентоспособности выше (87,53 балла в среднем) по сравнению со странами Восточной Европы (64,44 балла в среднем). Это подчеркивает необходимость изучения данных географически обособленных групп стран по отдельности при исследовании индустрии 4.0. При изучении причинно-следственных связей управления качеством в индустрии 4.0 в Российской Федерации и странах Европейского союза применяется метод корреляционного анализа. С помощью этого метода определяется связь (корреляционная зависимость) элементов качества в индустрии 4.0 с потенциально значимыми источниками повышения качества. Элементы качества в индустрии 4.0 выделены в соответствии с World Digital Competitiveness Report 2019, подготовленным

IMD (2020), как источником наиболее полных и авторитетных эмпирических данных по теме индустрии 4.0:

- капитализация IT-корпораций на фондовом рынке как проявление их конкурентоспособности и эффективности, достигаемых за счет высокого качества продукции;
- интернет-торговля как проявление качества распределительных сетей, наиболее высокий уровень которого достигается в Интернете;
- гибкость компаний как проявление учета ими индивидуальных потребностей потребителей, а также изменений в общерыночных потребительских предпочтениях, что приводит к росту качества в аспекте улучшенного удовлетворения потребностей;
- трансфер знаний как проявление использования передовых знаний и технологий при производстве продукции;
- кибербезопасность как проявление безопасности продукции индустрии 4.0 в аспекте защиты персональных данных;
- программное обеспечение как проявление надежности продукции индустрии 4.0 в аспекте ее бесперебойной работы.

В этой работе также выделены следующие потенциально значимые источники повышения качества в индустрии 4.0:

- индекс экономической свободы как показатель влияния государственного регулирования на качество – показатель рассчитан The Heritage Foundation (2020);
- индекс глобализации как показатель влияния международной конкуренции на качество – показатель рассчитан KOF (2020);

– объем инвестиций в экономику как показатель влияния ресурсной обеспеченности на качество – показатель рассчитан International Monetary Fund (2020);

– индекс социального предпринимательства как показатель влияния корпоративной социальной ответственности на качество – показатель рассчитан Institute of Scientific Communications (2020b) и представлен в Social entrepreneurship ranking в составе dataset “Social Entrepreneurship in the World Economy: a Path from Virtual Scores to Big Data – 2020”.

Описанные данные актуальны на 2020 г., сгруппированы в зависимости от географического расположения изучаемых стран в таблице 1. Поскольку элементы качества в индустрии 4.0 доступны в материалах IMD в виде рейтинга, они измеряются в местах, и соответственно, чем их значения меньше, тем лучше. В противоположность им источники повышения качества чем больше, тем лучше. Поэтому о прямой связи показателей будут свидетельствовать отрицательные значения коэффициентов корреляции. При изучении опыта и перспектив построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в Российской Федерации и странах Европейского союза применяется метод корреляционного анализа. С его помощью выявляется и представляется в виде уравнения регрессии зависимость каждого из признаков когнитивной экономики (по отдельности) от всей совокупности производственно-технологических факторов. В качестве производственно-технологических факторов выбраны показатели из рейтинга IMD (2020):

- Роботы в науке и образовании;
- Роботизация промышленности;

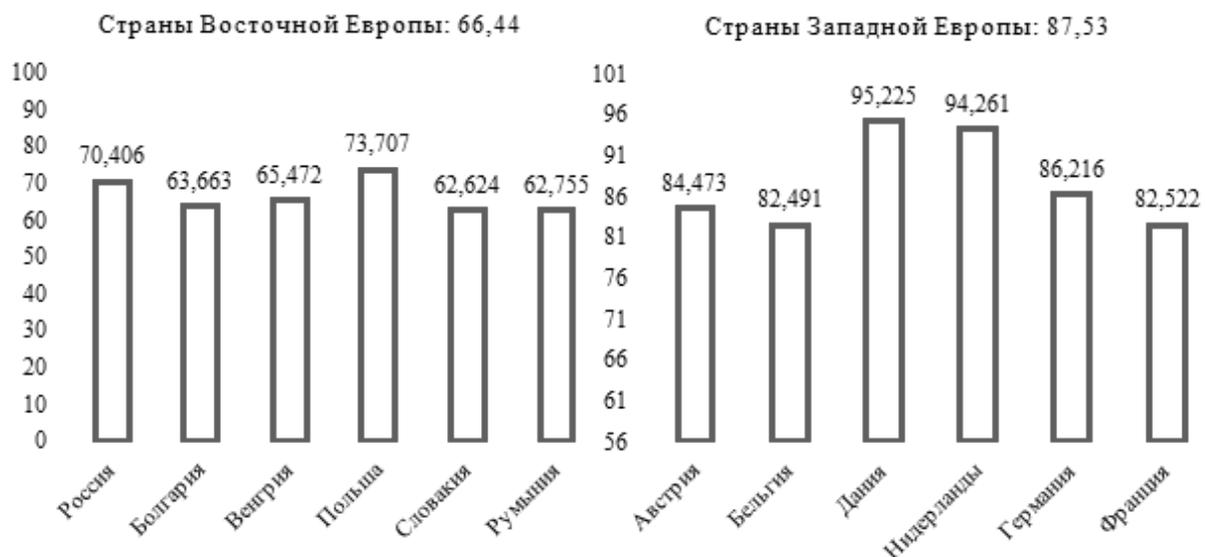

Рисунок 1 – Индекс цифровой конкурентоспособности в странах Восточной и Западной Европы в 2020 г., баллы 1–100

Источник: составлено автором на основе материалов IMD (2020).

Таблица 1 – Элементы и источники качества в индустрии 4.0 в Российской Федерации и странах Европейского союза в 2020 г.

Географическое расположение	Страна	Элементы качества в индустрии 4.0, места 1–63							Источники повышения качества в индустрии 4.0			
		IT & media stock капитализация на фондовом рынке	Интернет-торговля	Гибкость компаний	Трансфер знаний	Кибербезопасность	Программное обеспечение	Индекс экономической свободы, баллы 1–100	Индекс глобализации, баллы 1–100	Объем инвестиций в экономику, % ВВП	Индекс социального предпринимательства, баллы 1–100	
		IT & media stock capitalization	Internet retailing	Agility of companies	Knowledge transfer	Cyber security	Software piracy	Index of economic freedom	Globalization index	Total investment, % of GDP	Social entrepreneurship index	
Страны Восточной Европы	Россия	43	41	60	57	44	53	61,0	72,45	21,189	61,147	
	Болгария	36	50	56	55	46	50	70,2	80,78	22,227	35,763	
	Венгрия	31	37	50	39	51	27	66,4	84,98	21,277	34,373	
	Польша	35	33	17	38	40	36	69,1	81,33	20,735	46,651	
	Словакия	29	36	22	34	13	30	66,8	83,72	23,763	34,700	
	Румыния	47	40	43	50	32	51	69,7	79,74	25,329	38,515	
	Австрия	39	17	15	12	5	6	73,3	82,86	24,111	51,643	
Страны Западной Европы	Бельгия	32	11	39	16	33	13	68,9	86,84	24,339	45,772	
	Дания	45	4	6	8	17	8	78,3	88,26	20,962	55,713	
	Нидерланды	8	6	10	2	8	13	77,0	90,71	21,806	67,478	
	Германия	9	13	36	10	26	8	73,5	88,60	19,348	61,140	
	Франция	25	14	55	26	22	20	66,0	87,25	21,813	55,341	

Источник: составлено автором на основе материалов IMD (2020), Institute of Scientific Communications (2020b), International Monetary Fund (2020), KOF (2020), The Heritage Foundation (2020).

– Использование больших данных и интеллектуальной аналитики.

В качестве признаков когнитивной экономики выступают следующие показатели:

– Индекс инноваций, доступный в материалах dataset “Big Data of the Modern Global Economy: Digital Platform for Data Mining – 2020” Institute of Scientific Communications (2020a);

– Индекс человеческого развития, также взятый из материалов Institute of Scientific Communications (2020a);

– Высокотехнологичный экспорт согласно подсчетам World Bank (2020).

Указанные показатели отображены в таблице 2, где также введены их обозначения для последующего регрессионного анализа.

Таблица 2 – Признаки когнитивной экономики и потенциально влияющие на них производственно-технологические факторы в Российской Федерации и странах Европейского союза в 2020 г.

Географическое расположение	Страна	Производственно-технологические факторы, места 1–63			Признаки когнитивной экономики		
		Роботы в науке и образовании	Роботизация промышленности	Использование больших данных и интеллектуальной аналитики	Индекс инноваций, баллы 1–100	Индекс человеческого развития, баллы 1–100	Высокотехнологичный экспорт, % от промышленного экспорта
–	–	Robots in Education and R&D	World robots distribution	Use of big data and analytics	–	–	High-technology exports, % of manufactured exports
		x_1	x_2	x_3	y_1	y_2	y_3
Страны Восточной Европы	Россия	8	34	31	37,62	0,824	10,963
	Болгария	49	45	38	40,35	0,816	10,267
	Венгрия	31	26	50	44,51	0,845	17,538
	Польша	16	21	27	41,31	0,872	10,099
	Словакия	29	37	33	42,05	0,857	10,629
	Румыния	36	35	34	36,76	0,816	11,074
Страны Западной Европы	Австрия	10	23	41	50,94	0,914	11,638
	Бельгия	18	24	35	50,18	0,919	11,946
	Дания	25	30	17	58,44	0,930	13,889
	Нидерланды	27	18	10	61,44	0,933	22,677
	Германия	2	5	46	58,19	0,939	16,368
	Франция	5	8	53	54,25	0,891	25,920

Источник: составлено автором на основе материалов IMD (2020), Institute of Scientific Communications (2020a), World Bank (2020).

Причинно-следственные связи управления качеством в индустрии 4.0 в Российской Федерации и странах Европейского союза

Для установления причинно-следственных связей управления качеством в индустрии 4.0 в Российской Федерации и странах Европейского союза обратимся к результатам проведенного на основе данных таблицы 1 корреляционного анализа, проиллюстрированного на рисунках 2–7.

В соответствии с рисунком 2 в странах Восточной Европы капитализация IT-корпораций на фондовом рынке повышается при увеличении экономической свободы (корреляция –9,30%), глобализации (–72,44%), но при оттоке инвестиций их экономики (34,48%) и сокращении корпоративной социальной ответственности (49,70%). В странах

Западной Европы капитализация IT-корпораций на фондовом рынке повышается при снижении экономической свободы (1,90%) и оттоке инвестиций из экономики (48,20%), но при глобализации (-62,80%) и развитии социального предпринимательства (-72,32%).

В соответствии с рисунком 3 в странах Восточной Европы интернет-торговля развивается при снижении экономической свободы (14,44%), оттоке инвестиций из экономики (12,71%), но при глобализации (-28,88%) и развитии социального предпринимательства (-7,81%). В странах Западной Европы интернет-торговля развивается при увеличении экономической свободы (-64,90%), глобализации (-73,94%), развитии социального предпринимательства (-39,24%), но при оттоке инвестиций из экономики (32,04%).

В соответствии с рисунком 4 в странах Восточной Европы гибкость компаний повышается при увеличении экономической свободы (-36,98%), глобализации (-48,49%), притоке инвестиций в экономику (-9,88%), но при снижении корпоративной социальной ответственности (23,60%). В странах Западной Европы гибкость компаний повышается при увеличении экономической свободы (-93,09%), глобализации (-7,88%), притоке инвестиций в экономику (-0,66%) и развитии социального предпринимательства (-31,77%).

В соответствии с рисунком 5 в странах Восточной Европы трансфер знаний повышается при увеличении экономической свободы (-21,70%), глобализации (-77,49%), но оттоке инвестиций из экономики (1,98) и снижении корпоративной социальной ответственности (47,77). В странах

Рисунок 2 – Корреляция капитализации IT-корпораций на фондовом рынке с источниками качества в индустрии 4.0, %
 Источник: рассчитано и построено автором.

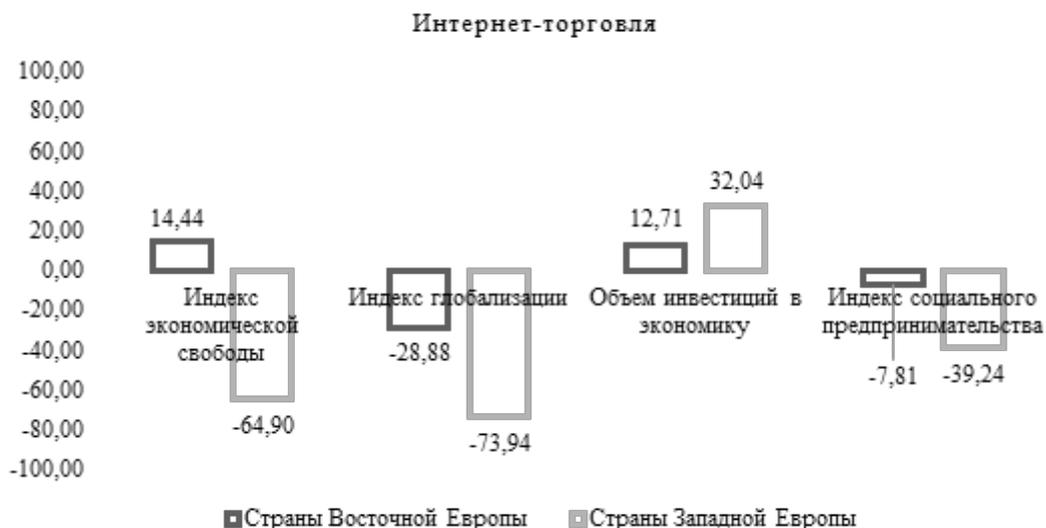

Рисунок 3 – Корреляция интернет-торговли с источниками качества в индустрии 4.0, %
 Источник: рассчитано и построено автором.

Западной Европы трансфер знаний повышается при увеличении экономической свободы (-92,30%), глобализации (-40,77%), развитии социального предпринимательства (-57,05%), но оттоке инвестиций из экономики (23,26%).

В соответствии с рисунком 6 в странах Восточной Европы кибербезопасность повышается при увеличении экономической свободы (-10,65%), глобализации (-20,68%), притоке инвестиций в экономику (-64,05%), но при сокращении корпоративной социальной ответственности (24,87%). В странах Западной Европы кибербезопасность повышается при увеличении экономической свободы (-53,41%), притоке инвестиций в экономику (-11,32%), развитии социального предпринимательства (-43,09%), но при де-глобализации (18,31%).

В соответствии с рисунком 7 в странах Восточной Европы качество программного обеспечения повышается при увеличении экономической свободы (-8,28%), глобализации (-80,37%), но при оттоке инвестиций из экономики (21,55%) и снижении корпоративной социальной ответственности (49,96%). В странах Западной Европы качество программного обеспечения повышается при увеличении экономической свободы (-68,01%), но при де-глобализации (30,84%), оттоке инвестиций из экономики (6,15%) и сокращении корпоративной социальной ответственности (1,78%).

Усредненная корреляция элементов качества с источниками качества в индустрии 4.0 отражена на рисунке 8.

В соответствии с рисунком 8 в странах Восточной и Западной Европы выделенные источники

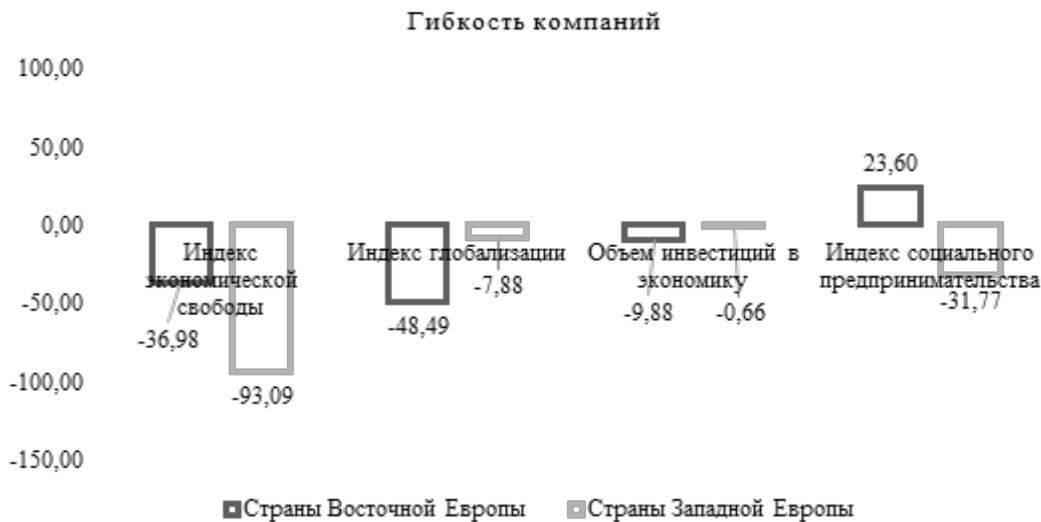

Рисунок 4 – Корреляция гибкости компаний с источниками качества в индустрии 4.0, %
Источник: рассчитано и построено автором.

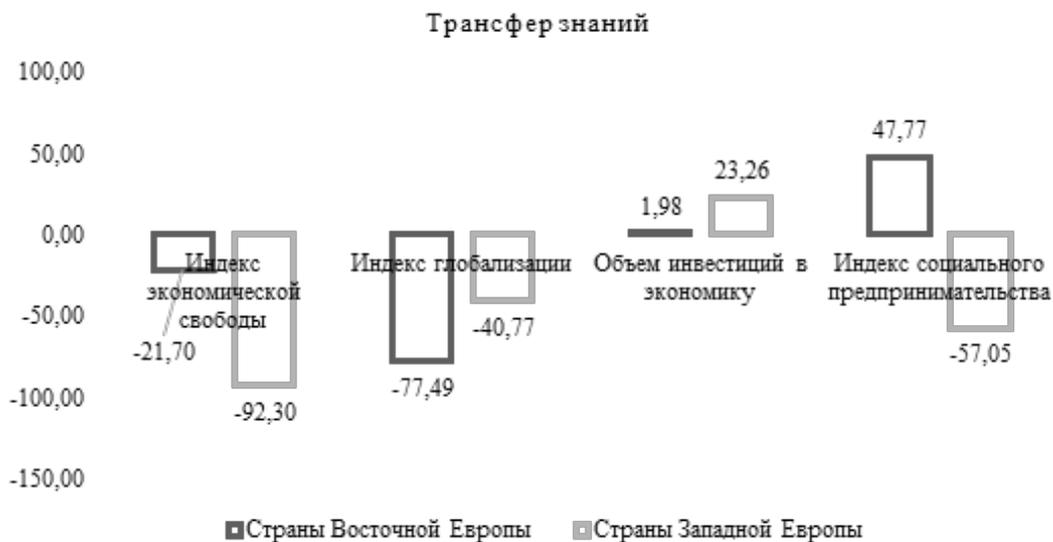

Рисунок 5 – Корреляция трансфера знаний с источниками качества в индустрии 4.0, %
Источник: рассчитано и построено автором.

качества в целом оказывают позитивное влияние на качество индустрии 4.0. Элементы качества индустрии 4.0 расположены в порядке управляемости на базе выделенных источников качества: трансфер знаний (-41,71% и -12,36% соответственно), гибкость компаний (-33,35% и -17,94% соответственно), интернет-торговля (-36,51% и -2,38% соответственно), кибербезопасность (-22,38 и -17,63% соответственно), капитализация IT-корпораций на фондовом рынке (-7,31% и -4,28% соответственно) и программное обеспечение (-21,26% и 0,61% соответственно). В странах Западной Европы управляемость качества индустрии 4.0 значительно выше (-27,09%) по сравнению со странами Восточной Европы (-9%).

Источники качества индустрии 4.0 имеют разное значение в рассматриваемых группах стран. В странах Восточной Европы они распреде-

лены в порядке убывания значимости следующим образом: индекс глобализации (-54,72%), индекс экономической свободы (-12,08%), объем инвестиций в экономику (-0,53%), индекс социального предпринимательства (31,35% – незначим). В странах Западной Европы они распределены в порядке убывания значимости следующим образом: индекс экономической свободы (-61,63%), индекс социального предпринимательства (-40,28%), индекс глобализации (-22,71%) и объем инвестиций в экономику (16,28% – незначим).

Опыт и перспективы построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС

Для изучения влияния производственно-технологических факторов на построение когнитивной экономики в Российской Федерации и странах Европейского союза в 2020 г. на основе

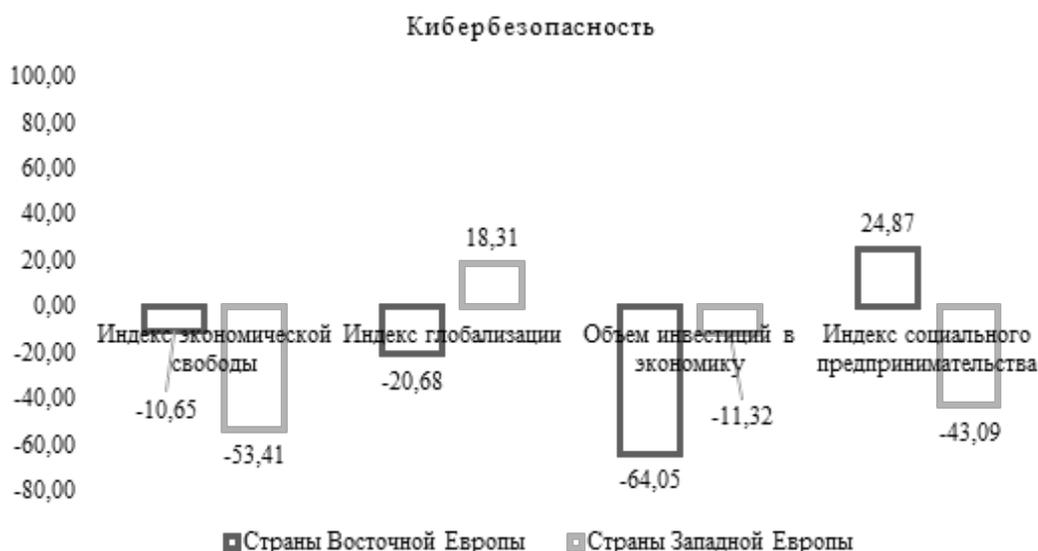

Рисунок 6 – Корреляция кибербезопасности с источниками качества в индустрии 4.0, %
Источник: рассчитано и построено автором.

Рисунок 7 – Корреляция программного обеспечения с источниками качества в индустрии 4.0, %
Источник: рассчитано и построено автором.

таблицы 2 проведен регрессионный анализ по полной выборке стран, результаты которого отражены в таблице 3.

Для обоснования надежности результатов регрессионного анализа проверим их на соответствие Теореме Гаусс – Маркова. Кросс-корреляция факторных переменных во всех случаях ниже 0,90 и составляет: $r_{x_1x_2} = 0,76$, $r_{x_1x_3} = 0,25$, $r_{x_2x_3} = 0,25$, следовательно, дублирующие переменные отсутствуют. Множественные R для всех трех полученных моделей превысили 0,75 и составили 0,8079, 0,8199 и 0,7663 соответственно, что указывает на тесную связь переменных. Значимость F в первом уравнении регрессии составила 0,0304, и потому оно значимо на уровне $\alpha = 0,05$ ($0,0304 < 0,05$), во втором уравнении – 0,0244 – оно также значимо на уровне $\alpha = 0,05$ ($0,0244 < 0,05$), а в третьем уравнении – 0,0584 – оно не значимо на уровне $\alpha = 0,05$ ($0,0584 > 0,05$).

Табличное значение F-критерия Фишера при $k_1 = m = 3$, $k_2 = n - m - 1 = 12 - 3 - 1 = 8$ (где m – число факторных переменных, n – число стран в выборке) $F_{табл} = 4,07$. F-тест пройден только для первой ($F_{набл} > F_{табл}$, $5,01 > 4,07$) и второй ($F_{набл} > F_{табл}$, $5,47 > 4,07$) моделей, но не пройден для третьей модели $F_{набл} < F_{табл}$ ($3,79 < 4,07$). Поэтому третью модель целесообразно исключить из дальнейшего исследования и признать, что высокотехнологичный экспорт не определяется производственно-технологическими факторами в Российской Федерации и Европейском союзе. В связи с этим остаются два первых уравнения множественной линейной регрессии:

$- y_1 = 72,25 + 0,18x_1 - 0,74x_2 - 0,26x_3$, согласно которому индекс инноваций снижается по мере роботизации науки (при ее улучшении на 1-е место в рейтинге) на 0,18 балла, но увеличивается по мере роботизации промышленности науки (при ее улучшении на 1-е место в рейтинге) на 0,74 балла, а также по мере наращивания использования больших данных и интеллектуальной аналитики науки (при ее улучшении на 1-е место в рейтинге) на 0,26 балла;

$- y_2 = 1,02 - 0,0001x_1 - 0,0032x_2 - 0,0016x_3$, согласно которому индекс инноваций увеличивается по мере роботизации науки (при ее улучшении на 1-е место в рейтинге) на 0,001, по мере роботизации промышленности науки (при ее улучшении на 1-е место в рейтинге) на 0,0032, а также по мере наращивания использования больших данных и интеллектуальной аналитики науки (при ее улучшении на 1-е место в рейтинге) на 0,0016.

На базе полученных регрессионных моделей симплекс-методом определены значения факторных переменных, при которых проявления когнитивной экономики в Российской Федерации и странах Европейского союза достигают уровня лидеров глобальных рейтингов по значению индекса инноваций (67,24 балла у Швейцарии) и индекса человеческого развития (0,954 балла у Норвегии). Перспективы построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в Российской Федерации и странах Европейского союза в период до 2024 г. отражены на рисунке 9.

Согласно рисунку 2 для увеличения индекса инноваций с 48 баллов до 67,24 балла

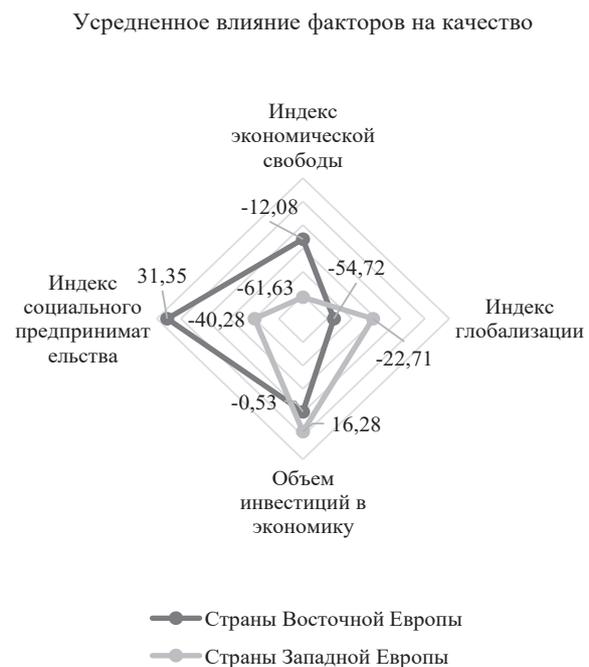
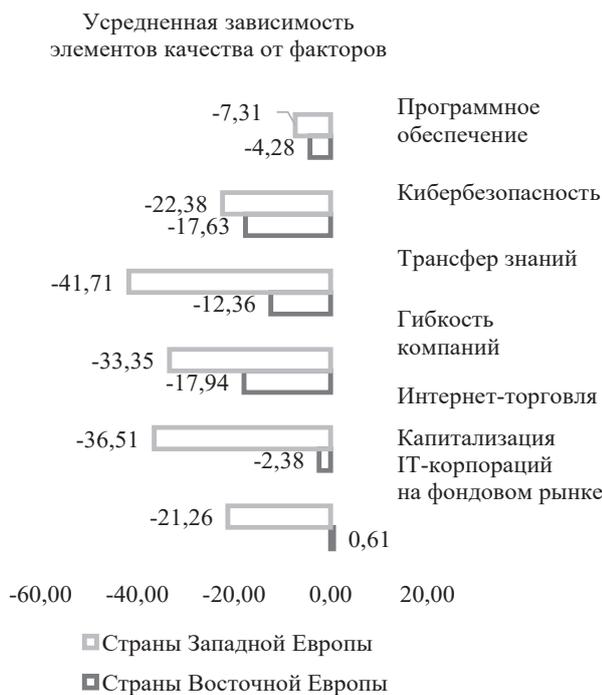

Рисунок 8 – Усредненная корреляция элементов качества с источниками качества в индустрии 4.0, %
Источник: рассчитано и построено автором.

(на 40,07%) при одновременном увеличении индекса человеческого развития с 0,88 до 0,97 (на 10,39%) в Российской Федерации и странах Европейского союза в период до 2024 г. управление производственно-технологическими факторами должно обеспечить: повышение уровня роботизации промышленности с 25,50 места до 4,84 места (на – 81,01%) и рост активности использования больших данных и интеллектуальной аналитики с 34,58 места до 19,72 места (на –42,99%), в то время как использование роботов в науке и образовании может остаться на уровне 2020 г. (21,33 место) [12–18].

Заключение. В результате проведения исследования выдвинутая гипотеза подтверждена и

доказано, что в Российской Федерации и странах Европейского союза производственно-технологические факторы в целом демонстрируют и положительную связь с проявлениями когнитивной экономики (27,09% в странах Восточной Европы и 9% в странах Западной Европы), но их влияние противоречно, о чем свидетельствует наличие не только положительной, но и отрицательной корреляционной и регрессионной зависимости рассмотренных показателей.

Обосновано, что элементы качества индустрии 4.0 характеризуются разной управляемостью. Наиболее управляемым является трансфер, за ним следует гибкость компаний, затем интернет-торговля, кибербезопасность и капи-

Таблица 3 – Регрессионная статистика влияния производственно-технологических факторов на построение когнитивной экономики

Регрессионная статистика	Индекс инноваций (y1)	Индекс человеческого развития (y2)	Высокотехнологичный экспорт (y3)
Множественный R (коэффициент детерминации)	0,8079	0,8199	0,7663
Значимость F	0,0304 значимо на уровне $\alpha = 0,05$ ($0,0304 < 0,05$)	0,0244 значимо на уровне $\alpha = 0,05$ ($0,0244 < 0,05$)	0,0584 не значимо на уровне $\alpha = 0,05$ ($0,0584 > 0,05$)
Fнабл	5,01	5,47	3,79
Fтабл	при $k_1 = m = 3, k_2 = n - m - 1 = 8$ Fтабл = 4,07		
F-тест	Fнабл > Fтабл ($5,01 > 4,07$) пройден	Fнабл > Fтабл ($5,47 > 4,07$) пройден	Fнабл < Fтабл ($3,79 < 4,07$) не пройден
Постоянная	72,25	1,02	22,45
Коэффициент при x1	0,18	-0,0001	0,20
Коэффициент при x2	-0,74	-0,0032	-0,49
Коэффициент при x3	-0,26	-0,0016	0,00

Источник: рассчитано и построено автором.

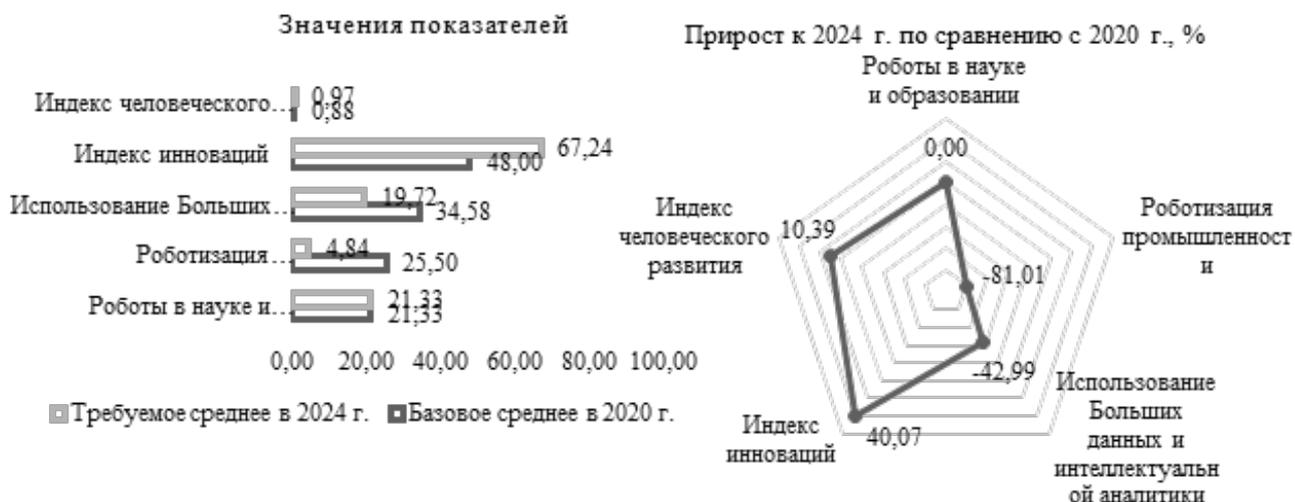

Рисунок 9 – Перспективы построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в РФ и ЕС в период до 2024 г. Источник: рассчитано и построено автором.

тализация IT-корпораций на фондовом рынке. На последнем месте по управляемости находится программное обеспечение. Источники качества индустрии 4.0 различны в странах Западной (экономическая свобода, корпоративная социальная ответственность, глобализация) и Восточной (глобализация, экономическая свобода, приток инвестиций в экономику) Европы.

Опыт построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в Российской Федерации и странах Европейского союза свидетельствует о том, что высокотехнологичный экспорт не зависит от них. Между тем производственно-технологическими факторами определяются инновации и человеческое развитие. Разработанная программно-целевая стратегия управления качеством в индустрии 4.0 и построения когнитивной экономики на базе производственно-технологических факторов в Российской Федерации и странах Европейского союза отражает вышеперечисленные выводы и опирается на такие инструменты управления производственно-технологическими факторами, как роботизация промышленности, а также использование больших данных и интеллектуальной аналитики.

Вклад проведенного исследования в развитие экономической науки состоит в структурировании элементов качества индустрии 4.0, обосновании их управляемости и выявлении ключевых источников повышения качества индустрии 4.0 в странах Западной и Восточной Европы. Теоретическая значимость исследования также подтверждается доказательством значимого влияния производственно-технологических факторов на проявления когнитивной экономики в Российской Федерации и странах Европейского союза.

Acknowledgement

The work was supported by Russian Science Foundation (project № 20-18-00314).

Литература

1. Inshakova, E.I. Neo-Industrialization of the Russian Economy: Technological and Digital Development. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / E.I. Inshakova, A.Y. Ryzhenkov, A.O. Inshakova // *Studies in Computational Intelligence* / ed. E.G. Popkova. – Cham: Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 239–250.
2. Inshakova, A.O. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0 [Electronic resource] / A.O. Inshakova, E.E. Frolova, E.P. Rusakova, S.I. Kovalev // *Journal of Intellectual Capital*. – 2020. – Vol. 21, № 4. – Mode of access: <https://doi.org/10.1108/JIC-11-2019-0257>. – Date of access: 10.02.2021.

3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – 2020. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>. – Дата доступа: 28.08.2020.
4. Europe investing in digital: the Digital Europe Programme [Electronic resource] // European Commission. – 2020. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/europe-investing-digital-digital-europe-programme>. – Date of access: 28.08.2020.
5. Verma, A. Industry 4.0: reshaping the future of HR / A. Verma, M. Bansal, J. Verma // *Strategic Direction*. – 2020. – Vol. 36, iss. 5. – P. 9–11.
6. Hoe, S.L. Thinking about how to think: cognitive skills to stay relevant in a digital economy / S.L. Hoe // *Human Resource Management International Digest*. – 2017. – Vol. 25, iss. 5. – P. 1–3.
7. Hoerlsberger, M. Innovation management in a digital world / M. Hoerlsberger // *Journal of Manufacturing Technology Management*. – 2019. – Vol. 30, iss. 8. – P. 1117–1126.
8. Szlagowski, M. The adaptation of business process management maturity models to the context of the knowledge economy / M. Szlagowski, J. Berniak-Woźny // *Business Process Management Journal*. – 2019. – Vol. 26, iss. 1. – P. 212–238.
9. Behmer, F.J. Organizational planning for quality management in the digital age / F.J. Behmer, R. Jochem // *Business Process Management Journal*. – 2019. – Vol. 26, iss. 3. – P. 679–693.
10. Dellermann, D. Innovation risk in digital business models: the German energy sector / D. Dellermann, A. Fliaster, M. Kolloch // *Journal of Business Strategy*. – 2017. – Vol. 38, iss. 5. – P. 35–43.
11. Flores, E. Human Capital 4.0: a workforce competence typology for Industry 4.0 / E. Flores, X. Xu, Y. Lu // *Journal of Manufacturing Technology Management*. – 2020. – Vol. 31, iss. 4. – P. 687–703.
12. Stuart, D. Knowledge Machines: Digital Transformations of the Sciences and Humanities / D. Stuart // *Online Information Review*. – 2017. – Vol. 41, iss. 1. – P. 134–134.
13. Inshakova, A.O. Determinants and Prospects for the Legal Harmonization of the Intra-BRICS Trade Turnover in the Digital Form / A.O. Inshakova, E.I. Inshakova, A.V. Lavrentyeva // *Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality*. – Cham: Springer Nature. Switzerland. – 2020. – P. 209–219.
14. World Digital Competitiveness Ranking [Electronic resource] // IMD. – 2020. – Mode of access: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/>. – Date of access: 28.08.2020.
15. World Economic Outlook Database: Total investment [Electronic resource] // International Monetary Fund. – 2020. – Mode of access: <https://www.imf.org>. – Date of access: 28.08.2020.
16. Globalization Index [Electronic resource] // KOF. – 2020. – Mode of access: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>. – Date of access: 28.08.2020.
17. Index of Economic Freedom [Electronic resource] // The Heritage Foundation. – 2020. – Mode of access: <https://www.heritage.org/index/explore?version=452>. – Date of access: 28.08.2020.
18. Indicators: High-technology exports (% of manufactured exports) [Electronic resource] // World Bank. – 2020. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.ME.ZS?view=chart>. – Date of access: 28.08.2020.

Поступила в редакцию 23.03.2021

Развитие кластерных структур в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь

Вайлунова Ю.Г., Яшева Г.А.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

В результате анализа зарубежного и отечественного опыта деятельности кластеров определено, что формирование и функционирование кластерных структур способствуют региональному развитию и страны в целом, в том числе за счет повышения активности малого и среднего предпринимательства (МСП).

Цель статьи – разработка теоретико-методических основ кластеров как предпринимательских структур и направлений развития инновационного предпринимательства в Республике Беларусь на базе организации инновационно-промышленных кластеров.

Материал и методы. Материалом исследования явились научные труды зарубежных и отечественных ученых по вопросам создания и функционирования кластеров. Основой для анализа послужили материалы Национального статистического комитета Республики Беларусь. Использованы следующие общенаучные методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, метод аналогии и др.

Результаты и их обсуждение. Разработаны теоретические основы формирования кластеров как предпринимательских структур: дано определение кластеру как сетевой структуре, установлены признаки кластеров, выявлена структура кластера товаропроизводителей; обоснованы направления формирования преимуществ кластера для его членов. Дана оценка развития МСП в Республике Беларусь с учетом показателей вклада МСП в основные экономические показатели по Республике Беларусь. Проанализирована инновационная активность предпринимательства в Республике Беларусь и зарубежных странах. Предложены меры государственной поддержки развития кластерных инициатив в инновационном МСП Республики Беларусь.

Заключение. Реализация предложенных мер государственной поддержки развития кластерных инициатив в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь позволит создать общую среду, благоприятную для открытия новых видов бизнеса в регионе, обеспечить эффективные механизмы взаимодействия (формального и неформального) участников кластера, создать стимулы для организации и развития инновационных и инновационно-промышленных кластеров. Результатом кластеризации в регионе является ускорение темпов развития предпринимательских структур, отраслей и региона в целом. Статус кластера имеет большое значение как для входящих в него предпринимательских структур, так и для региональных органов управления, т.к. содействует усилению конкурентоспособности региона, способствует экономическому росту, создает условия для более успешного решения социальных проблем.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство (МСП), кластер, кластерные инициативы, сетевое сотрудничество, инновации.

Development of Cluster Structures in Innovative Small and Medium-Size Businesses of the Republic of Belarus

Vailunova Y.G., Yasheva G.A.

Education Establishment "Vitebsk State Technological University"

It has been identified, as a result of the analysis of foreign and domestic experience in the activities of clusters, that the formation and functioning of cluster structures contributes to regional development and the country as a whole, including by increasing the activity of small and medium-size enterprises (SMEs).

The research purpose is to develop the theoretical and methodological foundations of clusters as entrepreneurial structures and directions for the development of innovative entrepreneurship in the Republic of Belarus based on the organization of innovative and industrial clusters.

Material and methods. The research materials were scientific works of foreign and domestic scientists on the creation and functioning of clusters. The analysis was based on the materials of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus. The following general scientific methods were used: cognition, analysis and synthesis, comparative analysis, analogy method, etc.

Findings and their discussion. The theoretical foundations of the formation of clusters as entrepreneurial structures have been developed: a definition of a cluster as a network structure is given, signs of clusters are revealed, the structure of a cluster of commodity producers is determined; the directions of forming the advantages of the cluster for its members are substantiated. An assessment of the development of SMEs in the Republic of Belarus is given on the basis of indicators of the contribution of SMEs to the main economic indicators in the Republic of Belarus. The innovation activity of entrepreneurship in the Republic of Belarus and in foreign countries has been analyzed. Measures of state support for the development of cluster initiatives in innovative SMEs of the Republic of Belarus are proposed.

Conclusion. The implementation of the proposed measures of state support for the development of cluster initiatives in innovative small and medium-size businesses of the Republic of Belarus will create a common environment favorable for opening new types of business in the region, provide effective interaction mechanisms (formal and informal) among cluster participants, create incentives for organizing and developing innovative and innovative industrial clusters. The result of clustering in the region is the acceleration of the pace of development of entrepreneurial structures, industries and the region as a whole. The status of the cluster is of great importance, both for the entrepreneurial structures included in it, and for regional authorities, since it contributes to strengthening the competitiveness of the region, contributes to economic growth, creates conditions for a more successful solution of social problems.

Key words: small and medium-size enterprises (SMEs), cluster, cluster initiatives, networking, innovation.

Глобализация экономики, развитие smart-индустрии, формирование и приоритет неформальных связей, формирование сетевых структур (кластеров, инновационных сетей, партнерств и др.) становятся трендами формирования цифровизации. Создание кластерных структур в Республике Беларусь на протяжении нескольких лет является одним из основных направлений развития инновационной экономики, что отражается в ряде государственных программ, стратегий, концепций.

Как показывает опыт зарубежных стран в создании кластеров, именно формирование и функционирование кластерных структур способствуют региональному развитию, в том числе за счет повышения активности малого и среднего предпринимательства (МСП).

В странах Европейского союза (ЕС) основным методологическим документом в области кластерной политики является «Европейский кластерный Меморандум», утвержденный 21 января 2008 г. в Стокгольме на Европейской президентской конференции по инновациям и кластерам. Поддержку процессов кластеризации в странах Европы с переходной экономикой продемонстрировал саммит ЕС «Восточное партнерство», состоявшийся в Праге 7–10 мая 2009 г. Основная цель принимаемых документов – увеличить «критическую массу» кластеров, которая способна оказать влияние на повышение конкурентоспособности как отдельных стран, так и ЕС в целом.

В Республике Беларусь также приняты нормативно-правовые документы по кластерам – Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятия по ее реализации (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16.01.2014 г. № 27) [1] и Методические рекомендации по организации и осуществлению мониторинга кластерного развития экономики (постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 01.12.2014 г. № 90) [2].

В работах зарубежных и отечественных исследователей отражены аспекты формирования кластеров (М. Бест, Е. Браун, Л. Ван ден Берг, Ю.Б. Вашкевич, Х. Вербек, М.П. Войнаренко, Д.М. Крупский, Э. Янг Лоурен, А.Н. Мальцев, И.А. Никитина, Б.Н. Паньшин, А.Е. Плахин, М. Портер, С. Розенфельд, Н.Г. Синяк, О. Солвелл,

М. Стэйнер, М.Н. Титова, В.П. Третьяк, В.С. Фатеев, Х. Шмиц и др.). Вопросам развития предпринимательских структур посвящены труды ученых: П. Аррениуса, Э. Аустера, У. Баумола, Х. Валлениуса, Дж. Гамильтона, А. Купера, Й. Лернера, К. Мотохаши, Д. Стори, М. Хенрексона, Н. Шармы, С.Б. Авдашевой, А.В. Виленского, Л.Л. Гишкаевой, А.В. Горлова, Н.Д. Ерифы, Д.А. Жданова, Г.Б. Клейнера, Б. Сироты, С.Г. Фалько, А.Ю. Чепуренко, А.Ю. Юданова, Т.П. Быковой, Т.И. Кислой, В.Н. Корягина, А.И. Лученка, С.И. Мазоля, Л.Н. Нехорошевой, Г.И. Олехнович, А.Н. Сенько и других.

Цель исследования – разработка теоретико-методических основ кластеров как предпринимательских структур и направлений развития инновационного предпринимательства в Республике Беларусь на базе организации инновационно-промышленных кластеров.

Задачи:

- разработать теоретические основы формирования кластеров как предпринимательских структур;

- дать оценку развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь;

- предложить меры государственной поддержки развития кластерных инициатив в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования явились научные труды зарубежных и отечественных ученых по вопросам создания и функционирования кластеров. Основой для анализа послужили материалы Национального статистического комитета Республики Беларусь. Используются следующие общенаучные методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, метод аналогии и др.

Результаты и их обсуждение. Теоретические основы формирования кластеров как предпринимательских структур. Кластер товаропроизводителей – это сетевая организация комплементарных, территориально взаимосвязанных отношениями сотрудничества предприятий и организаций (и соперничества с конкурентами) в достижении общих целей: поставщиков, производителей и покупателей, – объединенных вокруг научно-образовательного центра и связанных отношениями партнерства с местными учреждениями и органами государственного управления с целью повышения эффективности членов кластера (рисунок 1).

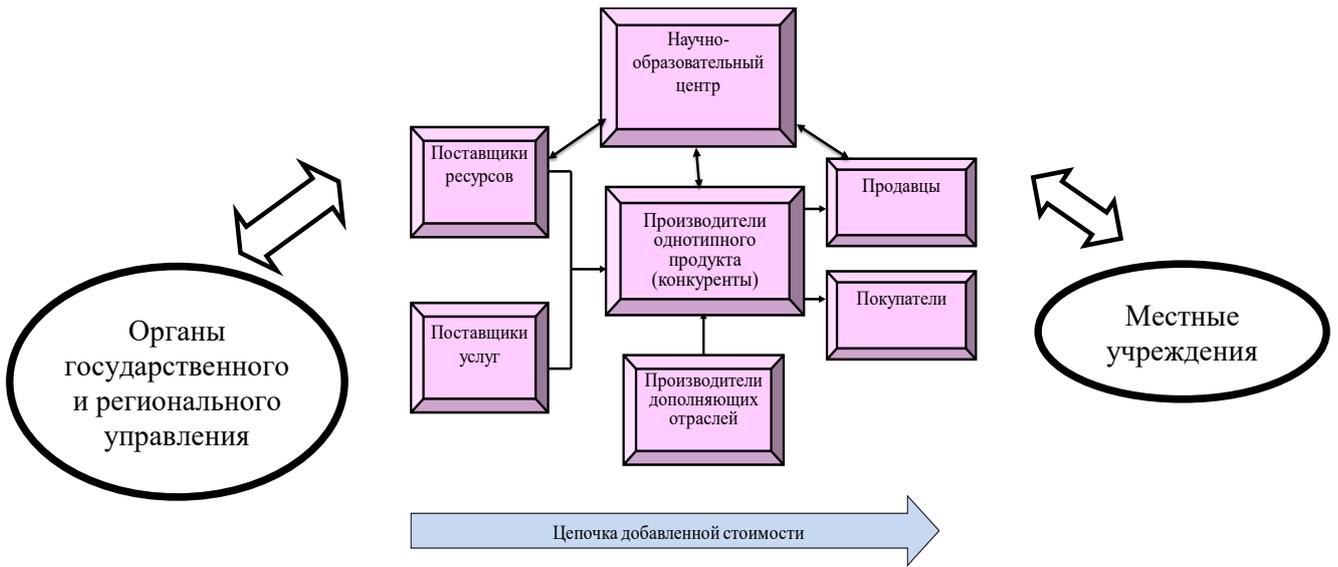

Рисунок 1 – Структура кластера товаропроизводителей
 Источник: составлено автором.

Рисунок 2 – Направления формирования преимуществ кластера для его членов
 Источник: составлено автором.

Научно-исследовательским и образовательным организациям, призванным создавать инновации и готовить высококвалифицированных специалистов, отводится важная роль в инновационном развитии кластера. Региональное учреждение образования либо отраслевой научно-исследовательский институт, которые проводят исследования и осуществляют разработки, а также реализуют программы обучения для членов кластера, может быть таким научно-образовательным центром.

Кластеры имеют существенные особенности и признаки по сравнению с другими формами объединений, например, финансово-промышленными группами, холдингами, территориально-производственными комплексами, маркетинговыми потребительскими сетями, концернами.

Можно выделить следующие признаки кластера товаропроизводителей, отличающие его от других интеграционных структур:

- локализация и агломерация предприятий, организаций и общественных институтов, объединенных горизонтальными и вертикальными связями;
- создание производственной цепи, плементарность субъектов;
- производство «ключевого» товара;
- осуществление совместных проектов в областях общих целей;
- единая инфраструктура и институциональная среда;
- объединение предприятий вокруг научно-образовательного центра;
- присутствие отношений конкуренции и кооперации (коопетитив – *coopetition* от *cooperation*, *competition*);
- оформление отношений сетевого сотрудничества посредством создания юридического лица – ассоциации (союза).

Кластеры способствуют повышению конкурентоспособности входящих в него субъектов хозяйствования. Факторы конкурентоспособности субъектов кластера:

- 1) повышение качества ресурсов – материально-технических, информации, человеческого капитала (благодаря наличию постоянных личных контактов и интенсивности потоков информации внутри кластера) и снижение затрат на их приобретение (вследствие прямых связей и низких транспортных затрат);
- 2) повышение качества спроса (за счет лучшей осведомленности о потребительских предпочтениях и об изменении спроса), что способствует улучшению потребительских свойств товаров;
- 3) усиление конкуренции – в сочетании с благоприятным инвестиционным климатом – выступает дополнительным стимулом для инноваций и развития производства;

4) развитие взаимосвязей между поставщиками, производителями и покупателями, в результате чего обеспечиваются быстрый отклик на идеи и создание инновационных продуктов, снижаются транзакционные издержки (рисунок 2).

Таким образом, преимущества кластеров для МСП заключаются в следующем:

- снижение себестоимости производства и реализации продукта;
- создание конкурентных преимуществ в факторах конкурентоспособности – логистике, маркетинге, инновациях, персонале, инвестициях.

Формальные и неформальные институты являются источниками преимуществ кластеров. Эти институты в кластере реализуются в форме сотрудничества: внутри кластера между его членами (сетевое сотрудничество); между кластером и органами государственного управления (государственно-частное партнерство).

Установление длительных, основанных на общих целях, правилах, нормах формальных и неформальных отношений между субъектами кластера, объединенными в технологической цепи вертикальными и горизонтальными связями, и есть сетевое сотрудничество. Признаками его в кластере выступают: общие цели; общие для кластера, являющегося деловым сообществом, нормы, традиции, правила; обмен знаниями; совместное решение общих проблем; свободный поток информации в деловом сообществе; отсутствие иерархической подчиненности [3].

К формам сетевого сотрудничества следует отнести совместные с субъектами кластера (конкурентами, учреждениями кластерной инфраструктуры, зарубежными партнерами) программы – образовательные, научно-исследовательские, маркетинговые, приграничного сотрудничества, экспорта.

Разновидность сотрудничества – государственно-частное партнерство (ГЧП) – представляет собой институциональный и организационный альянс между органами государственного управления и бизнесом, основанный на совместном финансировании проектов, что способствует согласованию интересов государства и бизнеса в инновационном развитии, увеличению инвестиционных ресурсов, решению ряда задач национального и регионального уровней при одновременном снижении бюджетных расходов.

С позиции синергетики сетевое сотрудничество и коопетитив создают синергетический эффект, состоящий в том, что конкурентные преимущества получают большее развитие в кластерной структуре, чем у неассоциированных в кластер организаций за счет объединения идей, ресурсов, в том числе финансовых; совместного управления и решения общих проблем (напри-

мер, обучение, научные разработки и внедрение инноваций, маркетинговые исследования и сбыт на зарубежных рынках и др.).

Промышленные ассоциации, некоммерческие партнерства, государственно-частные партнерства выступают институциональной и организационной формой сетевого сотрудничества [4–6]. Промышленным ассоциациям принадлежит значительная роль в кластеризации зарубежных экономик. Они выступают инициаторами создания кластеров в регионе, оказывают помощь в разработке национальной/региональной стратегии конкурентоспособности посредством предоставления информации об уровне конкуренции, требованиях покупателей, новых рыночных возможностях и др. Повышению конкурентоспособности кластера за счет налаживания связей между субъектами кластера, а также взаимодействия с местными органами управления и правительством страны по вопросам совершенствования законодательства способствуют ассоциации.

Таким образом, сетевое сотрудничество и ГЧП создают факторы конкурентных преимуществ, которые усиливаются в кластере благодаря синергетическому эффекту. В результате наступает самоорганизация экономической системы, но при условии создания делового сообщества в форме некоммерческой организации, которая является юридическим лицом для установления отношений с такими группами субъектов, как партнеры, конкуренты, государственные учреждения, иностранные инвесторы, учебные заведения, исследовательские, маркетинговые организации, международные организации. Подобная юридическая организация выступают субъектом права для реализации кластерных инициатив.

Классификация кластеров осуществляется на основании ключевых характеристик [7]. По восприимчивости к инновациям идентифицируют инновационный, инновационно-промышленный кластеры.

Инновационный кластер – это географически сконцентрированная группа взаимосвязанных организаций, специализирующихся на генерации и коммерциализации взаимосвязанных инноваций, включая поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инновационных компаний-разработчиков и производителей, базирующихся на последнем технологическом укладе, действующих вокруг центров идей и научных знаний (научно-исследовательских институтов, вузов, технопарков, бизнес-инкубаторов).

Признаками инновационного кластера являются: технологическая база организаций последнего технологического уклада (VI в настоящее время); включение в состав кластера инновационной инфраструктуры; цель объединения в кластер – генерация и коммерциализация инноваций.

Участники инновационно-промышленного кластера обеспечивают и осуществляют инновационную деятельность, направленную на разработку и производство инновационной и высокотехнологичной (наукоёмкой) продукции [1].

Инновационно-промышленные кластеры способствуют активизации инновационной деятельности за счет следующих факторов:

- основа инноваций – знания. В кластерах происходит накопление знаний коммерческого и производственного характера и быстрая диффузия;

- стимул к инновациям – конкуренция. В кластере благодаря внутренней конкуренции между производителями создаются инновации;

- способ генерирования новых идей и возможностей – сотрудничество. Внедрение инноваций ускоряется в результате сотрудничества между поставщиками и производителями, а также между конкурентами в области общих целей;

- усилению слабых звеньев цепей добавленной стоимости кластера, привлечению инвесторов и бизнеса в эти ниши призваны способствовать кластерные связи;

- метод привлечения инвестиций – технологическое сотрудничество в рамках международного технологического сотрудничества кластеров (совместные, франчайзинговые предприятия, транснациональные корпорации), а также государственно-частное партнерство [7].

Экономическая значимость кластерных инициатив в малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь заключается в повышении конкурентоспособности и эффективности субъектов кластера за счет «сетевого сотрудничества»; развитии инновационного предпринимательства; повышении конкурентоспособности региональной экономики за счет открытия новых ниш и увеличения субъектов предпринимательства, а также за счет увеличения инвестиций вследствие совместного финансирования проектов и привлечения иностранных инвесторов, развития приграничного сотрудничества в сфере торговли, сельского хозяйства, туризма, транспорта, инфраструктуры.

Социальная значимость создания кластерных структур путем привлечения МСП видится в повышении занятости населения, повышении уровня доходов работников кластера в результате более эффективной его деятельности, а также качества и конкурентоспособности производимой продукции и, следовательно, росте потребительской удовлетворенности населения. В целом все перечисленное должно способствовать повышению уровня и качества жизни населения Республики Беларусь.

Изучение внешней среды функционирования кластеров позволило выявить следующие тенденции в их развитии.

1. Интернационализация кластеров, т.е. создание новых связей, реструктуризация сети предприятий поставщиков товаров и услуг с субъектами хозяйствования из-за рубежа для продления цепочек ценностей и создания новых международных цепей ценностей (аутсорсинг, инсорсинг). Фирмы и кластеры пошли по пути интернационализации в поисках новых источников знания, новых рынков и более низких затрат на рабочую силу.

2. Виртуализация кластеров на основе развития информационно-компьютерных технологий и быстрого распространения сетевых форм взаимодействия.

3. Подключение удаленных агентов в цепи стоимости благодаря ИКТ, которые ранее отсутствовали в регионе дислокации кластера.

4. Диверсификация производства и сбыта в кластере посредством подключения удаленных субъектов кластера.

5. Увеличение добавленной стоимости в кластере благодаря новым потребительским сетям, продлению цепей ценностей.

6. Вовлечение клиентов (потребителей) в сетевое взаимодействие по созданию инноваций на основе краудсорсинга (англ. *crowdsourcing*, от *crowd* – толпа и *sourcing* – использование ресурсов). Краудсорсинг – привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением инфокоммуникационных технологий [8]. Компании-производители привлекают потребителей как к усовершенствованию своих продуктов, так и разработке инновационных товаров.

Для использования преимуществ инновационно-промышленных кластеров в Беларуси целесообразно создавать механизмы наибольшего

благоприятствования по стимулированию взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса в инновационной сфере и созданию инновационных сетей. Представляется целесообразным в рамках логико-структурного подхода определить потенциал кластеризации и готовность к созданию кластеров и сетевому сотрудничеству субъектов МСП.

Оценка развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь

Количество МСП (микро, малые и средние) в 2019 г. по сравнению с 2016 г. увеличивается в целом по Беларуси, тогда как по отдельным регионам наблюдается снижение (таблица 1).

Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь за период с 2016 по 2019 г. по основным экономическим показателям увеличился (таблица 2).

Доля МСП, внедряющих продуктивные или процессные инновации, в общем числе МСП в Республике Беларусь в 2019 г. уменьшилась по сравнению с уровнем 2012 г. на 0,35 п. п. (рисунок 3).

Международные сравнения свидетельствуют о низком уровне инновационной активности предпринимательства в Республике Беларусь по сравнению со средними значениями стран Европейского союза. Например, по основному показателю «Доля МСП, внедряющих продуктивные или процессные инновации, в общем числе МСП» разница составляет 10 раз: в Беларуси – 3,86% [10], а в Европейском союзе – 30,9% [11]. Одной из причин сдерживания инновационной активности является отсутствие (или низкая степень) сотрудничества малых предприятий в инновационных проектах, а также проектов государственно-частного партнерства в инновационной сфере.

Результаты сравнения Республики Беларусь с другими странами по показателю участия МСП в совместных инновационных проектах в 2019 г. отражают данные рисунка 4.

Таблица 1 – Уровень предпринимательской активности населения и его изменение в 2016–2019 гг.

Регион	Количество МСП на конец года, единиц		Изменение количества, единиц
	2016 г.	2019 г.	
Республика Беларусь	107382	110777	+3395
Брестская обл.	10432	10437	+5
Витебская обл.	8878	8838	-40
Гомельская обл.	9860	9948	+88
Гродненская обл.	8409	8364	-45
г. Минск	40709	43610	+2901
Минская обл.	20476	20922	+446
Могилевская обл.	8618	8658	+40

Источник: составлено по данным [9].

Таблица 2 – Вклад малого и среднего предпринимательства в основные экономические показатели по Республике Беларусь, %

Показатель	2016 г.	2019 г.	Изменение, п. п.
Валовой внутренний продукт	23,6	26,1	+2,5
Валовая добавленная стоимость	27,3	30,0	+2,7
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг	40,0	43,2	+3,2
Объем промышленного производства	17,8	18,4	+0,6

Источник: составлено по данным [9].

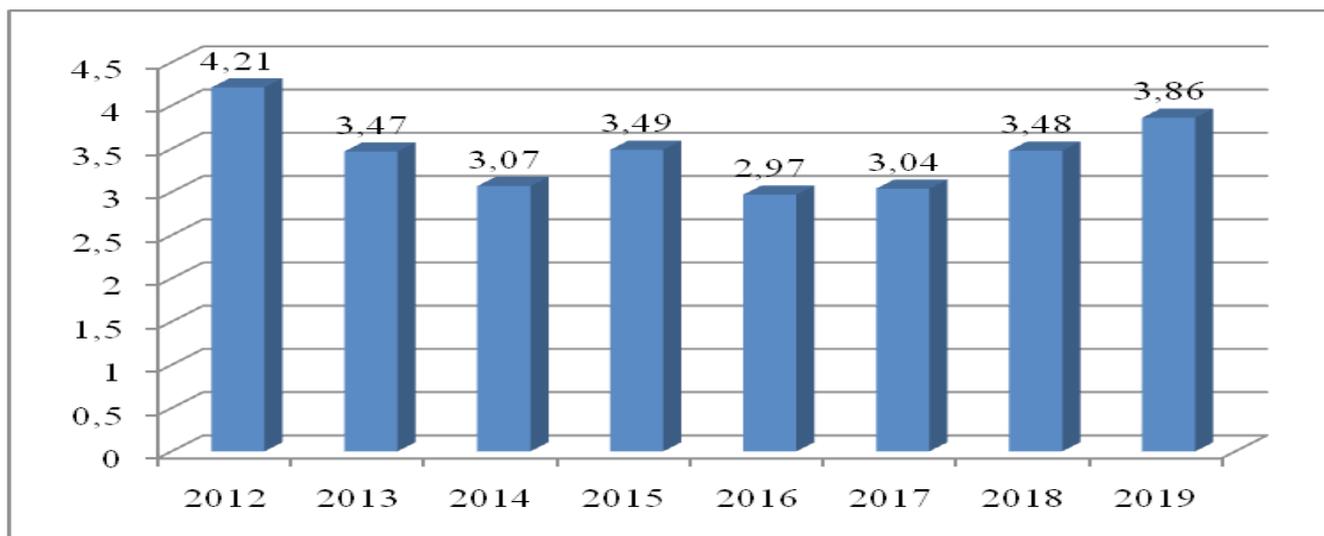

Рисунок 3 – Доля МСП, внедряющих продуктовые или процессные инновации, в общем числе МСП в Республике Беларусь, %

Источник: составлено по данным [10].

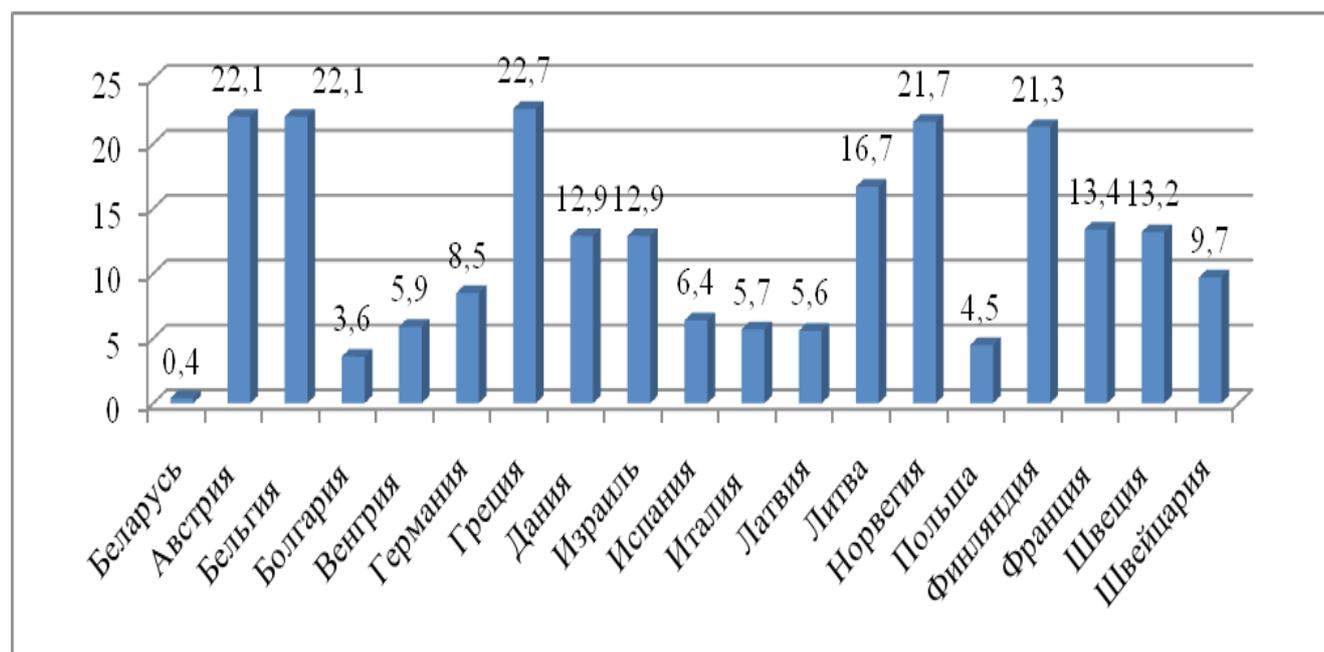

Рисунок 4 – Доля МСП, участвующих в совместных инновационных проектах в 2019 г., %

Источник: составлено по данным [10].

Доля МСП, участвующих в совместных инновационных проектах в 2019 г., в Республике Беларусь была очень низкой по сравнению с другими странами. Лидерами по этому показателю являются Бельгия, Греция.

Выявленные в результате анализа негативные тенденции развития МПС свидетельствуют о снижении уровня предпринимательской активности в отдельных регионах, а именно: об уменьшении количества МСП в некоторых регионах Республики Беларусь; о низком уровне инновационной активности предпринимательства в Беларуси по сравнению со средними значениями стран Европейского союза; об отсутствии сотрудничества малых предприятий в инновационных проектах, а также проектов государственно-частного партнерства в инновационной сфере. Одним из направлений повышения роли и значимости, эффективности МСП в экономике предлагается кластерный подход на основе формирования новых кластеров и встраивания субъектов малого и среднего бизнеса в существующие кластерные структуры.

Меры государственной поддержки развития кластерных инициатив в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь. В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [12] сформулированы следующие задачи по развитию МСП для активизации развития инновационного и высокотехнологичного предпринимательства, стимулирования производства субъектами МСП товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью:

- формирование современной инфраструктуры инновационной деятельности (создание сетей бизнес-инкубаторов, технопарков, а также развитие сети консалтинговых центров для МСП, создание и организация работы отраслевых лабораторий);

- содействие в осуществлении исследований и разработок, стимулирование кооперации экономических субъектов – участников инновационного процесса;

- развитие механизмов государственного стимулирования коммерциализации и результатов исследований и разработок и др.

С учетом институциональной среды в Республике Беларусь, мировых мегатрендов, зарубежного опыта кластеризации, положений Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [1], Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предприниматель-

ства» на период до 2030 года [12], а также степени готовности к кластеризации субъектов МСП предлагаются следующие меры стимулирования развития кластерных инициатив в МСП Республики Беларусь в целях роста уровня инновационности производства:

- проведение обучающих семинаров и тренингов для распространения идеи кластеров;

- организация взаимодействия членов кластера с субъектами инновационной инфраструктуры, учреждениями образования и науки путем создания технологических платформ;

- создание кластерной инфраструктуры для управления процессом кластеризации (ассоциации, центры кластерного развития, некоммерческие партнерства, бизнес-инкубаторы, институты развития кластеров);

- создание и актуализация деятельности Интернет-порталов, осуществляющих информирование о деятельности кластеров;

- создание базы данных по субъектам кластеров в рамках регионального статистического офиса;

- создание и функционирование бизнес-платформ (технологических, закупочных и др.);

- формирование бизнес-школы дистанционного образования для субъектов кластера;

- создание социальной бизнес-сети;

- экономическое стимулирование и финансовая поддержка сотрудничества субъектов кластера в факторах конкурентоспособности (инновациях, образовании, маркетинге): конкурсное финансирование инновационных кластерных проектов, предоставление грантов на разработку новых технологий в кластере, предоставление субъектам кластеров: льгот при сотрудничестве в образовании и научных исследованиях, государственных гарантий банкам под инвестиционные проекты субъектов инновационно-промышленных кластеров и другое.

Заключение. Реализация предложенных мер государственной поддержки развития кластерных инициатив в инновационном малом и среднем предпринимательстве Республики Беларусь позволит создать общую среду, благоприятную для открытия новых видов бизнеса в регионе, обеспечить эффективные механизмы взаимодействия (формального и неформального) участников кластера, создать стимулы для организации и развития инновационных и инновационно-промышленных кластеров. Результатом кластеризации в регионе является ускорение темпов развития предпринимательских структур, отраслей и региона в целом. Статус кластера имеет большое значение как для входящих в него предпринимательских структур, так и для региональных

органов управления, т.к. содействует усилению конкурентоспособности региона, способствует экономическому росту, создает условия для более успешного решения социальных проблем.

Литература

1. Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятия по ее реализации [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16.01.2014, № 27 // Pravo.by. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/C21400027_1390424400.pdf. – Дата доступа: 10.02.2021.
2. Об утверждении Методических рекомендаций по организации и осуществлению мониторинга кластерного развития экономики [Электронный ресурс]: постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 01.12.2014, № 90 // Pravo.by. – Режим доступа: <http://bii.by/tx.dll?d=292581>. – Дата доступа: 10.02.2021.
3. Вайлунова, Ю.Г. Формирование сетевых структур как источник конкурентоспособности организаций в Республике Беларусь / Ю.Г. Вайлунова, Г.А. Яшева // Управленец. – 2017. – № 4. – С. 96–105.
4. Best, M.H. Cluster Dynamics in Theory and Practice: Singapore [Electronic resource] / M.H. Best // Johor and Penang Electronics. – 2003. – Mode of access: <http://www.oecd.org/daf/corporate>. – Date of access: 21.02.2021.
5. Nadvi, K. Facing the new competition: Business associations in developing country industrial clusters [Electronic resource] / K. Nadvi // Institute of Development Studies. – Brighton, 2006. – Mode of access: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Norton/nortonupdate/neoflows1.htm>. – Date of access: 21.02.2021.
6. Fundeanu, D. The Impact of Regional Innovative Clusters on Competitiveness [Electronic resource] / D. Fundeanu, C. Badele // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 124. – Mode of access: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814020503>. – Date of access: 21.02.2021.
7. Яшева, Г.А. Методологические аспекты кластерного подхода к инновационному развитию и повышению конкурентоспособности национальной экономики / Г.А. Яшева, Е.А. Костюченко // Вестн. Витеб. гос. технол. ун-та. – 2016. – № 1(30). – С. 188–208.
8. Хау, Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса: пер. с англ. / Дж. Хау. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 287 с.
9. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 10.02.2021.
10. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 10.02.2021.
11. European Innovation Score board 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: https://ewi-vlaanderen.be/sites/default/files/imce/eu_innovatie_scorebord_2018.pdf. – Date of access: 21.02.2021.
12. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года «Беларусь – страна успешного предпринимательства» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17.10.2018, № 743 // Pravo.by. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21800743>. – Дата доступа: 10.02.2021.

Поступила в редакцию 31.03.2021

Исследование количественных параметров депопуляции сельских территорий Витебской области

Шаматульская Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Полноценное и равновекторное развитие сельских территорий государства является важным фактором для функционирования стабильной и устойчивой экономики на национальном и региональном уровнях.

Цель работы – провести сравнительный анализ динамики численности сельского населения Витебской области.

Материал и методы. Информационной базой исследования за период 1979–2019 гг. послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. В ходе изучения были использованы методы сравнительно-географического анализа, графоаналитический, статистический и метод анализа рядов динамики.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрена общая отрицательная динамика численности сельского населения Витебской области. Рассчитана естественная убыль сельского населения области по административным районам за 1979–2019 гг. Приведен прогноз численности сельского населения Витебской области на период до 2025 г.

Заключение. Для решения проблемы оттока населения из сельской местности нужны действенные социально-экономические программы, иначе к следующей переписи населения страны пустых поселков и деревень будет еще больше.

Ключевые слова: сельское население, Витебская область, численность, темпы убыли.

The Study of Quantitative Parameters of the Rural Inhabitant Depopulation in Vitebsk Region

Shamatulskaya E.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

A full-fledged and equally vector development of the rural territories of the state is an important factor for the functioning of a stable and sustainable economy at the national and regional levels.

The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the dynamics of the rural population of Vitebsk Region.

Material and methods. The information base of the study for the period 1979-2019 was the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus. In the course of the work the methods of comparative geographical analysis, graphic, and statistical method of analysis of time series were used.

Findings and their discussion. The general negative dynamics of the rural population of Vitebsk Region is considered. The natural decline of the rural population of the Region in its administrative Districts for 1979-2019 is calculated. The forecast of the rural population of Vitebsk Region for the period up to 2025 is given.

Conclusion. To solve the problem of population outflow from rural areas, effective social and economic programs are needed, otherwise by the next census of the country population, there will be even more empty towns and villages.

Key words: rural population, Vitebsk Region, number, rate of decline.

Полноценное и равновекторное развитие сельских территорий государства является важным фактором для функционирования стабильной и устойчивой экономики на национальном и региональном уровнях.

Процесс сокращения сельского населения в Витебской области (как и Беларуси в целом)

начался с 70-х гг. XX в. Тогда же сельское население уже не составляло и половины граждан нашей республики [1]. Покидает деревню наиболее перспективная и деятельная молодежь, что всесторонне отрицательно сказывается на жизни сельского населения и сельской местности в целом. Однако темпы урбанизации были не одинаковы для регионов Беларуси. По численности

сельского населения (на 2019 г.) Витебская область опережает только Могилевскую и Гродненскую.

Исследование влияния различных факторов на развитие сельских территорий можно проследить в публикациях Е.А. Антиповой, В.Г. Гусакова, А.В. Колмыкова, Г.В. Миренковой, С.Д. Предыбайло и других авторов [2–6].

Увеличением разрыва между городом и сельскими территориями, между центром и периферией характеризуются демографические процессы в Беларуси в XXI в. [2]. Рассматривая сельскую местность как сложную территориальную агросоциохозяйственную экосистему, следует особое внимание обратить на сельское население или на демографическую подсистему сельской местности [7].

Цель работы – провести сравнительный анализ динамики численности сельского населения Витебской области.

Материал и методы. Информационной базой исследования за период 1979–2019 гг. послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. В ходе изучения были использованы методы сравнительно-географического анализа, графоаналитический, статистический и метод анализа рядов динамики.

Результаты и их обсуждение. По данным 2019 г., численность населения Витебской области составляла 1171520 человек, а сельского насчитывалось 259,3 чел., или 22% населения области [1]. На долю области в общереспубликанском показателе сельских жителей приходится всего 12,7%. Число сельских жителей области на 1000 горожан составляло в 2019 г. 285,1 (в 2009 г. – 381). Наибольшая убыль населения произошла за 30 последних лет, когда сельское население области уменьшилось на 244 тысячи человек, или в 2 раза (рисунок 1).

Общая отрицательная динамика численности сельского населения (ЧСН) формируется за счет высоких многолетних значений убыли сельских жителей. Чтобы проанализировать данные интервального ряда численности сельского населения области, нами были произведены расчеты базисных и цепных показателей [8] за период 2009–2019 гг. (таблица 1).

Абсолютный цепной прирост/убыль находим по формуле:

$$\Delta y_n^{\text{ц}} = Y_n - Y_{n-1},$$

где y_n – уровень ряда;

y_{n-1} – предыдущий уровень ряда.

Цепной темп роста/убыли:

$$T_n^{\text{ц}} = \frac{y_n}{y_{n-1}} \cdot 100.$$

Цепной темп прироста/убыли:

$$\Delta T_n^{\text{ц}} = \frac{\Delta y_n^{\text{ц}}}{y_{n-1}} \cdot 100 = T_n^{\text{ц}} - 100.$$

Вычисляем среднегодовую абсолютную убыль сельского населения Витебской области за 2009–2019 гг. по формуле:

$$\Delta_y = \frac{y_n - y_1}{n-1} = \frac{259,9 - 341,4}{10} = 8150 \text{ человек.}$$

Среднегодовой темп убыли СН находим по формуле:

$$\bar{T} = \sqrt[n-1]{\frac{y_n}{y_1}} \cdot 100;$$

$$T = \sqrt[10]{\frac{259,9}{341,4}} \times 100\% = 97\%.$$

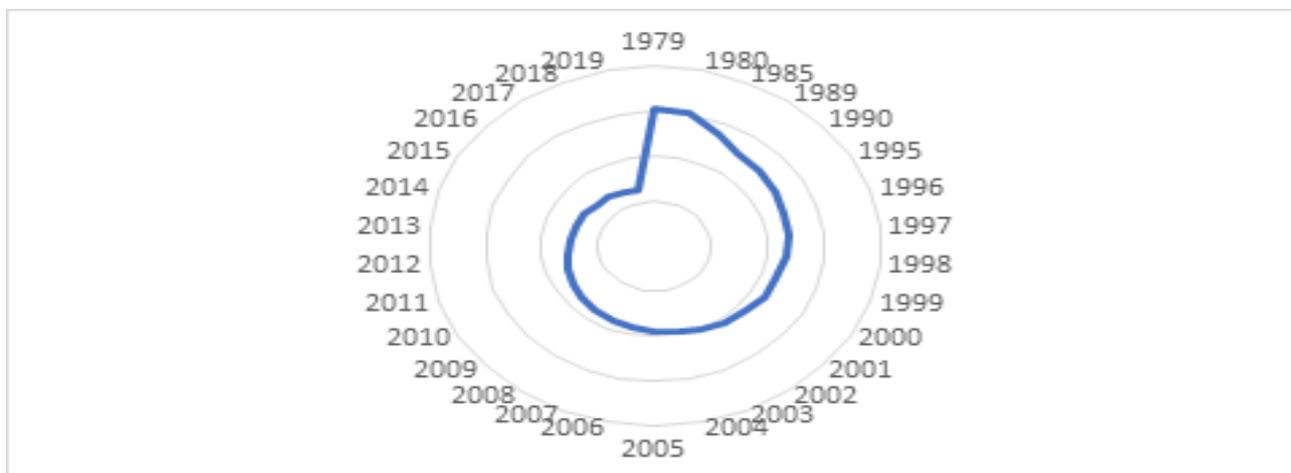

Рисунок 1 – Численность сельского населения Витебской области за 1979–2019 гг., тыс. чел. Источник: составлено автором по [1].

На протяжении всего исследуемого периода численность сельского населения снижалась очень интенсивно, что показывает среднегодовой темп убыли, который определяет, во сколько раз уменьшился текущий уровень по сравнению с базисным – 2009 г., – 97%. В среднем годовая абсолютная убыль сельского населения Витебской области за 2009–2019 гг. составила –8150 человек, или –3% в относительном выражении.

На региональном уровне различия в динамике ЧСН Витебской области за 1979–2019 гг. усилились и характеризуются региональной дифференциацией. Лидерами по абсолютной ЧСН на протяжении многих лет являются Витебский, Оршанский и По-

лоцкий районы, а аутсайдером с минимальной численностью – Россонский (рисунок 2).

В 10 районах области сельское население преобладает над городским и на их долю приходится половина (49,7%) ЧСН. Процесс уменьшения ЧСН характерен для всех районов Витебской области, однако по темпам убыли наблюдаются ярко выраженные региональные диспропорции. За исследуемый период выявлена тенденция увеличения естественной убыли (ЕУ) сельского населения: так, за 1979–1989 гг. ЕУ колебалась в пределах 1,0–24%, за 1989–1999 гг. – 1,0–16,2%, за 2009–2019 гг. – 8,8–33,0%. А для периода 1999–2009 гг. была характерна максимальная убыль – 11,2–37,3% (таблица 2).

Таблица 1 – Уровень предпринимательской активности населения и его изменение в 2016–2019 гг.

Год	Численность населения, тыс. чел.	Абсолютная убыль		Темп роста/убыли, %		Темп прироста/убыли, %	
		Базисный	Цепной	Базисный	Цепной	Базисный	Цепной
2009	341,4	–	–	100	100	–	–
2010	330,3	–11,1	–11,1	96,7	96,7	–3,2	–3,2
2011	318,8	–22,6	–11,5	93,3	96,5	–6,6	–6,9
2012	305,7	–35,7	–13,1	89,5	95,8	–10,4	–4,3
2013	297,8	–43,6	–7,9	87,2	97,4	–15,8	–2,6
2014	290,1	–51,3	–7,7	85,0	97,4	–19,6	–2,6
2015	283,1	–58,3	–7,0	82,9	97,5	–22,8	–2,4
2016	276,9	–64,5	–6,2	81,1	97,8	–25,5	–2,2
2017	271,7	–69,7	–5,2	79,6	98,1	–20,4	–1,9
2018	266,2	–75,2	–5,5	77,9	97,9	–28,0	–2,7
2019	259,9	–81,5	–6,3	76,1	97,6	–23,8	–2,4

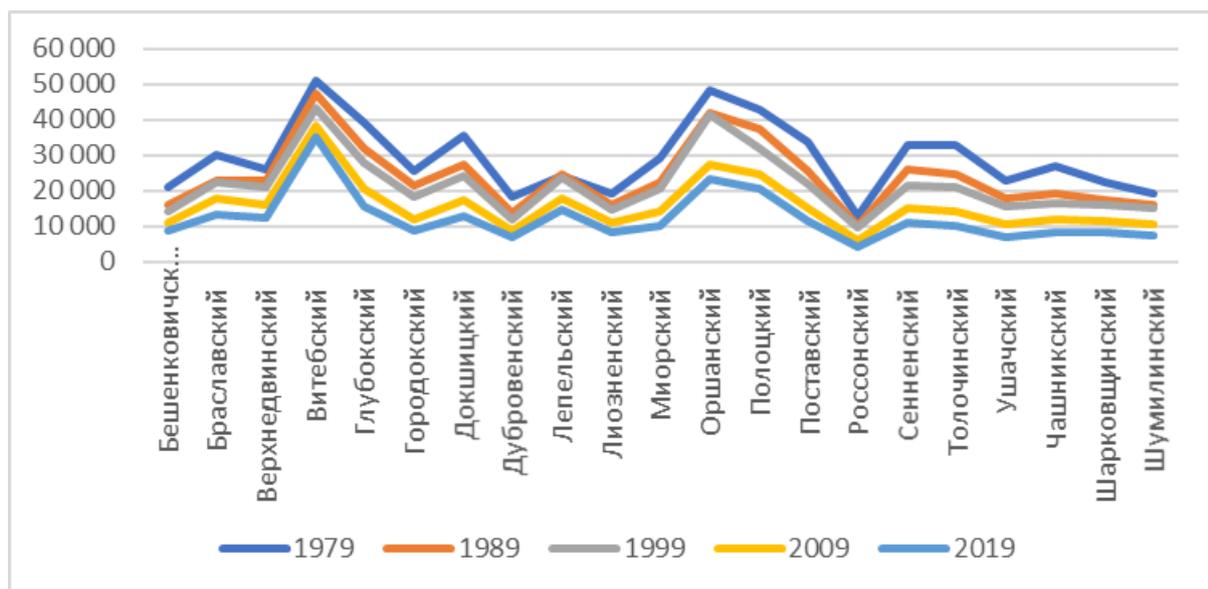

Рисунок 2 – Численность сельского населения Витебской области по административным районам за 1979–2019 гг.

Источник: составлено автором по [5; 7].

Таблица 2 – Динамика численности сельского населения Витебской области по административным районам за 1979–2019 гг.

№	Район	Численность, человек			Естественная убыль, %		
		1979 г.	1999 г.	2019 г.	1979–1999 гг.	1979–1999 гг.	1979–1999 гг.
1	Бешенковичский	20,1	14,1	8,6	-32,3	-64,3	-41,2
2	Браславский	30,3	22,5	13,6	-25,6	-65,7	-55,2
3	Верхнедвинский	26,2	21,1	12,5	-19,4	-69,2	-52,4
4	Витебский	51,0	43,5	35,2	-14,8	-23,6	-31,1
5	Глубокский	39,0	27,8	15,5	-28,9	-78,5	-60,2
6	Городокский	25,5	18,5	9,0	-27,2	-105,7	-64,6
7	Докшицкий	35,6	24,3	12,7	-31,7	-91,0	-64,2
8	Дубровенский	18,5	12,0	6,7	-35,1	-74,0	-62,7
9	Лепельский	24,4	23,7	14,6	-2,85	-61,4	-39,8
10	Лиозненский	19,2	14,6	8,3	-23,7	-76,0	-56,8
11	Миорский	29,5	20,5	10,3	-30,4	-99,6	-65,2
12	Оршанский	48,3	41,7	23,3	-13,5	-79,4	-51,8
13	Полоцкий	42,8	32,1	20,6	-24,9	-56,2	-51,9
14	Поставский	33,8	21,9	11,4	-35,3	-91,2	-66,2
15	Россонский	12,8	9,7	4,2	-24,0	-129,5	-66,9
16	Сенненский	33,1	20,7	11,0	-34,3	-96,3	-66,6
17	Толочинский	32,8	20,9	10,2	-36,1	-103,5	-68,6
18	Ушачский	22,8	15,6	7,0	-31,6	-122,8	-69,3
19	Чашникский	27,1	16,5	8,3	-39,1	-97,8	-69,2
20	Шарковщинский	22,5	16,1	8,2	-28,7	-95,8	-63,6
21	Шумилинский	19,4	15,0	7,6	-22,7	-96,0	-41,2
Витебская область		615,8	454,1	259,9	-26,3	-42,8	-57,7

Источник: составлено автором по [1; 9].

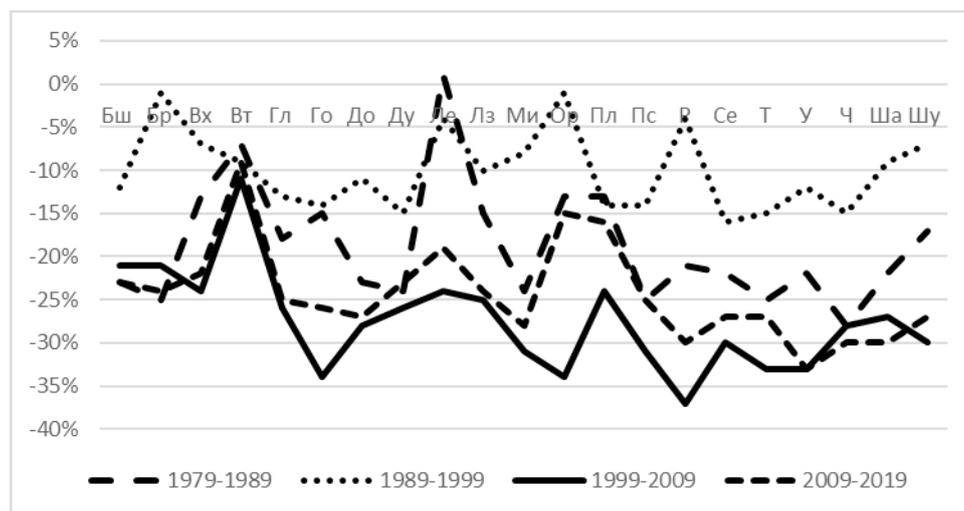

Рисунок 3 – Естественная убыль сельского населения Витебской области по административным районам за 1979–2019 гг.

Источник: составлено автором по [1; 9].

Рисунок 4 – Прогноз численности сельского населения Витебской области на период до 2025 г.

К районам, где ЧСН за период исследования уменьшалась меньше всего, относятся Лепельский, Витебский, Верхнедвинский, Оршанский и Полоцкий. Это районы с крупными региональными центрами или уникальными природными объектами, объектами туристской инфраструктуры и наличием рабочих мест.

Значения максимальной многолетней естественной убыли населения характерны для типично сельских районов: Чашникского, Россонского, Толочинского и Ушачского (рисунок 3). Сельское население этих районов уменьшилось вдвое. Это районы с большой долей лиц старше трудоспособного возраста, для которой характерен высокий показатель смертности.

Сравнение численности жителей пригородов региональных центров (крупных городов) и населения собственно сельских районов показывает, что убыль населения пригородов меньше, чем в типично сельских районах. Говоря о том, что сельское население уменьшается, нет ничего необычного: через этот процесс прошли все развитые страны. И с точки зрения экономики уменьшение доли занятых в сельском хозяйстве – процесс закономерный.

Как показывает статистика, в Беларуси пик численности населения уже пройден. Население, особенно сельское, будет сокращаться с каждым годом. Если не изменятся темпы убыли, то через пять лет – к 2025 г. – сельское население Витебской области может уменьшиться примерно на 15% (рисунок 4).

Заключение. Основные причины уменьшения численности населения в деревнях связаны с экономическими и социальными проблемами, с низким уровнем благоустройства жилья и качеством жизни сельских жителей, с высокой долей населения в старших возрастах, среди которых смертность априори выше. Сельские территории

на протяжении многих десятилетий остаются непривлекательными для проживания. Концентрация населения, рабочих мест, финансов и разнообразие досуга в крупных городах все больше привлекает, а также увеличивает отток сельских жителей. Разработка и внедрение в жизнь ряда законодательных и правовых основ по решению демографических проблем сопряжены с большим количеством трудностей, связанных с особенностями развития современного общества. Для решения этой проблемы нужны действенные социально-экономические программы, иначе к следующей переписи населения страны пустых поселков и деревень будет еще больше.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. – Минск, 2019. – 429 с.
2. Антипова, Е.А. Геодемография Беларуси в XXI веке: сравнительно-географический анализ городского и сельского населения / Е.А. Антипова, В.К. Коротяев // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 2. – 2014. – № 3. – С. 91–98.
3. Гусаков, В.Г. Стратегия устойчивого развития сельских территорий / В.Г. Гусаков // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. – 2011. – № 2. – С. 5–12.
4. Колмыков, А.В. Основные факторы, обуславливающие устойчивое социально-экономическое развитие сельских административных районов Беларуси / А.В. Колмыков // Проблемы экономики. – 2016. – № 2(23). – С. 121–130.
5. Миренкова, Г.В. Методология оценки устойчивости регионального развития сельских территорий / Г.В. Миренкова // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. – 2010. – № 4. – С. 63–70.
6. Предыбайло, С.Д. Сельское население Беларуси: демографический анализ / С.Д. Предыбайло, Д.Г. Лин; [науч. ред. Д.Г. Лин]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Право и экономика, 2011. – 323 с.
7. Шаматульская, Е.В. Сельская местность как социально-экономическая система и ее проблемы / Е.В. Шаматульская // Вестн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2005. – № 4(38). – С. 148–153.
8. Лацкевич, Н.В. Статистика: учеб. пособие / Н.В. Лацкевич, С.А. Дещеня, Т.Н. Бессонова; под общ. ред. Н.В. Лацкевич. – Минск: Выш. шк., 2015. – 363 с.
9. Перепись населения 2009. Население Республики Беларусь: его численность и состав: стат. сб. – Минск, 2010. – Т. 2. – 424 с.

Поступила в редакцию 16.02.2021

Социально-экономические эффекты развития предпринимательства (на примере туристической дестинации Оршанского региона)

Янкевич Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ключевая роль в управлении повышением эффективности экономики принадлежит региональному уровню. Принятие решений именно на этом уровне дает возможность проявления мотивированной деятельности управленческих структур и способствует развитию предпринимательства, что влечет за собой образование определенных социально-экономических эффектов.

Целью исследования является оценка роли и результатов деятельности предпринимательских структур и их влияния на уровень социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации.

Материал и методы. Материалом послужили нормативно-правовые акты, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Инспекции Министерства по налогам и сборам, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. Основные методы: структурно-логический, анализ и синтез, индукция, дедукция, статистические.

Результаты и их обсуждение. Основной целью комплексного и устойчивого развития региона являются поиск и разработка механизмов развития туризма и рекреации в регионе с учетом уникальных преимуществ региона в концепте туристической дестинации. Туристическая дестинация рассматривается не только как место, привлекательное для туризма, но и ведения бизнеса, взаимодействия с органами власти и как субъекта предпринимательства на примере Оршанского региона. Обосновываются социально-экономические эффекты как элемент комплексного управления дестинацией. Исследованы пути реализации, разработана классификация в виде блок-схемы направлений преференциального режима развития предпринимательства Оршанского района с выходом на социально-экономические эффекты. Показана динамика уровня развития субъектов предпринимательства Оршанского района и обоснованы социально-экономические эффекты, повлекшие за собой наполнение бюджета региона, создание рабочих мест, что способствует росту заработной платы и других показателей улучшения уровня жизни местного населения.

Заключение. С целью экономического роста региона и достижения социально-экономических эффектов в туристической дестинации необходимо стимулировать и развивать деятельность предпринимательских структур. Таким образом, воздействие государства на развитие социально-экономических эффектов в регионе должно осуществляться через внешнюю среду бизнеса. Привлекательность туристической дестинации Оршанского региона в результате дальнейшей активизации деятельности предпринимательства в разных отраслях будет способствовать как развитию туризма, расширению инфраструктуры туристическо-рекреационного комплекса, так и экономическому росту и улучшению социально-экономических эффектов в регионе, что приведет к замедлению оттока населения.

Ключевые слова: социально-экономические эффекты, туристическая дестинация, предпринимательство, Оршанский регион, преференциальный режим.

Social and Economic Effects of Entrepreneurship Development (Based on the Example of Orsha District Tourist Destination)

Yankevich E.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The key role in the management of improving the efficiency of the economy belongs to the regional level. Decision-making at this level makes it possible for the manifestation of motivated activities of management structures and contributes to the development of entrepreneurship, which entails the formation of certain socio-economic effects.

The aim of the study is to assess the role and results of the activities of entrepreneurial structures and their impact on the level of social and economic effects of the formation of a regional tourist destination.

Material and methods. The material was normative legal acts, data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the Inspectorate of the Ministry of Taxes and Levies, works of economists, the author's previous research. The basic methods are structural and logical, analysis and synthesis, induction, deduction, statistical.

Findings and their discussion. The main goal of the integrated and sustainable development of the region is the search and elaboration of mechanisms for the development of tourism and recreation in the region, taking into account the unique advantages of the region in the concept of a tourist destination. A tourist destination is considered by the author not only as an attractive place for tourism, but also for doing business, interacting with authorities and as a business entity on the example of Orsha District. The author substantiates the social and economic effects and considers them as an element of the integrated management of the destination. The ways of implementation have been investigated; a block diagram of the directions of the preferential regime for the development of entrepreneurship in Orsha District with an output to social and economic effects has been developed. The dynamics of the level of development of business entities of Orsha District is shown and the social and economic effects are substantiated, which entailed filling the budget of the Region, the creation of jobs, which contributed to an increase in wages and other indicators of improving the standard of living of the local population.

Conclusion. In order to achieve economic growth in the region and achieve social and economic effects in a tourist destination, it is necessary to stimulate and develop the activities of entrepreneurial structures. Thus, the influence of the state on the development of social and economic effects in the region should be carried out through the external environment of business. The attractiveness of the tourist destination of Orsha District as a result of the further intensification of entrepreneurship in various industries will contribute to both the development of tourism, the expansion of the infrastructure of the tourist and recreational complex, and economic growth and improvement of social and economic effects in the Region, which will lead to a slowdown in the outflow of the population.

Key words: social and economic effects, tourist destination, entrepreneurship, Orsha District, preferential treatment.

Управление развитием дестинации требует непосредственного участия всех уровней – государственного и регионального. При этом ключевая роль в повышении эффективности принадлежит региональному уровню управления. Принятие решений именно на этом уровне дает возможность проявления мотивированной деятельности управленческих структур и способствует развитию предпринимательства. При всем этом, развивая реальный сектор экономики, формируется устойчивая база доходов регионального бюджета, возрастают доходы и занятость населения, обеспечиваются привлекательность региона для туристов и комфортный уровень проживания местного населения. Все это подчеркивает необходимость повышения уровня предпринимательской активности в туристической дестинации.

Целью исследования является оценка роли и результатов деятельности предпринимательских структур и их влияния на уровень социально-экономических эффектов региональной туристической дестинации.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили нормативно-правовые акты о развитии предпринимательства, развитии туризма, развитии Оршанского района Витебской области, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Оршанскому району, государственные программные документы. В качестве фактологической базы выступили научные работы ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. Методологической основой явились теоретические методы анализа, обобщения, классификации, индукции, дедукции, а также методы статистического анализа (индексный, трендовый метод, приведение рядов динамики к единому основанию, расчет коэффициента опережения).

Результаты и их обсуждение. Концепция управления регионом разрабатывается на основе

взаимодействия производственного и ресурсного потенциала региона, в результате чего производится стратегическое планирование в отраслевых направлениях. Основной целью комплексного и устойчивого развития региона являются поиск и разработка механизмов развития туризма и рекреации в регионе с учетом уникальных преимуществ региона, которые необходимо учитывать и продвигать. Туристическая дестинация – местность, привлекательная для туристов как центр притяжения, как географическая территория, как экономическая система [1], как объект предпринимательства, которая может не совпадать с границами региона. Учение о дестинации развивалось в 1990-е годы, основоположником является Т. Бигер, который обобщил точки зрения по данному направлению и сформулировал комплексное определение этого понятия. Вопросы методологии стратегического планирования и разработки механизма самоорганизации конкурентоспособности туристической дестинации рассматривались отечественными учеными в аспекте «стратегического объекта предпринимательства», задачей менеджмента которого является «разработка инструментов, обеспечивающих привлекательность дестинации для ведения бизнеса». Активные действия кооперирования организаций туристической дестинации со смежными организациями служат залогом «устойчивого функционирования отдельных бизнесов в будущем» [2]. По нашему мнению, социально-экономические эффекты необходимо рассматривать как элемент комплексного управления дестинацией. В этой связи используется весь инструментарий государственного регулирования территориального развития: государственное финансирование, трансферты, преференции, льготы, целевое кредитование, реструктуризация, санация, применение возможностей использования механизма государственно-частного партнерства.

В процессе исследования выявлено, что в результате предпринимательской инициативы

и стимулирования деловой активности в Витебской области в 2019 году достигнуты следующие показатели: количество индивидуальных предпринимателей и численность привлеченных ими наемных лиц составила 22716 чел. (105,1% к 2016 г. и 105,2% к 2018 г.), причем число привлеченных наемных лиц – 7362 чел. Валовой региональный продукт индивидуальных предпринимателей (ИП) составил 2,9% к областному уровню. По Республике Беларусь номинальная начисленная заработная плата по виду экономической деятельности «творчество, спорт, развлечение и отдых» составила 1293,1 руб. к 1093,0 руб. (к 2016 г.) [3]. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего стимулирования деятельности предпринимательского сектора регионов.

В свою очередь социально-экономическое развитие Оршанского региона ориентируется на решение поставленных задач Программы развития предпринимательства до 2023 года, финансирование которой осуществляется за счет средств республиканского бюджета в виде межбюджетного трансферта в консолидированный бюджет Витебской области [4].

Преференциальный режим, действующий на территории Оршанского района, предполагает при управлении социально-экономическими

процессами развития взаимовыгодную основу сотрудничества администрации региона с бизнесом и местным населением. Нами выявлено, что ключевыми преимуществами Оршанского района для развития предпринимательства являются партнерские отношения власти и бизнеса, прозрачная инвестиционная политика, наличие кадровых ресурсов, доступность крупнейших рынков России и Евросоюза, наличие аэродрома для международных полетов, развитие сети автомобильных дорог европейского и международного значения, наличие крупного железнодорожного узла, достаточно развитого туристическо-рекреационного комплекса. Все перечисленные возможности могут быть использованы представителями малого и среднего бизнеса, что поднимет уровень привлекательности дестинации.

С целью комплексного социально-экономического развития и стимулирования предпринимательства Указом Президента Республики Беларусь «О развитии Оршанского района Витебской области» предусмотрен ряд преференций для развития предпринимательства, способствующих созданию определенных социально-экономических эффектов региональной дестинации, разработана классификация в виде блок-схемы и отражена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Блок-схема направлений преференциального режима развития предпринимательства Оршанского района с выходом на социально-экономические эффекты
 Источник: составлено на основании [4].

В ходе более ранних наших исследований выявлена положительная динамика основных показателей социально-экономического развития Оршанского района и указано на наличие резервов роста туристических услуг, роста количества малых и микроорганизаций, численности занятого населения, увеличение заработной платы населения региона и, как следствие, рост других социально-экономических эффектов в регионе. В ВРП Витебской области по виду экономической деятельности «творчество, спорт, развлечения и отдых» за 1-е полугодие 2019 г. составляет 54,8 млн руб., или 1,2% к ВРП. В январе – августе 2019 г. индекс производительности труда по ВРП составил в сопоставимых ценах 99,3% к уровню января – августа 2018 г., темп роста реальной заработной платы – 106,9%. Численность въездных туристических потоков, обслуженных организациями, осуществляющими туристическую деятельность в Оршанском районе, за 2017–2018 гг. показала более высокие темпы роста, чем Витебская область в целом (107,0 и 105,1 соответственно), хотя ниже, чем по Республике Беларусь [5]. Поступления в бюджет Оршанского района денежных средств в виде налогов за I квартал 2020 г. от субъектов малого предпринимательства в общих поступлениях составили 26%. Несомненно, 2020 год внесет свои коррективы в показатели туристической сферы Оршанского района,

что более детально будет исследовано в дальнейшем. Вместе с тем регион не становится менее привлекательным для туризма, так как получает развитие предпринимательская деятельность.

Малое и среднее предпринимательство как сектор экономики является достаточно мобильным по сравнению с крупными субъектами хозяйствования, что позволяет в свою очередь сгладить процессы в сфере занятости населения, сформировать новые сегменты рынка труда и создать точки экономического роста в регионе.

Нами проанализированы динамика развития объектов предпринимательства Оршанского района и формируемые в процессе этого социально-экономические эффекты, а именно, размер налогов и поступивших платежей в бюджет района от деятельности данных субъектов хозяйствования, размер поступлений в ФСЗН, динамика номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников. Результаты приведения рядов динамики к единому основанию полученных исследований показаны в таблице 1.

Данные таблицы 1 демонстрируют рост всех базисных показателей по результатам воздействия сферы предпринимательства на социально-экономические показатели Оршанского района. Увеличение числа субъектов предпринимательства на 13,3% способствовало росту налогов в бюджет района на 6,1%, поступлений в ФСЗН на 37,9% и

Таблица 1 – Уровень предпринимательской активности населения и его изменение в 2016–2019 гг.

Годы	Базисные темпы роста, %			
	Число субъектов предпринимательства	Налоги, поступившие в бюджет района	Поступления в ФСЗН	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников
2017	100	100	–	100
2018	104,1	110,3	100	118,2
2019	109,5	116,1	103,9	134,2
2020	113,3	106,1	137,9	150,7

Источник: разработано автором.

Таблица 2 – Динамика и структура зарегистрированных субъектов хозяйствования Оршанского района

Период	Всего субъектов, ед.	Из них			
		микро- и малых	средних	индивид. предприним.	индивид. предприним. в Витебской обл., тыс.
На 1 апреля 2020 г. (I кв.)	4258	1000		3252	–
На 1 января 2020 г.	4221	997		3224 (+158 ед.)	22,7
На 1 января 2019 г.	4060	979	16	3065 (+472 ед.)	21,6
На 1 января 2018 г.	3948	904		2593	21,6

Источник: составлено автором на основании данных ИМНС по Оршанскому району и [6, с. 39].

номинальной начисленной заработной платы работников на 50,7%. Более того, по данным финансового сектора, поступления в Фонд социальной защиты населения увеличились на 37,9% за счет туристических услуг объектов агроэкотуризма. Кроме того, рассчитав коэффициент опережения, с уверенностью можно констатировать факт превышения в 1,3 раза номинальной заработной платы и поступлений в ФСЗН над ростом числа зарегистрированных субъектов предпринимательства. Нами детализированы данные регистрации субъектов малого и среднего предпринимательства Оршанского района и Витебской области (таблица 2).

Данные таблицы 2 демонстрируют активный рост субъектов малого и среднего предпринимательства в Оршанском районе. Активизация совместных мероприятий органов управления и предпринимательского потенциала дает свои результаты, абсолютный прирост количества индивидуальных предпринимателей в Оршанском районе 472 ед., а в Витебской области не изменился. Причем на 1 января 2020 г. темпы роста зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (+24,3%) превышают темпы роста всех субъектов хозяйствования (+6,9%) по сравнению с 2018 г. По данным ряда динамики за три года (экстраполяции) с помощью уравнения тренда прогнозируем плановые показатели образования предпринимательства и определим средний темп роста и прироста. Исследуем более детально ряды динамики регистрации индивидуальных предпринимателей за 2018–2020 гг. с помощью линейной зависимости (построение уравнения прямой (тренда):

$$y_t = a_0 + a_1 t,$$

где y_t – теоретически выравненный уровень ряда динамики;

a_0 – средний показатель уровня ряда;

a_1 – ежегодный абсолютный прирост численности предпринимателей;

t – фактор времени (год).

В результате решения системы уравнений и использования данных по количеству зарегистрированных индивидуальных предпринимателей уравнение тренда имеет вид:

$$y_t = 2961 + 157,8t.$$

Экономическая интерпретация уравнения тренда: полученный тренд указывает на положительную тенденцию образования субъектов индивидуального предпринимательства. За исследуемые 3 года среднегодовое число индивидуальных предпринимателей в Оршанском районе составляет 2961 ед. Темпы прироста их численности

за каждый год в среднем за период исследования составляют 158 ед. Однако метод экстраполяции предполагает сохранение прошлой тенденции развития и не учитывает факторов влияния внешней среды. Оценив качество уравнения тренда с помощью ошибки аппроксимации, которая составляет 3,8%, с уверенностью можем утверждать о возможности использования данного уравнения для прогноза.

Более того, в результате исследования нами выявлено, что Оршанским исполнительным районным комитетом проводится активная работа по реализации мероприятий Программы «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь», Инспекцией Министерства по налогам и сборам осуществляется информационно-разъяснительная работа. Организуются экономические форумы, ярмарки «Молодежь и бизнес: шаг навстречу», тренинги, семинары, рабочие встречи с представителями министерств и структурных подразделений облисполкома и прочие мероприятия, что способствует стимулированию предпринимательской инициативы и вовлечению экономически активного и трудоспособного населения в предпринимательскую деятельность. Инкубатор малого предпринимательства проводит работу по вовлечению в предпринимательскую деятельность лиц, обладающих предпринимательским потенциалом, путем организации проведения обучающих курсов. По данным Управления по труду, занятости и социальной защите Оршанского райисполкома, в 2018 г. оказано содействие (на общую сумму 163616,1 тыс. руб.) в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма путем предоставления субсидий из средств бюджета, государственного внебюджетного фонда социальной защиты 55 чел. безработным. За счет бюджетных средств направлены на обучение основ предпринимательской деятельности в 2018 г. 82 чел. безработных граждан. При Оршанском райисполкоме действует Совет по развитию предпринимательства. В 2020 г. оказана финансовая поддержка путем предоставления субсидий 52 безработным (100% планового задания) на сумму 142,8 тыс. рублей, из них для организации предпринимательской деятельности – 47 безработным, ремесленной деятельности – 5 безработным.

Результаты исследования влияния предпринимательства на социально-экономические эффекты Оршанского региона покажем с помощью блок-схемы механизма взаимосвязи элементов, активизации диалога бизнеса и государства, улучшения деловой среды, обуславливающих привлекательность региона на рисунке 2.

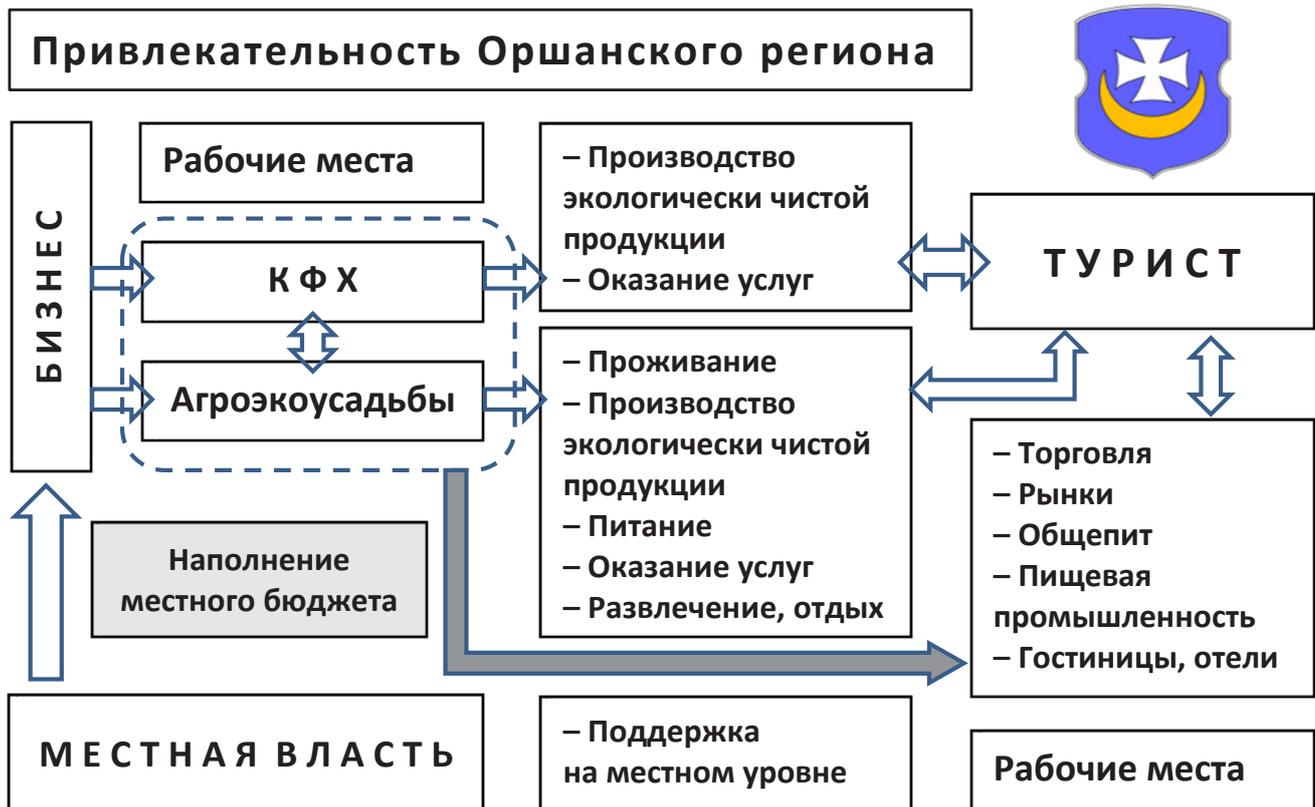

Рисунок 2 – Блок-схема механизма взаимосвязи участников формирования туристической дестинации Оршанского региона с акцентом активизации предпринимательства
Источник: составлено автором.

Механизм взаимодействия предпринимательских структур со всеми участниками туристической дестинации отражает взаимосвязанные процессы производства услуг и обслуживания туристов. Необходимо учитывать тот факт, что для обеспечения баланса частных интересов внутри отрасли и на уровне межотраслевых и социальных интересов, туристические компании часто зависят от мелких и средних фирм смежных секторов экономики. Конечный продукт турфирм является результатом деятельности предпринимательских структур в сфере общественного питания, торговли, транспортных организаций, санаторно-курортных, объектов развлечений и досуга и др., а также крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). С одной стороны, смежные организации выступают фактором роста туризма в дестинации, с другой – получают дополнительный мультипликативный эффект от развивающейся в регионе сферы туризма. Основные аспекты системного взаимодействия сферы туризма и региональной экономики демонстрируют тесную взаимосвязь между изменением численности обслуженных организованных туристов (в том числе субъектами предпринимательства) и основными показателями социально-экономического развития всех регионов Беларуси [7].

Однако нами выявлен тот факт, что развитие предпринимательства не достаточным образом воздействует на отдельные и, следует заметить, ключевые показатели социально-экономического развития. За исследуемый период 2017–2020 гг. численность населения Оршанского района с учетом переписи снизилась на 9 тысяч человек! Необходимо подчеркнуть, что в 2020 г. прослеживается отрицательная тенденция снижения численности населения, занятого в экономике в Оршанском регионе на 1,6% (–906 чел.). Несколько снижено число трудоустроенных граждан на вновь созданные рабочие места, за счет создания новых производств, на 57 чел., или на 8,4%, при уровне зарегистрированной безработицы за период 2019–2020 гг. в 0,4% [8]. Причем доходы бюджета Оршанского района по результатам деятельности субъектов агроэкотуризма в «ковидном» 2020 году возросли на 32,7%, так как туристы предпочитали отдых не в массовых средствах размещения.

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в туристической дестинации Оршанского региона активно проводится политика, направленная на стимулирование предпринимательской деятельности. Своевременно и с использованием всех механизмов

стимулируется деятельность малого и среднего бизнеса. Результат этой деятельности выражается в наполнении бюджета региона, создании рабочих мест, что способствует росту заработной платы и других показателей улучшения уровня жизни местного населения. Таким образом, воздействие государства на развитие социально-экономических эффектов в регионе должно осуществляться через внешнюю среду бизнеса. Оршанский регион сохранил свою привлекательность для туристических посещений и баланс между отдыхом в коллективных средствах размещения и агроэкоусадеб. Привлекательность Оршанского региона в результате дальнейшей активизации деятельности предпринимательства в разных отраслях будет способствовать как развитию туризма, расширению инфраструктуры туристическо-рекреационного комплекса, так и экономическому росту и улучшению социально-экономических эффектов в регионе, что приведет к замедлению оттока населения.

Литература

1. Тарасенок, А.И. Оценка конкурентоспособности национальной туристической дестинации Республики Беларусь / А.И. Тарасенок // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 139–151.
2. Тарасенок, А.И. Создание туристских дестинаций: проблемы и практика стратегического планирования на местном уровне / А.И. Тарасенок // Вісн. ДІТБ. Сер. «Економіка, організація та управління підприємствами туристичної індустрії та туристичної галузі в цілому». – 2014. – Вип. 18. – С. 80–85.
3. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 07.04.2021.
4. О развитии Оршанского района Витебской области: Указ Президента Республики Беларусь от 31.12.2018 г. № 506 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 21303.
5. Янкевич, Е.М. Социально-экономические условия развития туризма в Оршанском районе / Е.М. Янкевич // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 дек., 2019 г. / ГУ «Институт экономики НАН Беларуси». – Минск, 2019. – С. 626–632.
6. Витебская область в цифрах [Электронный ресурс]: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 07.04.2021.
7. Янкевич, Е.М. Основные аспекты системного взаимодействия сферы туризма и региональной экономики / Е.М. Янкевич // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 3(19). – С. 67–77.
8. Социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь в январе – ноябре 2020 г. [Электронный ресурс]: стат. бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 05.04.2021.

Поступила в редакцию 07.04.2021

Смысложизненные ориентации как фактор социальной активности лиц с ограниченными физическими возможностями

Косаревская Т.Е., Ткач М.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты исследования смысловой сферы у людей с ограниченными физическими возможностями.

Цель работы – проанализировать смысложизненные ориентации личности при нарушениях опорно-двигательного аппарата различного генеза.

Материал и методы. В число респондентов вошли взрослые лица, имеющие группу инвалидности, связанную с нарушением опорно-двигательного аппарата (лица с травмой позвоночника и лица с детским церебральным параличом). В эмпирическом исследовании использовались опросник «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев, русскоязычная адаптация опросника «Цели в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика) и методы математической статистики.

Результаты и их обсуждение. Полученные данные позволяют сделать вывод, что адаптированные респонденты имеют средний уровень общей осмысленности жизни; обладают направленностью на будущее, строят планы и имеют вполне определенные цели; принимают свое настоящее; прошлое рассматривают как продуктивное, значимое и важное; способны самостоятельно принимать решения, брать ответственность за те события, которые происходят, воплощать свои цели и отвечать за полученные результаты.

Выявлен ряд отличий в показателях смысложизненных ориентаций среди респондентов с различным характером инвалидности. Установлены статистически достоверные различия между показателями смысложизненных ориентаций и социально-демографическими характеристиками респондентов.

Заключение. Полученные данные показывают значимость смысложизненных ориентаций для оценки собственной жизни в условиях инвалидности. Понимание общих и специфических черт смысловой сферы в опыте людей с разным характером инвалидности поможет создавать эффективные программы психологической помощи, поддержки и реабилитации, позволит определить роль ситуационных и диспозиционных факторов в процессе совладания с инвалидностью.

Ключевые слова: смысловая регуляция, смысложизненные ориентации, социальные параметры, лица с ограниченными физическими возможностями.

Sense of Life Orientations as a Factor of Social Activity of Physically Disabled People

Kosarevskaya T.E., Tkach M.G.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Research findings of the sense sphere of physically disabled people are presented in the article.

The purpose of the article is to analyze sense of life orientations of the personality with different geneses musculoskeletal system disorders.

Material and methods. Among the respondents were adults with the disability group due to musculoskeletal system disorders (those with spine traumas and people with children's cerebral paralysis). D.A. Leontyev's "Sense of life orientations" questionnaire (Russian adaptation of J. Crambo and L. Macholik's "Life Aims" questionnaire) was used in the empiric study as well as methods of mathematical statistics.

Findings and their discussion. The obtained findings make it possible to conclude that the adapted respondents have an average level of general understanding of life; they possess a direction to the future, make plans and have definite goals; they accept their present, consider their past as productive, significant and important; they are capable of taking decisions on their own, being responsible for the events, implementing their goals and being responsible for the obtained results.

A number of differences in the parameters of sense of life orientations among the respondents with different degree disabilities is found out. Statistically reliable differences between parameters of sense of life orientations and social and demographic characteristics of the respondents are identified.

Conclusion. The obtained data indicate the significance of sense of life orientations for the evaluation of one's own life in the conditions of disability. The understanding of general and specific features of the sense sphere in the experience of people with different character disabilities will help create efficient programs of psychological support and rehabilitation, will make it possible to identify the role of situation and disposition factors in the process of coping with disabilities.

Key words: sense regulation, sense of life orientations, social parameters, physically disabled people.

За последние десятилетия понимание инвалидирующего заболевания претерпело существенные изменения. В современных реалиях заболевание, влекущее за собой наступление инвалидности, представляет собой не только возникновение устойчивых дефицитарных состояний, которые приводят к значительным изменениям жизнедеятельности, но и сложную многоуровневую систему, включающую взаимосвязь медико-биологического компонента с личностным статусом индивида. Подобный подход к патологическому процессу заболевания подразумевает анализ.

Возникающие нарушения здоровья, независимо от их биологической природы, последующая инвалидизация и вследствие этого ограниченность возможностей создают для человека особые психологические обстоятельства и оказывают воздействие на личностные качества. Переживание болезни также приводит к постепенному изменению эмоционально-волевой сферы, мыслительных процессов, к серьезной переоценке жизненных установок, социальных ценностей и может становиться источником формирования дезадаптивного поведения. Характер поведения определяется физическими критериями (ограничениями подвижности и вынужденной изоляцией), физиологическими показателями (различными соматическими нарушениями, связанными с имеющимися повреждениями и травмами), социальными установками в виде определенных предубеждений («Я не такой, как все») и психологическими переживаниями (депрессией, апатией, агрессией, обидой, разочарованием и виной).

Осмысленность жизни является условием благоприятного развития и жизнедеятельности личности, показателем ее автономности, независимости. Смысловая сфера личности и общий уровень осмысленности жизни представляются как интегрирующие характеристики личности, которые определяют отношение к действительности, к происходящим событиям и на основе которых выстраивается поведение человека.

По мнению Д.А. Леонтьева, смысловые ориентации каждого человека – это набор свойственных только данной личности ценностей и целей, которые она выбрала как основополагающие своего существования. Особенности данной потребности заключаются в уникальности ее понимания каждым человеком, а следовательно, невозможно определить готовые клише наиболее успешных целей существования, что и создает трудности их изучения и развития [1].

Смысловая сфера и, в частности, осмысленность жизни, смысловые ориентации рассматриваются как важные для понимания способов адаптации и степени социальной активности

в условиях инвалидирующего заболевания характеристики личности. Психологической основой системы личностных смыслов выступает многообразная структура потребностей, мотивов, интересов, идеалов, убеждений, мировоззрения, определяющая уровни функционирования самой системы и обуславливающая процессы реализации личностного потенциала. Многочисленные исследователи сходятся во мнении, что возникновение инвалидности и, как следствие, процесс адаптации к хроническому состоянию требуют от индивида пересмотра уже имеющихся жизненных целей и смыслов. При этом смысловая регуляция жизнедеятельности выступает основополагающей характеристикой человеческого существования.

Таким образом, осмысленность жизни можно рассматривать в качестве энергетической и мотивационной характеристики смысловой сферы, количественной меры степени и устойчивости направленности, энергии и жизнестойкости человека.

Цель данной работы – проанализировать смысловые ориентации личности при нарушениях опорно-двигательного аппарата различного генеза.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 60 человек. В состав выборки вошли взрослые люди, имеющие группу инвалидности, связанную с нарушением опорно-двигательного аппарата различной степени тяжести. В ходе проведения эмпирического исследования осуществлялось дифференцирование выборки по характеру имеющихся нарушений: в первую группу вошли лица с диагнозом детский церебральный паралич (ДЦП) – врожденный характер нарушений, во вторую – лица с нарушением функционирования опорно-двигательного аппарата вследствие травмы позвоночника – приобретенный характер нарушений.

Отметим, что выборка испытуемых была сформирована из лиц, согласившихся принять участие в исследовании, что составило около 40% от всех опрошенных респондентов. При анализе отказов от участия в психологическом исследовании были выделены три группы причин: отсутствие свободного времени (опрошенные респонденты аргументировали свой отказ активным вовлечением в общественно-культурную жизнь общества); нежелание участвовать, подкрепленное абсолютной уверенностью в том, что подобные исследования никак не изменят в лучшую сторону качество их жизни, материальный статус, но могут навредить и повлиять на их социальный статус; нежелание разбираться в особенностях собственной личности, заниматься самоанализом (по мнению респондентов, это приведет к выявлению проблем, которые они не смогут решить самостоятельно). В контрольную группу вошли

50 взрослых респондентов, не имеющих ограничений, связанных с заболеваниями.

Для диагностики смысловой сферы личности был использован опросник «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев, русскоязычная адаптация опросника «Цели в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика) [2]. Полученные результаты опросника интерпретируются по следующим субшкалам: «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результат жизни», «Локус контроля – Я», «Локус контроля – жизнь» и общему показателю осмысленности жизни. Методика позволяет также оценить уровень осмысленности жизни. Статистический анализ проводился с применением непарного t-критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. В процессе эмпирического исследования, направленного на изучение смысловых ориентаций у людей с нарушением опорно-двигательного аппарата, были получены следующие результаты (таблица).

Проанализировав общий показатель осмысленности жизни, можно говорить о наличии у всех испытуемых устойчивых смыслов в жизни и уверенности в принципиальной возможности самостоятельно осуществлять жизненный выбор. Однако у респондентов с ограничениями физических возможностей показатели осмысленности жизни находятся на среднем уровне (94,4 и 103,5 балла соответственно), у респондентов контрольной группы – на высоком уровне (126,8 балла). Значения показателей по всем субшкалам теста свидетельствуют о среднем уровне выраженности характеристик. Исключение составляет высокий уровень показателя по шкале «Результат жизни» у испытуемых контрольной группы. Данная субшкала связана с удовлетворенностью самореализацией как таковой. Высокие значения отражают позитивную оценку пройденного отрезка жизни и ощущение того, что прожитая ее часть была продуктивной и осмысленной.

При сравнении показателей по субшкалам выявлены более высокие значения по шкале «Цели в жизни». Баллы по этой шкале характеризуют наличие в жизни испытуемых целей в будущем, которые придают жизни направленность и временную перспективу.

Таблица – Средние значения по общему показателю осмысленности жизни и субшкалам опросника

Группы респондентов / Субшкала	Группа с ДЦП	Группа с травмой позвоночника	Контрольная группа
	Средние значения по шкалам		
Цели в жизни	30,6	33,0	32,6
Процесс жизни	27,3	29,8	29,2
Результат жизни	24,1	26,9	28,1
Локус контроля – Я	19,2	21,9	21,6
Локус контроля – жизнь	26,1	27,3	33,6
Осмысленность жизни	94,9	103,5	126,8

Еще одна субшкала «Локус контроля – Я» (иначе эту субшкалу можно проинтерпретировать как «Я – хозяин жизни»). Полученные данные (средний уровень показателей – 19,2; 21,9; 21,6 соответственно) говорят о том, что все испытуемые имеют представление о себе как личности, обладающей возможностью строить свою жизнь в соответствии со своими целями. Однако нет полной уверенности в своих силах и способности контролировать события жизни. В контрольной группе отмечены более высокие, чем в других группах, показатели по субшкале «Локус контроля – жизнь», или управляемость жизни. Вероятно, лица без физических ограничений чувствуют себя более свободными в принятии решений и реализации их в жизни. При этом и в группах респондентов с инвалидностью отмечен средний уровень этих показателей, что позволяет говорить об их убеждении в том, что они могут контролировать свою жизнь и готовы к осуществлению самостоятельной профессиональной деятельности.

Субшкала «Процесс жизни», по которой также получены близкие показатели по группам, свидетельствует о наличии у людей с инвалидностью целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Это может объясняться задачами, которые стоят перед испытуемыми в ситуации имеющегося заболевания, а именно: определение своего будущего, планирование действий, построение жизненных планов, начало или продолжение профессионального становления. Эти задачи в значительной степени локализованы в будущем, но опираются на прошлое и настоящее. При этом мы не исключаем, что достаточно высокие значения по этой шкале могут характеризовать и человека, который много думает о будущем, но его планы не подкрепляются личной активностью и ответственностью в настоящем.

Сравнительный анализ данных, полученных по двум группам респондентов с различными заболеваниями, позволяет отметить незначительные отличия по всем показателям (рисунок).

Так, в группе с ДЦП мы можем видеть более низкие показатели по всем субшкалам.

Это может объясняться условиями, в которых происходило развитие и становление личности. Здесь речь может идти о существующем субъективном восприятии собственных ограничений жизнедеятельности. В такой ситуации человек с инвалидностью сам создает психологические ограничения, ставит себя в определенные рамки, которые не позволяют в полной мере быть вовлеченным в общественную жизнь. Также важную роль играет зависимость личности от оценки семьи и окружающих, собственной субъективной оценки действий и поступков, часто переживаемых как безрезультатные и тщетные в силу имеющихся ограничений жизнедеятельности. Личностное развитие людей с врожденным характером инвалидности (ДЦП) зачастую происходит в атмосфере тревожной гиперопеки со стороны родителей и родственников. Их личность, самооценка, жизненные притязания и структура смыслов формируются в тесной взаимосвязи с их заболеванием, что часто проявляется в пассивной, рентной установке по отношению к жизни и окружающим. Вместе с тем ожидание помощи извне приводит к большей неудовлетворенности ходом своей жизни, и с возрастом эти тенденции могут только усиливаться [3, с. 80].

Люди, получившие инвалидность вследствие травмы позвоночника, отличаются меньшей зависимостью от оценки окружающих, имеют более адекватное восприятие возникших физических ограничений и исходя из этого проявляют адекватную реакцию на болезнь. На наш взгляд, это возможно благодаря наличию установок на активное разрешение проблемы и контроль над ситуацией, сформированных до болезни и характерных для здоровых людей, предыдущему опыту «здоровой» жизни и сохранностью восприятия жизни, которое было до наступления инвалидности.

Отметим, что ситуация инвалидности врожденного характера оказывает влияние на формирование всей личности и ее жизненного стиля, тогда как для людей, попавших в ситуацию инвалидизирующего заболевания не с момента рождения, а в более позднем возрасте, напротив, часто оказывается проблематичным «вписать» инвалидность в уже сложившуюся картину мира и представления о себе.

Таким образом, по нашему мнению, имеющиеся отличия в показателях смысложизненных ориентаций могут объясняться не только индивидуальностью личности, но и особенностями врожденного или приобретенного характера инвалидности.

В рамках проведенного эмпирического исследования нами были также изучены социально-демографические характеристики респондентов с врожденным и приобретенным характером нарушений опорно-двигательного аппарата с целью сравнения и выявления возможных различий между смысложизненными ориентациями и такими социальными параметрами, как пол, возраст, образование, стаж инвалидности, трудоустройство, семейное положение, проживание (отдельно или с кем-то), физическая активность.

Проведенный статистический анализ различий с применением критерия Стьюдента позволяет сделать следующие выводы. Женщины с травмой позвоночника воспринимают свою жизнь более результативной, оценивают пройденный отрезок жизни как более осмысленный ($t=2,55$ при $p<0,05$) по сравнению с мужчинами с травмой позвоночника.

Респонденты с травмой позвоночника, имеющие различного рода трудовую занятость, придают жизни осмысленность ($t=2,72$ при $p<0,05$), направленность и перспективу ($t=2,26$ при $p<0,05$), они воспринимают свою жизнь более результативной,

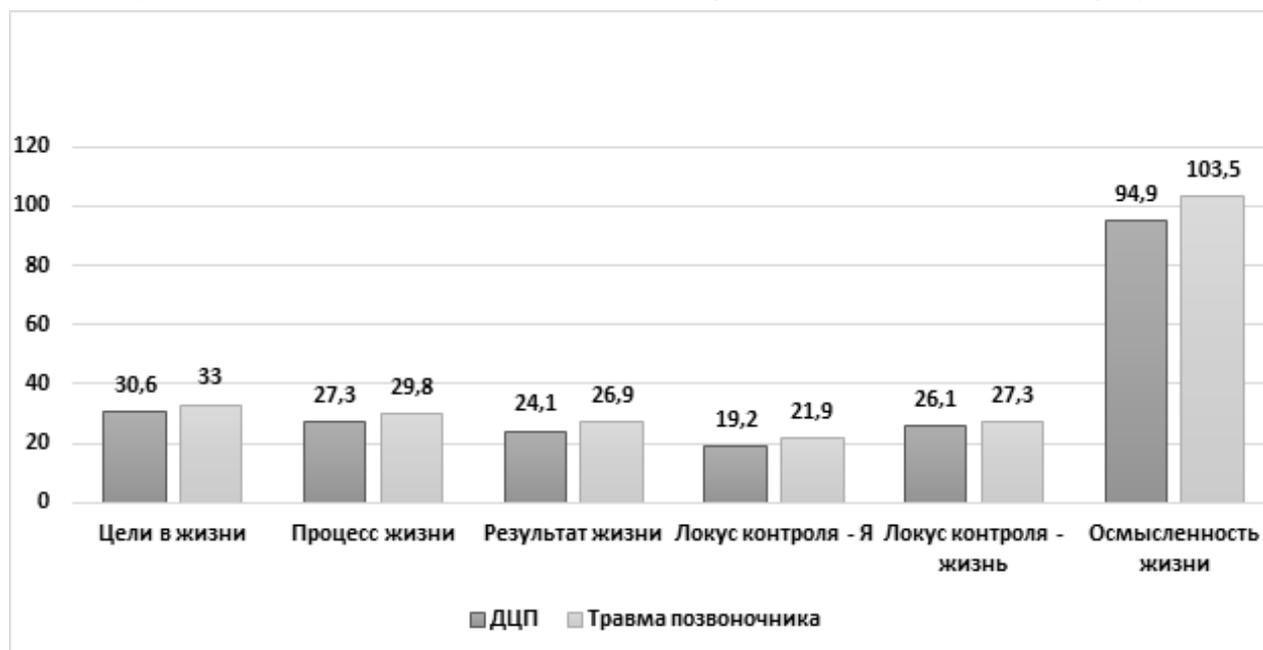

Рисунок – Различия по показателям опросника в группах выборки

полноценной и наполненной смыслом ($t=2,70$ при $p<0,05$), контролируют свою жизнь, могут более свободно принимать решения ($t=2,59$ при $p<0,05$), чем люди с травмой позвоночника, не имеющие трудовой деятельности. Это позволяет говорить о том, что приобретенная в результате травмы позвоночника инвалидность разрушает сложившуюся структуру личностных смыслов и требует значительных усилий для того, чтобы восстановить целостность, непротиворечивость и осмысленность жизни. Этому процессу и способствует активное участие в совместной деятельности с другими людьми. По мнению Д.А. Леонтьева, смысл возникает и изменяется в деятельности, в тех реальных отношениях и связях, которые выстраивает субъект с объективной действительностью [1].

Люди с ДЦП, состоящие в браке, демонстрируют большую выраженность показателя «Локус контроля – Я» ($t=2,45$ при $p<0,05$), что выражается в представлении о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, задачами и представлениями о ее смысле по сравнению с теми, кто не состоит в брачных отношениях.

Респонденты с травмой позвоночника, также состоящие в браке, обладают более выраженным показателем по субшкале «Локус контроля – жизнь» ($t=2,23$ при $p<0,05$) по сравнению с теми, кто не состоит в браке. Это позволяет охарактеризовать их как людей, способных контролировать свою жизнь и свободно принимать решения. Также отметим, что более осмысленной ($t=2,18$ при $p<0,05$) и результативной ($t=2,03$ при $p<0,05$) свою жизнь видят испытуемые с нарушением опорно-двигательного аппарата, имеющие высшее образование. Более подконтрольной ($t=2,08$ при $p<0,05$) и результативной ($t=2,18$ при $p<0,05$) воспринимают собственную жизнь лица с нарушением опорно-двигательного аппарата, которые проживают отдельно и самостоятельно в сравнении с теми испытуемыми, которые проживают в родительской семье или с иными лицами.

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что все испытуемые, принявшие участие в исследовании, обладают четкой направленностью на будущее, строят планы и имеют совершенно определенные цели. Они считают свою жизнь вполне осмысленной, принимают свое настоящее и довольны тем, что есть на данный момент. Свое прошлое рассматривают как продуктивное, значимое и важное, способны самостоятельно принимать решения, брать ответственность за те события, которые происходят, воплощать свои цели и отвечать за полученные результаты. Мы отдаем себе отчет в том, что в исследовании согласились принять участие респонденты, которым удалось

достичь значительной степени адаптированности к болезни и готовности к социальной активности. При этом в зависимости от отношения к болезни могут формироваться разные поведенческие стили: компенсаторное поведение (борьба, адаптация); капитуляция перед болезнью; игнорирующее поведение – стремление больного не признавать дефекта. В одних случаях поведение направляется на преодоление болезни и ее последствий, в других ситуациях, наоборот, является фактором, который усугубляет течение болезни. Отношение к болезни перестает выполнять адаптационную функцию и становится источником стресса, способствует развитию тревоги. Болезнь воспринимается как препятствие на пути достижения жизненных целей. При таком развитии самосознания и смысложизненных ориентаций меняются критерии оценки других людей, всей жизненной ситуации, установки, планы на будущее, отношение к важным обстоятельствам и самому себе. В связи с этим существенное значение приобретают психологическая помощь и сопровождение индивида в сложной жизненной ситуации, работа, направленная на сохранение осмысленности жизни и активной позиции личности.

Заключение. Многие исследователи сходятся во мнении, что возникновение инвалидности и, как следствие, процесс адаптации к хроническому состоянию требуют от индивида пересмотра уже имеющихся жизненных целей и смыслов. Осмысленность жизни можно рассматривать в качестве энергетической и мотивационной характеристики смысловой сферы личности. Данные, полученные при изучении социально-демографических параметров, доказывают значимость социальной активности для большей результативности, полноты и осмысленности собственной жизни, несмотря на ситуацию инвалидности. Смысложизненные ориентации придают динамическое равновесие системе жизненных отношений, влияют на процесс самореализации личности. Понимание общих и отличительных черт смысловой сферы людей с различным характером инвалидности поможет созданию эффективных программ психологической помощи, поддержки и реабилитации, позволит определить роль ситуационных и диспозиционных факторов в процессе совладания с инвалидностью.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – М.: Смысл, 2003. – 488 с.
2. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
3. Щербакова, А.М. Сравнительная характеристика отношения к ограниченным возможностям своего здоровья лиц с врожденными и приобретенными нарушениями статодинамической функции / А.М. Щербакова, О.Н. Гудилина // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5. – С. 77–86.

Поступила в редакцию 23.03.2021

Половые различия в личностных характеристиках индивидов с высокими уровнями индексов социально-сравнительной ревности

Лепешко К.В.

Белорусский государственный университет

Социально-сравнительная ревность оказывает вариативное влияние на личность, в частности на молодых людей. Именно в период ранней взрослости молодые люди ориентированы на построение и планирование своего будущего, поэтому особенно важным для них является оценка своих способностей и получение обратной связи от других людей. На личностном уровне переживание социально-сравнительной ревности может приводить к психологическому стрессу, депрессии, негативному изменению состояния физического здоровья и разным формам девиантного поведения. Вместе с тем обнаружены и положительные влияния данного феномена на личность: позитивное изменение самооценки, профессиональное и личностное развитие, повышение академической успеваемости, формирование позитивных установок в общении с другими индивидами, повышение социальной активности и достижений.

Цель работы – выявить половые различия в личностных характеристиках индивидов с высоким уровнем социально-сравнительной ревности.

Материал и методы. В исследовании принимало участие 299 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет ($M=19,64\pm 2,56$), из них мужчины – 138 человек, женщины – 161 человек. В качестве инструментария была использована «Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности». Личностные характеристики респондентов оценивались с помощью большой пятерки факторов. Статистическая обработка производилась с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Были обнаружены половые различия в личностных характеристиках индивидов с высокими уровнями эмоциональной и когнитивной социально-сравнительной ревности, а также в поведенческих стратегиях самореализации, уравнивания и уклонения.

Заключение. Мужчины с высокими уровнями каждого индикатора социально-сравнительной ревности обладали более высокими показателями преимущественно в таких личностных характеристиках, как уважение других, тревожность, ответственность, артистичность, эмоциональная лабильность.

Ключевые слова: социально-сравнительная ревность, когнитивная ревность, эмоциональная ревность, стратегия самореализации, стратегия уравнивания, стратегия уклонения.

Gender Differences in Personal Characteristics of Individuals With High Level Indices of Socially Comparative Jealousy

Lepeshko K. V.

Belarusian State University

Socially comparative jealousy has a variable impact on the individual, in particular on young people. It is during early adulthood that young people are focused on building and planning their future, so it is especially important for them to assess their abilities and receive feedback from other people. At the personal level, the experience of socially comparative jealousy can lead to psychological stress, depression, negative changes in the state of physical health and to various forms of deviant behavior. At the same time, positive effects of this phenomenon on personality were also found out: a positive change in self-esteem, professional and personal development, increased academic performance, the formation of positive attitudes in communication with other individuals, increased social activity and achievements.

The aim is to identify gender differences in the personal characteristics of individuals with a high level of socially-comparative jealousy.

Material and methods. The study involved 299 respondents aged 17 to 23 ($M = 19.64\pm 2.56$), including 138 men and 161 women. The “Methodology for assessing the situation of provocation of socially comparative jealousy” was used as a research tool. The respondents’ personality characteristics were assessed using the big five factors. Statistical processing was performed using the program SPSS 13.0 for Windows, which included a comparative analysis using the Student’s t-test

Findings and their discussion. Gender differences were found out in the personality characteristics of individuals with high levels of emotional and cognitive socially comparative jealousy, as well as in behavioral strategies of self-implementation, equalization and avoidance.

Conclusion. Men with high levels of each indicator of socially comparative jealousy had higher indicators mainly in such personal characteristics as: respect for others, anxiety, responsibility, artistry, emotional lability.

Key words: socially comparative jealousy, cognitive jealousy, emotional jealousy, self-improvement strategy, equalization strategy, the strategy of avoidance.

Процесс социального сравнения – значимый компонент повседневной жизни индивидов и социального познания. Он позволяет индивиду формировать Я-образ; корректировать и защищать Я-концепцию; общаться и взаимодействовать с другими людьми; объяснять многообразие поступков и поведение других индивидов. Результат социального сравнения имеет различные последствия, одним из которых является возникновение социально-сравнительной ревности.

S.A. Bers и J. Rodin [1] предложили различать 2 вида ревности: ревность социальных отношений (романтическая ревность) и социально-сравнительная ревность. Они считали, что только ситуации, которые бросают вызов превосходству или равенству, приводят к возникновению феномена социально-сравнительной ревности.

Социально-сравнительная ревность возникает при условии высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью связанных между собой мыслей о незащищенности, несправедливости, неправильности существующих преимуществ другого индивида, комплекса переживаний негативных эмоций (прежде всего волнения, печали, гнева, отвращения, презрения) и готовности к действиям, направленным на совладение со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения [2].

В литературе указывается, что социально-сравнительная ревность оказывает вариативное влияние на личность, в частности на молодых людей [3]. Именно в период ранней взрослости молодые люди ориентированы на построение и планирование своего будущего, поэтому особенно важным для них являются оценка своих способностей и получение обратной связи от других людей [4]. На личностном уровне переживание социально-сравнительной ревности может приводить к психологическому стрессу, депрессии, негативному изменению состояния физического здоровья и разным формам девиантного поведения (насилию, правонарушениям, зависимостям от психоактивных веществ). Вместе с тем обнаружены и положительные влияния данного феномена на личность: позитивное изменение самооценки, профессиональное и личностное развитие, повышение академической успеваемости, формирование позитивных установок в общении с другими

индивидами, повышение социальной активности и достижений.

Однако, несмотря на значимость феномена социально-сравнительной ревности для формирования позитивной субъект-субъектной коммуникации, формирования мотивации достижения, конструктивных и активных стратегий поведения, его исследование продолжает оставаться фрагментарным. Кроме того, при исследовании социально-сравнительной ревности лишь небольшое количество авторов указывает на существование и личностных детерминант социально-сравнительной ревности. К таким факторам можно отнести: низкий уровень самооценки, тревожность, эмоциональность, сензитивность, высокий уровень нейротизма, использование внутренней атрибуции для объяснения собственных неудачных моментов.

Несмотря на наличие большого количества исследований по различиям мужчин и женщин в период ранней взрослости, а также половых различий в переживаниях романтической и социально-сравнительной ревности, исследований в области половых различий в личностных характеристиках индивидов с высоким уровнем социально-сравнительной ревности обнаружено не было. Стремление к преодолению указанной фрагментарности и стало основанием для более системного, целостного изучения личностных характеристик мужчин и женщин с высоким уровнем социально-сравнительной ревности.

Цель работы – выявить половые различия в личностных характеристиках индивидов с высоким уровнем социально-сравнительной ревности.

Материал и методы. В исследовании принимало участие 299 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет ($M=19,64\pm 2,56$), из них мужчины – 138 человек, женщины – 161 человек. В качестве инструментария была использована «Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности» [5]. Личностные характеристики респондентов оценивались с помощью большой пятерки факторов, разработанной Х. Тсуи [6] на основе большой пятерки факторов Р. Маккрае, П. Косты [7] и адаптированной А.Б. Хромовым [8].

Индикаторы социально-сравнительной ревности представляли собой индексы когнитивной и эмоциональной социально-сравнительной ревности, а также индексы поведенческих стратегий: стратегии самореализации, уравнивания и укло-

нения. Данные индексы были рассчитаны с помощью методов корреляционного и факторного анализа.

S.M. Pfeiffer и P.T. Wong предложили различать когнитивную и эмоциональную ревность [9]. Когнитивная ревность – это озабоченность и сомнения индивида относительно собственных атрибутов, качеств и способностей, которыми, по его представлениям, обладает конкурент [9]. В целом когнитивная ревность – это неуверенность в отношении собственных преимуществ, атрибутов, качеств или способностей [9]. Если когнитивная ревность предусматривает сфокусированное внимание на преимуществах другого, то эмоциональная ревность – это эмоциональная реакция на реальную или предполагаемую угрозу самооценке [9].

Стратегия самореализации предполагает направленность действий на то, чтобы стать лучше и опередить другого в чем-либо [1; 10]. Как указывают P. Salovey и J. Rodin [11], такая стратегия включает сдержанность во внешнем проявлении эмоций, принятие самостоятельных решений по поводу достижения цели и опору только на свои силы при реализации активности. Стратегия уравнивания подразумевает направленность действий на то, чтобы стать таким же или же достигнуть такого же уровня исполнения [10; 12]. Стратегия уклонения используется, когда индивид предпочитает уйти от сравнения [1; 11–13].

Разбивка респондентов по уровням выраженности индикаторов социально-сравнительной ревности осуществлялась с помощью метода Р. Кеттела. Статистическая обработка производилась с помощью программы SPSS 13.0 for Windows, которая включала сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ полученных данных позволил выявить половые различия в личностных характеристиках индивидов с высокими уровнями индексов когнитивной, эмоциональной социально-сравнительной ревности и поведенческих стратегиях социально-сравнительной ревности.

Было установлено, что мужчины с высоким уровнем когнитивной социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как уважение других ($M=7,54$, $SD=2,68$ против $M=6,31$, $SD=2,02$; $p=0,029$), ответственность ($M=7,70$, $SD=3,05$ против $M=5,92$, $SD=2,24$; $p=0,005$), тревожность ($M=8,37$, $SD=2,94$ против $M=6,48$, $SD=3,02$; $p=0,012$), эмоциональная лабильность ($M=8,50$, $SD=3,10$ против $M=6,85$, $SD=2,92$; $p=0,027$). Другими словами, мужчины с высоким уровнем когнитивной социально-сравнительной

ревности более ответственны, тревожны, эмоционально лабильнее и уважительнее по отношению к другим людям в сравнении с женщинами.

Так, было обнаружено, что мужчины с высоким уровнем эмоциональной социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как понимание ($M=8,50$, $SD=2,27$ против $M=6,86$, $SD=2,08$; $p=0,031$), уважение других ($M=7,80$, $SD=2,48$ против $M=6,04$, $SD=1,60$; $p=0,007$), ответственность ($M=8,40$, $SD=2,75$ против $M=6,65$, $SD=2,27$; $p=0,038$), тревожность ($M=7,70$, $SD=3,09$ против $M=5,56$, $SD=2,48$; $p=0,022$), эмоциональная лабильность ($M=9,30$, $SD=2,90$ против $M=5,73$, $SD=2,93$; $p=0,001$), артистичность ($M=9,80$, $SD=2,65$ против $M=6,28$, $SD=2,48$; $p<0,001$) и чувствительность ($M=8,30$, $SD=2,71$ против $M=6,65$, $SD=2,13$; $p=0,040$). Другими словами, мужчины с высоким уровнем эмоциональной социально-сравнительной ревности более понимающие, уважительнее по отношению к другим людям, ответственны, тревожны, эмоционально лабильны, артистичны и чувствительны в сравнении с женщинами.

Полученные результаты можно объяснить исходя из особенностей решаемых задач и ситуации социального развития в данном возрасте мужчин и женщин. Возраст 17–23 года по D.J. Levinson относится к периоду перехода к ранней взрослости [14]. Он отмечает, что в данном периоде основная задача для мужчин заключается в определении себя в профессиональном плане, а также в постановке целей для продвижения в карьере [14]. Кроме того, в этот период мужчины склонны к единому видению своего будущего, сконцентрированному на карьере, в то время как у многих женщин наблюдается тенденция к «раздельным» мечтам, в частности к построению карьеры и семьи [14].

Таким образом, можно предположить, что для мужчин с высоким уровнем когнитивной и эмоциональной социально-сравнительной ревности характерны большее понимание, тревожность, уважение, ответственность, эмоциональная лабильность, артистичность и чувствительность в сравнении с женщинами, поскольку это связано с ценностью самих ситуаций социального сравнения и особенностями социального функционирования мужчин. Именно в период перехода к ранней взрослости для молодых людей является особенно важным положительная оценка себя (что может приводить к когнитивной и эмоциональной ревности), а также стремление контролировать свою жизнь и испытывать уверенность в том, что они могут влиять на результат деятельности, в частности в профессиональной сфере [15].

Можно предположить, что ценность ситуаций, провоцирующих когнитивную и эмоциональную социально-сравнительную ревность у мужчин с указанными характеристиками в этот период, может быть выше, чем у женщин, тем самым обладать для них большей значимостью и определять когнитивную и эмоциональную включенность в них.

Результаты сравнительного анализа позволили обнаружить половые различия в личностных характеристиках индивидов с высокими уровнями поведенческих стратегий самореализации, уравнивания и уклонения.

Установлено, что мужчины с высоким уровнем поведенческой стратегии самореализации социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как сотрудничество ($M=8,84$, $SD=2,60$ против $M=6,79$, $SD=2,60$; $p=0,004$), понимание ($M=8,72$, $SD=2,40$ против $M=6,48$, $SD=2,40$; $p<0,001$), уважение других ($M=7,76$, $SD=2,36$ против $M=6,08$, $SD=1,80$; $p=0,001$), ответственность ($M=7,28$, $SD=2,66$ против $M=5,91$, $SD=2,18$; $p=0,022$), тревожность ($M=8,56$, $SD=2,75$ против $M=5,95$, $SD=2,33$; $p<0,001$), эмоциональная лабильность ($M=8,96$, $SD=2,97$ против $M=5,95$, $SD=2,46$; $p<0,001$) и артистичность ($M=7,84$, $SD=3,14$ против $M=6,16$, $SD=2,07$; $p=0,008$). Таким образом, можно предположить, что мужчины чаще используют стратегию самореализации в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности, больше проявляют сотрудничество, с большим уважением и пониманием относятся к другим людям, ответственны, тревожны, эмоционально лабильны и артистичны в сравнении с женщинами.

Полученные результаты не находят подтверждений среди других исследований, поскольку не осуществлялось комплексного изучения половых различий в переживании социально-сравнительной ревности.

Однако несмотря на это можно выдвинуть несколько предположений о полученных результатах. В частности, наличие указанных личностных характеристик у мужчин с высоким уровнем использования поведенческой стратегии самореализации социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами может объясняться особенностью выборки исследования. Можно предположить, что выборка мужчин обладала более высокими показателями в таких личностных характеристиках, как сотрудничество, понимание, уважение других, ответственность, тревожность, эмоциональная лабильность и артистичность в сравнении с женщинами.

Использование стратегии самореализации, по мнению многих исследователей, может

быть возможно только при наличии потребности в самосовершенствовании, а также при высоком уровне самоконтроля и предусмотрительности [16]. По результатам исследования В.К. Гвоздецкой [15], можно отметить, что предусмотрительность и высокий уровень самоконтроля больше свойственны мужчинам, нежели женщинам, особенно в период перехода к ранней взрослости.

Также можно предположить, что мужчины с указанными личностными характеристиками достаточно сильно ориентированы на достижение результата и положительную оценку себя [14; 15], поэтому ситуации провокации социально-сравнительной ревности в этот период могут быть более значимыми для них и являться важным инструментом самореализации в профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ позволил выявить, что мужчины с высоким уровнем поведенческой стратегии уравнивания социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как проявление вины ($M=9,18$, $SD=2,78$ против $M=7,42$, $SD=2,08$; $p=0,025$), уважение других ($M=7,27$, $SD=1,61$ против $M=6,16$, $SD=1,52$; $p=0,040$), эмоциональная лабильность ($M=9,09$, $SD=3,64$ против $M=6,73$, $SD=3,09$; $p=0,035$), любопытство ($M=8,45$, $SD=1,80$ против $M=7,11$, $SD=1,92$; $p=0,044$) и артистичность ($M=9,45$, $SD=2,65$ против $M=6,80$, $SD=2,75$; $p=0,006$). Другими словами, мужчины, часто использующие стратегию уравнивания в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности, более уважительны по отношению к другим людям, эмоционально лабильны, любопытны, артистичны и чаще проявляют вину в сравнении с женщинами. Вероятно, мужчины с указанными личностными характеристиками более чувствительны и восприимчивы к ситуациям провокации социально-сравнительной ревности, чем женщины, поскольку в период ранней взрослости для мужчин важна ориентация на других для оценки своих достижений и результатов, связанных с построением профессионального будущего [4; 14; 15].

Статистически значимые различия обнаружены в личностных характеристиках индивидов с высоким уровнем поведенческой стратегии уклонения социально-сравнительной ревности: мужчины имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как ответственность ($M=7,82$, $SD=2,81$ против $M=6,02$, $SD=2,47$; $p=0,023$) и тревожность ($M=8,58$, $SD=2,89$ против $M=6,57$, $SD=2,92$; $p=0,023$) в сравнении с женщинами. Другими словами, мужчины, часто использующие стратегию уклонения в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности, более

ответственны и тревожны в сравнении с женщинами. Данные результаты могут объясняться тем, что мужчины в период ранней взрослости больше тревожатся из-за ситуаций социального сравнения, поскольку в этот период для мужчин важно сформировать целостное представление о своем будущем по сравнению с женщинами [3; 14]. Таким образом, тревожность и страх оценки себя как «более худшего» обуславливают реакцию ухода из ситуации провокации социально-сравнительной ревности [1; 2; 5; 11]. В этом случае для мужчин стратегия ухода из ситуации социально-сравнительной ревности может восприниматься как единственная возможность подтвердить собственную идентичность и значимость [2].

Заключение. По результатам проведенного эмпирического исследования можно сказать следующее: мужчины с высоким уровнем когнитивной социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как уважение других, ответственность, тревожность, эмоциональная лабильность. Мужчины с высоким уровнем эмоциональной социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как понимание, уважение других, ответственность, тревожность, эмоциональная лабильность, артистичность и сенситивность. Мужчины с высоким уровнем поведенческой стратегии самореализации социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как сотрудничество, понимание, уважение других, ответственность, тревожность, эмоциональная лабильность и артистичность. Мужчины с высоким уровнем поведенческой стратегии уравнивания социально-сравнительной ревности в сравнении с женщинами имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как проявление вины, уважение других, эмоциональная лабильность, любопытство и артистичность. Мужчины имеют более высокие показатели в таких личностных характеристиках, как ответственность и тревожность в сравнении с женщинами.

Литература

1. Bers, S.A. Social-Comparison Jealousy: A Developmental and Motivational Study / S.A. Bers, J. Rodin // *J. of Personal and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47, № 4. – P. 766–779.
2. Лепешко, К.В. Факторная структура личности индивидов с высокими уровнями индексов социально-сравнительной ревности / К.В. Лепешко // *Человек. Культура. Общество: материалы 17-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук Белорус. гос. ун-та, 23 апр. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Фофанова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 402–405.*
3. Buunk, B.P. Individual differences in social comparison: development of a scale of social comparison orientation / B.P. Buunk, F.X. Gibbons // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 76, № 1. – P. 129–142.
4. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб.: Питер, 2005. – С. 560–601.
5. Фурманов, И.А. Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности / И.А. Фурманов, К.В. Лепешко // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. – 2019. – № 1. – С. 91–103.
6. Tsuji, X. Standardization of the Five-Factor Personality Questionnaire / X. Tsuji. – Montreal: Canada, 1996. – P. 325.
7. McCrae, R.R. Validation of the five-factor model of personality across instruments and observers / R.R. McCrae, P.T. Costa // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – Vol. 52. – P. 81–90.
8. Хромов, А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие / А.Б. Хромов. – Курган: Курган. гос. ун-т, 2000. – 23 с.
9. Pfeiffer, S.M. Multidimensional jealousy / S.M. Pfeiffer, P.T. Wong // *Journal of social and personal relationships*. – 1989. – Vol. 6. – P. 181–196.
10. Taylor, S.E. Social Comparison, Stress, and Coping / S.E. Taylor, B.P. Buunk, L.G. Aspinwall // *Personality and social psychology bulletin*. – 1990. – Vol. 16(1). – P. 74–89.
11. Salovey, P. Coping with envy and jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *J. of Social and Clinical Psychology*. – 1988. – Vol. 7, № 1. – P. 15–33.
12. Salovey, P. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *J. of personality and social psychology*. – 1984. – Vol. 47. – P. 780–792.
13. Wood, J.V. Strategies of Social Comparison Among People With Low Self-Esteem: Self-Protection and Self-Enhancement / J.V. Wood, M. Giordano-Beech // *J. of Personality and social psychology*. – 1994. – Vol. 67, № 4. – P. 713–731.
14. Levinson, D.J. A conception of adult development / D.J. Levinson // *J. of American Psychologist*. – 1986. – Vol. 41. – P. 3–13.
15. Гвоздецкая, В.К. Психологические особенности мужчин и женщин в различные периоды возрастных кризисов / В.К. Гвоздецкая // *Sciences of Europe*. – 2016. – № 9-4. – P. 12–24.
16. Pila, E. Body-related envy: A social comparison perspective in sport and exercise / E. Pila, A. Stamiris, A. Castonguay, C.M. Sabiston // *Journal of sport and exercise psychology*. – 2014. – Vol. 36. – P. 93–106.

Поступила в редакцию 17.02.2021

Гендерная идентичность в культуре родительско-детского взаимодействия в замещающих семьях

Стреленко А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В данной статье затрагивается проблема гендерной идентичности приемных детей в культуре родительско-детского взаимодействия в замещающих семьях. В работе представлены материалы эмпирического исследования, полученного на выборке замещающих родителей (родителей-воспитателей).

Цель исследования – определение структурных особенностей Я-образов замещающих матерей, Ты-образов их приемных детей, а также выявление взаимосвязей структурных компонентов в социально-перцептивных образах и обнаружение связей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием.

Материал и методы. Материалом послужили труды зарубежных, российских и отечественных ученых, посвященные проблемам исследования социально-перцептивных образов. Для достижения сформулированной цели были использованы систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный анализ. Кроме того, применялись психодиагностические методики: «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» (В.Л. Ситников), опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми (ВРР) (И.М. Марковская), математико-статистические методы.

В исследовании приняли участие замещающие матери (N=36) в возрасте от 29 до 66 лет (M=49,08; SD=0,70). Условно все респонденты были разделены на две группы: Q1 (N=21) – матери в возрасте от 29 до 66 лет (M=47,13; SD=14,85), взаимодействующие с приемными мальчиками и описывающие образы мальчиков, и Q2 (N=15) – матери в возрасте от 35 до 57 лет (M=50,6; SD=9,89), взаимодействующие с приемными девочками и описывающие образы девочек. Исследование проводилось в декабре 2019 года и феврале 2020 года.

Результаты и их обсуждение. Итоговые показатели дают возможность говорить о имеющихся структурных особенностях в Я-образах, Ты-образах замещающих матерей, воспитывающих мальчиков и девочек. Исследование показывает связь социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием и подтверждает гипотезу о дифференциации по гендерному признаку в отношении взаимодействия замещающих матерей с приемными мальчиками и девочками подросткового возраста.

Заключение. Полученные результаты и сформулированные выводы могут быть использованы в консультативной работе специалистов социально-педагогических центров, оказывающих психологическую помощь замещающим семьям.

Ключевые слова: Я-образ, Ты-образ, гендерная идентичность, приемные дети, замещающие матери, замещающие семьи, родительско-детское взаимодействие.

Gender Identity in the Culture of Parent-Child Interaction in Forster Families

Strelenko A.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

This paper touches upon the problem of gender identity of foster children in the culture of parent-child interaction in foster families. It presents the materials of an empirical study obtained on a sample of foster parents.

The purpose of the paper is to identify the structural features of the I-images of substitute mothers, the You-images of their foster children, as well as to determine the interrelationships of the structural components in these social-perceptive images and to reveal the links between social-perceptive images and parent-child interaction.

Material and methods. The material was the works of foreign, Russian and domestic scientists devoted to the problems of the study of social-perception images. To achieve the stated goal, the following was used: systematization and conceptualization of scientific ideas, comparative analysis. The study used psychodiagnostic methods: "The structure of a person's image (hierarchical)" (V.L. Sitnikov), "A questionnaire for studying the interaction of parents with children" (I.M. Markovskaya), mathematical and statistical methods.

The study involved foster mothers (N=36), aged 29 to 66 (M=49,08; SD=0,70). Conventionally, all the respondents were divided into 2 groups: Q1 (N=21) – mothers aged 29 to 66 (M=47,13; SD=14,85), who interact with adopted boys and describe images of boys and Q2 (N=15) – mothers aged 35 to 57 (M=50,6; SD=9,89) interacting with foster girls and describing images of girls. The study was conducted in December 2019 and February 2020.

Findings and their discussion. The obtained findings make it possible to state about the existing structural features in the I-, You-images of foster mothers raising boys and girls. The study shows the relationship of social-perception images with parent-child interaction and confirms the hypothesis of gender differentiation in relation to the interaction of foster mothers with foster boys and foster girls.

Conclusion. The results and conclusions can be used in the consultative work of specialists from social and educational centers providing psychological assistance to foster families.

Key words: I-image, You-image, gender identity, foster children, foster mothers, foster families, parent-child interaction.

Не вызывает сомнения тезис о том, что роль семьи в процессе социализации ребенка весьма значима и велика. Семья – это первый социальный институт, с помощью которого ребенок усваивает социальные нормы, правила, формирует свое поведение и отношение в обществе людей. В семье ребенок начинает социализироваться и развиваться как личность, становясь носителем культуры. Благодаря семье у ребенка создается семейная идентичность для самих себя, так называемый Я-образ, и для окружающих людей, определяемый как Ты-образ.

Особый интерес для научного и прикладного рассмотрения вызывают те противоречия, которые появляются между складывающимися особенностями семейного разнообразия и теми новыми проблемами, возникновение которых связано с восприятием себя как члена таких семей. До сих пор остается актуальным вопрос взаимодействия членов как носителей культуры своей семьи, в центре которого определяется психологическая проблема понимания/непонимания [1; 2].

Ближайшее окружение ребенка – родители – начинают взаимодействовать с детьми на основании тех представлений, а точнее образов, которые возникают в их сознании с учетом предшествующего культурно-исторического опыта и тех когнитивных репрезентаций о ребенке, возникновение которых обуславливает проблему понимания в родительно-детском взаимодействии [2].

По мнению В.Л. Ситникова, непонимание друг друга в процессе такого взаимодействия может возникать в связи с разнообразными психологическими трудностями как со стороны родителей, так и со стороны детей. Но зачастую подобные проблемы появляются из-за искаженного отражения в сознании сверстников и взрослых образов ребенка. Образ ребенка в свою очередь рассматривается как целостная совокупность житейских и научных представлений о нем, комплекс социальных установок на ребенка, формирующихся в сознании человека и актуализирующихся в процессе изучения ребенка и взаимодействия с ним [3].

Семья как миниатюра человеческого общества демонстрирует определенную модель восприятия всего мира своим детям. Уподобляясь родителям, дети закрепляют аналогичное восприятие в отношении к тому миру, в котором они живут, уже через свои образы и значения. Соответственно, образ мира родителей, представляя познавательные связи предметного мира, определяет, в свою очередь, восприятие и культуру мира детей и их отношение к этому миру, к предметам, созданным руками человека, к другим людям, в том числе и к самому себе [4; 5].

Влияние родителей – один из основных социализирующих факторов, т.к. семья для ребенка – это его первый социальный мир. По результатам современных исследований [6–9] можно сказать, что дефицит родительской отзывчивости на нужды ребенка способствует возникновению у него чувства беспомощности, деформации Я-образа, что впоследствии приводит к неадекватности в формировании полоролевых образов, апатии и даже депрессии, уклонению от контактов с новыми людьми, недостатку любознательности и инициативы из-за неуверенности в собственной гендерной идентичности [10; 11].

Гендерная, или полоролевая, идентичность формируется посредством культуры и рассматривается как результат гендерной социализации. Гендерная социализация – это процесс усвоения норм, правил поведения, установок, согласующихся с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе. Под гендерной идентичностью в современной научной литературе понимается акт самосознания личности, описывающий ее переживания, восприятие себя как представителя определенного пола; глубинное психологическое ядро того, что личность как представитель пола означает для самой себя [11].

Гендерная идентичность представляет собой базовую характеристику личности, которая формируется как следствие в приобретении и закреплении личностью женских или мужских черт в процессе социализации. В ходе оформления гендерной идентичности у индивида формируются не только соответствующие ролевые и социальные аспекты, но и образ личности в целом [11].

Как подчеркивает В.Л. Ситников, в психологии было выявлено, что отец и мать выполняют различные функции в полоролевой социализации детей. Ссылаясь на работу Я.Л. Коломинского и М.Х. Мелтсас, он приводит данные о том, что отцы более избирательно относятся к ребенку в зависимости от его пола, чем матери. Они, как правило, почти не взаимодействуют ни с сыновьями, ни с дочерьми на протяжении первого года жизни. Вероятно, этому способствует устойчивое мнение, что в первые годы жизни дети, независимо от пола, отождествляют себя с матерью и демонстрируют привязанность к ней. Хотя имеются и противоположные данные о том, что уже в течение первых двух лет жизни у мальчиков развивается устойчивая привязанность к отцу, если отец реально заботится о сыне. Отцы проявляют вдвое большую активность во взаимодействии с сыновьями, чем с дочерьми. В то же время они больше утешают девочек, когда те огорчены, чаще их одобряют, чем мальчиков [5].

Матери менее избирательно относятся к детям разного пола. Они более снисходительны и терпимы к сыновьям и разрешают им в большей степени, чем девочкам, проявлять агрессию в отношении родителей и других детей. Матери предпочитают не прямые, более психологические воздействия и на сыновей, и на дочерей, в то время как отцы ориентированы чаще на физические наказания [12].

Известно, что мальчики являются более желанными детьми для родителей, особенно если речь идет о первом ребенке в семье. Этому способствует устоявшееся представление о большей социальной ценности мужчин по сравнению с женщинами [12].

Как отмечает В.Л. Ситников, родители больше тревожатся, если их сыновья ведут себя как «маменькины сынки», чем когда их дочери – «озорники». В то время как родители склонны осуждать несамостоятельность мальчиков, они позволяют девочкам быть зависимыми от других и даже одобряют это. В результате мальчики усваивают принцип, что следует рассчитывать на собственные достижения, чтобы обрести самоуважение, в то время как самоуважение девочек зависит от того, как к ним относятся другие. В поведении родителей проявляется постоянное стремление держать дочку как можно ближе к себе: на вербальном и невербальном уровнях девочке внушаются неуверенность в своих возможностях, необходимость в опоре и поддержке другого человека [5].

Один из ведущих российских ученых в области гендерной социализации И.С. Клецина говорит о том, как с раннего детства у детей в зависимости от пола формируются и закрепляются качества личности, соответствующие нормативным представлениям о маскулинности/фемининности (мужественности/женственности). У мальчиков – это активность, настойчивость, сообразительность, уверенность в себе, а у девочек – уступчивость, пассивность, зависимость. Это же касается и полоролевого поведения детей. Девочкам обычно не дают играть с солдатиками, пистолетами, мальчикам – с куклами, детской посудой. Игрушки для девочек чаще связаны с миром дома, с выполнением стереотипных действий; мальчикам чаще покупают игры, стимулирующие фантазию, сообразительность, поисковую активность [13].

Нужно отметить, что гендерные стереотипы, пожалуй, более чем другие виды стереотипов, приводят к самореализующимся пророчествам. Так, Шон Берн в книге «Гендерная психология» описывает модель самореализующихся пророчеств [14]. В соответствии с предложенной моделью гендерные стереотипы влияют на:

– то, чему родители приписывают школьные успехи своих детей (способностям или старательности);

– эмоциональные реакции родителей на успехи детей в разных областях знаний;

– то значение, которое родители придают приобретению своими детьми различных навыков и знаний;

– те советы, которые дают родители по поводу приобретения детьми различных навыков и знаний;

– те виды деятельности, в которые родители вовлекают своих детей. И на те игрушки, которые они им покупают.

Эти пять факторов, в свою очередь, влияют на уверенность детей в своих способностях; заинтересованность детей в приобретении различных навыков; эмоциональные реакции (чувства) детей при участии в различных видах активности; суммарное количество времени и сил, которые дети будут посвящать освоению и демонстрации различных навыков [5].

В дальнейшем эти различия в самовосприятии и полученных навыках, сформировавшиеся под влиянием родительских ожиданий, будут оказывать воздействие на процесс профессионального и личностного самоопределения, на образ Я.

Нужно сказать, что образ себя, или образ Я, неоднократно раскрывался как в зарубежной, так и отечественной психологии [15; 16]. Однако исследования по изучению образов ребенка, которого принимают в замещающие семьи, еще не получили глубокого и содержательного анализа в психологической науке.

С целью изучения гендерной идентичности в культуре родительско-детского взаимодействия нами были исследованы социально-перцептивные образы приемных мальчиков и девочек в сознании их замещающих матерей, а также определены взаимосвязи социально-перцептивных образов с родительским взаимодействием.

Цель исследования – определение структурных особенностей Я-образов замещающих матерей, Ты-образов их приемных детей, а также выявление взаимосвязей структурных компонентов в социально-перцептивных образах и обнаружение связей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на курсах приемно-замещающих родителей в государственном учреждении дополнительного образования взрослых «Витебский областной институт развития образования». Выборку составили замещающие матери N=36 человек в возрасте от 29 до 66 лет (M=49,08; SD=0,70). Все респонденты – это родители с различным ста-

жем работы в должности приемного родителя (родитель-воспитатель). Исследование осуществлялось после установления эмоционального контакта и анонимно, что способствовало снижению страха, тревожности, социальной желательности. Условно все респонденты были разделены на две группы: Q1 (N=21) – мамы в возрасте от 29 до 66 лет (M=47,13; SD=14,85), взаимодействующие с приемными мальчиками и описывающие образ мальчика, и Q2 (N=15) – мамы в возрасте от 35 до 57 лет (M=50,6; SD=9,89), взаимодействующие с приемными девочками и описывающие образ девочки. Исследование проводилось в декабре 2019 года и феврале 2020 года и включало в себя предъявление двух методик. В частности, вербальная и невербальная части методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», разработанной В.Л. Ситниковым [5]; опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми (BPP), разработанный И.М. Марковской [17].

Описываемые образы приемных детей (мальчиков и девочек) – такие варианты, как образы абстрактных детей, Ты-образы приемных детей, Ты-образы приемных детей в будущем. Также изучался Я-образ матерей мальчиков и Я-образ матерей девочек.

Результаты и их обсуждение. Анализ образов был проведен по показателям 13 структурных характеристик. В структуре материнских представлений об образах их приемных детей были выделены следующие группы характеристик, такие как когнитивный компонент, включающий интеллектуальные (и), социальный интеллект (ис) и метафорические (м) характеристики; регулятивный компонент, состоящий из волевых (в), телесных (т) и эмоциональных (э) характеристик; конативный компонент, содержащий социальные (с), деятельностьные (д), конвенциональные (к) и поведенческие (п) характеристики; характеристики, отражающие различную модальность: позитивные (+), нейтральные или амбивалентные (=), негативные (-) [5].

На основании проведенного эмпирического исследования с помощью методики «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая), частотного словаря, метода контент-анализа были получены следующие данные. Преобладающими в изучаемых образах являются социальные и эмоциональные характеристики. Они занимают первые и вторые лидирующие места как в Я-образах группы матерей мальчиков и девочек, так и в детских образах. Изменения в ранжировании можно наблюдать начиная с третьего и последующих ранговых мест распределения структурных компонентов образов. Так, в Я-образах группы матерей мальчиков третье ранговое место занимают

конвенциональные характеристики, а в Я-образах группы матерей девочек аналогичное место занимают волевые характеристики. По нашему мнению, мамы мальчиков в своем образе больше склонны отражать общепринятые характеристики, а мамы девочек ориентированы в своем образе на личностно-волевые характеристики, которые связаны с усердием, старанием, некоторым напряжением.

Следует отметить, что детские образы имеют как отличия, так и подобия. Так, образы абстрактного ребенка в представлениях двух групп матерей имеют идентичные показатели по первым шести ранговым местам. Такая особенность нами объясняется тем, что образы детей независимо от их половой принадлежности определяются в сознании взрослого не как биологическая особенность, в частности половая, а как культурологическая составляющая, как данность, основу которой составляет общество, общественные социальные институты, культура, общение и взаимодействие с другими людьми, благодаря чему человек развивается как личность и благодаря чему формируются культурные ценности, одной из которых являются семья и дети.

При сравнении Ты-образов приемных детей в выборке матерей мальчиков с аналогичным образом в выборке матерей девочек также обнаруживаются подобия по первым ранговым местам. По последующему распределению можно отметить разницу лишь в том, что в Ты-образах приемного ребенка в выборке матерей мальчиков представительнее будут показатели по когнитивной и конативной группам, а в выборке матерей девочек – лишь по когнитивной группе структурных характеристик образов.

Что касается образа приемного ребенка в будущем, то в выборке матерей мальчиков он вообще не отличается от предыдущего Ты-образа приемного ребенка и фактически является его прямым отражением. В выборке же матерей девочек пусть и незначительные, но все же имеются изменения при сравнении последующих ранговых мест.

Несмотря на то, что в выборке матерей девочек аналогично выборке матерей мальчиков три первых ранговых места повторяются, все-таки образ ребенка в будущем по своему распределению по сравнению с аналогичным сопоставлением выборки матерей мальчиков, в выборке матерей девочек больше похож на распределение структуры в их собственных Я-образах. Можно предположить, что приемных дочерей замещающие матери будут стараться воспитывать по своему подобию, так как они представляют самих себя.

Вместе с тем нами были проанализированы соотношения характеристик разной модальности в изучаемых образах (рисунок 1).

Как видно из рисунка 1, в Я-образах респондентов выборки матерей девочек несколько меньше положительных и чуть больше отрицательных характеристик по сравнению с аналогичным образом в выборке матерей мальчиков.

Вместе с тем самым очевидным элементом в Ты-образах приемных детей по сравнению с другими детскими образами имеют преобладание отрицательных характеристик. Причем больше таких характеристик в представлениях матерей девочек (Q2). Также по сравнению со всеми остальными описываемыми образами в представлениях матерей девочек в образах приемного ребенка существенно меньше положительных характеристик.

Кроме того, важно отразить некоторые общие тенденции, отмечающиеся по модальным характеристикам образов. Так, Ты-образы приемных детей независимо от половой принадлежности по сравнению с остальными образами имеют больше отрицательных и меньше положительных характеристик. В свою очередь Ты-образ этих же детей в будущем, по представлениям замещающих матерей, должен стать значительно луч-

шим не только по сравнению с ним теперешним, но и существенно лучшим, чем они являются сами. Фактически таким эталоном, правда, с чуть меньшим набором нейтральных характеристик, для них будет образ абстрактного ребенка. Как видно из рисунка 1, образ абстрактного ребенка весьма похож на образ реального приемного ребенка в будущем. И совершенно не похож на образы как реального приемного ребенка в настоящем, так и на Я-образы замещающих мам. Отсюда возникает один вопрос о том, принципиальна ли половая принадлежность реального ребенка при определении его в замещающую семью? Возможно, что на родительский выбор в определении приемных детей влияют социальные установки, гендерные стереотипы и половые или какие-либо иные пред-
рассудки.

В дальнейшем данные были подвергнуты математико-статистическому анализу. В отношении полученных результатов по вербальной методике «СОЧ(И)» первоначально была использована описательная статистика. Так как изучаемый признак (структурные характеристики образов) не имеет нормального распределения, нами был использован непараметрический U-критерий Манна – Уитни (программа SPSS Statistics 23). При проверке гипотезы о различиях структурных

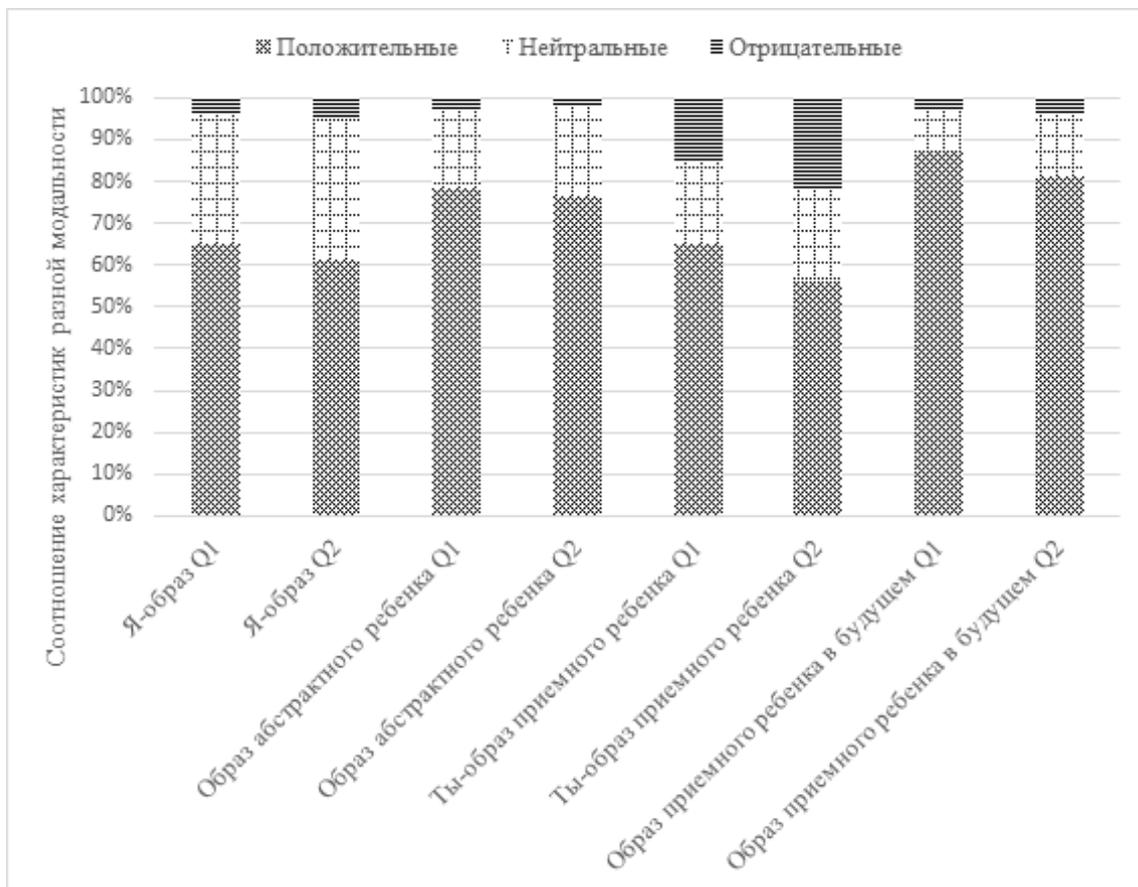

Рисунок 1 – Соотношение характеристик разной модальности в структурах образов приемных матерей (N=36)

компонентов изучаемых образов были обнаружены два показателя. Так, различия определяются только в Я-образах замещающих матерей, в частности при сравнении телесных характеристик ($U=0,052$ при $p \leq 0,05$) и при сравнении метафорических характеристик ($U=0,038$ при $p \leq 0,05$) в двух выборках. Показатели по сравнению структуры в детских образах находятся на уровне $p > 0,05$. Следовательно, статистических различий по детским образам выявлено не было.

Следующим этапом нашей работы являлось определение взаимосвязей показателей по шкалам методики взаимодействия родителей с детьми, которая была разработана И.М. Марковской. Полученные результаты были проанализированы с позиции повышения или понижения значений.

Так как две группы матерей описывали образы мальчиков и девочек подростков, полученные результаты соотносились с процентильной стандартизацией опросника ВРР на выборке старшеклассников (100 чел.).

Как следует из таблицы 1, в группе матерей мальчиков 90% отражают принятие и последовательность в отношениях со своими детьми, а в группе матерей девочек 87% демонстрируют принятие своих детей. При сравнении показателей шкал методики ВРР можно отметить, что по сравнению с матерями девочек мамы мальчиков менее требовательны к своим детям, однако они более строги по отношению к ним. В свою очередь как мамы мальчиков, так и мамы девочек практически одинаково контролируют своих детей. Что касается близости, то ее повышение отмечается в группе мам девочек, т.е. мамы девочек считают, что они более эмоционально близки со своими детьми, чем мамы мальчиков. Однако мамы мальчиков предполагают, что они больше сотрудничают со своими детьми. Согласие между родителями и детьми отражают больше мамы девочек, зато авторитетность обнаруживается больше у мам мальчиков. Также важно отметить, что удовлетворенность от общения со своими

Таблица 1 – Результаты показателей абсолютной частоты по шкалам ВРР (N=36)

Шкалы ВРР	Абсолютная частота повышения				Абсолютная частота понижения			
	Q1 (N=21)		Q2 (N=15)		Q1 (N=21)		Q2 (N=15)	
Требовательность	10	48%	7	47%	11	52%	5	33%
Строгость	10	48%	5	33%	8	38%	5	33%
Контроль	14	67%	10	67%	6	29%	5	33%
Близость	16	76%	12	80%	5	24%	2	13%
Принятие	19	90%	13	87%	2	10%	2	13%
Сотрудничество	17	81%	10	67%	4	19%	5	33%
Согласие	10	48%	8	53%	7	33%	2	13%
Последовательность	19	90%	12	80%	2	10%	2	13%
Авторитетность	14	67%	9	60%	6	29%	6	40%
Удовлетворенность	17	81%	10	67%	3	14%	5	33%
Σ	146		96		54		39	

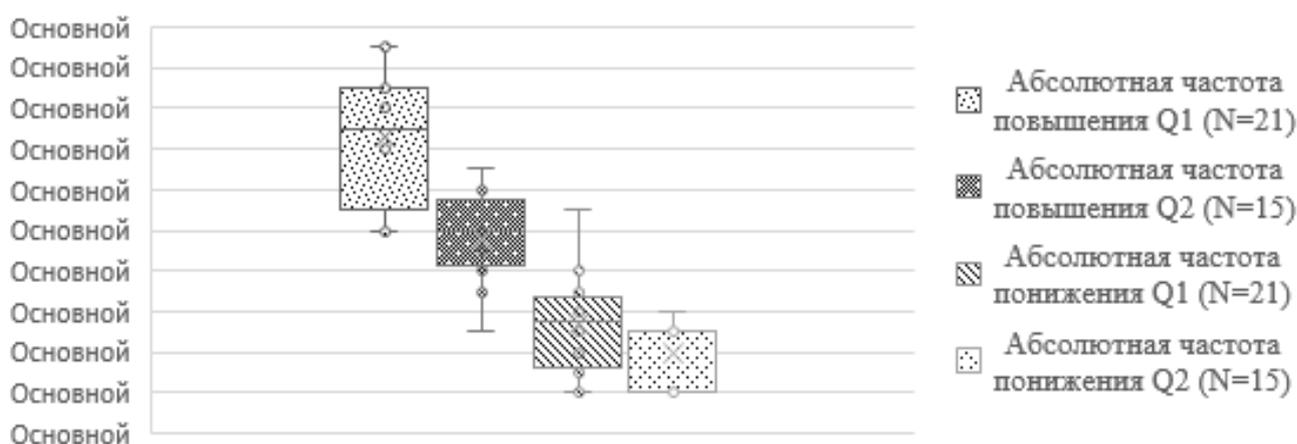

Рисунок 2 – Соотношение показателей абсолютной частоты по шкалам ВРР (N=36)

детьми отмечается в сторону повышения у матерей мальчиков, мамы девочек менее удовлетворены взаимодействием со своими детьми.

Впоследствии полученные данные были подвергнуты статистическому анализу. Нас интересовали следующие вопросы: во-первых, все ли испытуемые принадлежат одной генеральной совокупности; во-вторых, есть ли достоверные различия в показателях повышения и понижения изучаемых переменных по методике ВРР в выборках замещающих матерей.

Первая гипотеза проверялась с помощью критерия Ливиня. В первом варианте анализа проходила проверка гипотезы на принадлежность одной генеральной совокупности двух групп испытуемых. Так как $r_{\text{Ливиня}} = 0,132$, то есть $p > 0,05$, то дисперсии сравниваемых распределений по параметру повышения показателей статистически достоверно не различаются. Аналогичный вывод можно сделать и по параметру понижения показателей. Так, $r_{\text{Ливиня}} = 0,220$, то есть $p > 0,05$, следовательно, дисперсии по изучаемому параметру статистически не различаются. Таким образом, можно отметить, что две изучаемые выборки относятся к одной генеральной совокупности, т.е. гомогенны.

Вторая гипотеза проверялась с помощью результатов, представленных на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, показатели по абсолютной частоте повышения имеют максимальные значения 19 баллов и преобладают в группе Q1, минимальный показатель в этой выборке – 10 баллов. В группе Q2 максимальные значения – 13 баллов, а минимальные значения – 5 баллов. Верхний квартиль в группе Q1 – 17 баллов, а в группе Q2 –

11,5 балла. Нижний квартиль в группе Q1 – 11 баллов, а в группе Q2 – 8,2 балла. Медиана в группе Q1 составила 15 баллов, а в группе Q2 – 10 баллов.

Показатели по абсолютной частоте понижения имеют максимальные значения 11 баллов и преобладают в группе Q1, минимальный показатель в этой выборке – 2 балла. В группе Q2 максимальные значения – 6 баллов, минимальный показатель – 2 балла. Верхний квартиль в группе Q1 – 7 баллов, в группе Q2 – 5 баллов. Нижний квартиль в группе Q1 – 3 балла, в группе Q2 – 2 балла. Медиана в группе Q1 составила 5,5 балла, а в группе Q2 – 5 баллов.

Так как изучаемый признак не имеет нормального распределения, для проверки гипотезы о статистическом различии в показателях повышения и понижения абсолютной частоты по методике ВРР, нами был использован U-критерий Манна – Уитни.

Так как $U = 0,005$ при $p \leq 0,05$ принимается альтернативная гипотеза о наличии достоверных различий между группами Q1 и Q2 по показателю абсолютной частоты повышения значений. Иной вывод можно сделать по параметру понижения показателей. Так как $U = 0,173$ при $p > 0,05$ принимается гипотеза об отсутствии достоверных различий между группами Q1 и Q2 по показателю абсолютной частоты понижения значений. Следовательно, результаты по параметру повышения показателей методики ВРР двух групп испытуемых различаются между собой, по параметру понижения показателей – не различаются между собой.

Следующим этапом в нашей работе стало определение взаимосвязей структуры образов

Таблица 2 – **Описательные статистики и корреляции между показателями структуры Я-образов и родительско-детским взаимодействием (N=36)**

Структура образов	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q1										
Поведенческие	0,61 (0,86)	0,45*	0,48*	1						
Социальные	9,42 (3,7)	0,43*			1					
Телесные	1,42 (1,12)	-0,48*				1				
Эмоциональные	5,61 (3,27)	0,59**					1			
Положительные	11,71 (4,87)	0,61**						1		
Отрицательные	0,76 (1,13)	-0,50*							1	
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q2										
Деятельностные	1,93 (1,83)	-0,60*	-0,63*	1						
Социальные	9,33 (2,09)	-0,57*	-0,53*		1					
Метафорические	2,13 (2,69)	0,78**	0,70**			1				
Нейтральные	6,6 (3,83)	0,62*					1			

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

и взаимодействия матерей с приемными детьми. Была сформулирована гипотеза о том, что имеется статистическая зависимость между признаками структурных компонентов изучаемых образов и шкалами методики ВРР. На основании статистического анализа, проведенного с помощью критерия Спирмена, было получено большое количество корреляций. Так, при сопоставлении Я-образа замещающих матерей с особенностями родительско-детского взаимодействия в двух группах матерей отмечается 14 корреляций: 6 – отрицательных и 8 – положительных (таблица 2).

Из таблицы 2 следует, что только по социальным структурным компонентам отмечаются повторения. По остальным структурным элементам можно определить особенности самосознания. Так, в группе матерей мальчиков будут устанавливаться конативные и регулятивные структурные элементы самосознания, а в группе матерей девочек – конативные и когнитивные структурные элементы самосознания. Соответственно, в своих Я-образах при взаимодействии с приемным ребенком замещающие матери, скорее всего, по-разному будут выстраивать свое поведение. Мамы мальчиков при отражении себя больше со-

средотачиваются на эмоциональном компоненте, а мамы девочек – больше ориентируются на рациональном, рефлексивном.

Более наглядно корреляции Я-образов с родительско-детским взаимодействием отражены на рисунке 3.

Как видно из рисунка 3, в Я-образах замещающих матерей корреляции определяются по 7 шкалам методики ВРР и 9 характеристикам их Я-образов. При групповом сравнении отмечается больше корреляций в Я-образах матерей мальчиков. Повторяющаяся переменная по социальным характеристикам отмечается в двух группах респондентов, однако эти показатели коррелируют с разными типами родительского взаимодействия. Так, в Я-образах матерей мальчиков социальная характеристика взаимосвязана с показателем шкалы согласия, а в Я-образах матерей девочек аналогичная структурная характеристика образа коррелирует с показателем шкалы авторитетности. При проверке χ^2 -статистики о связи социальной характеристики образа с согласием определяется связь на уровне $\chi^2=0,194$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи социаль-

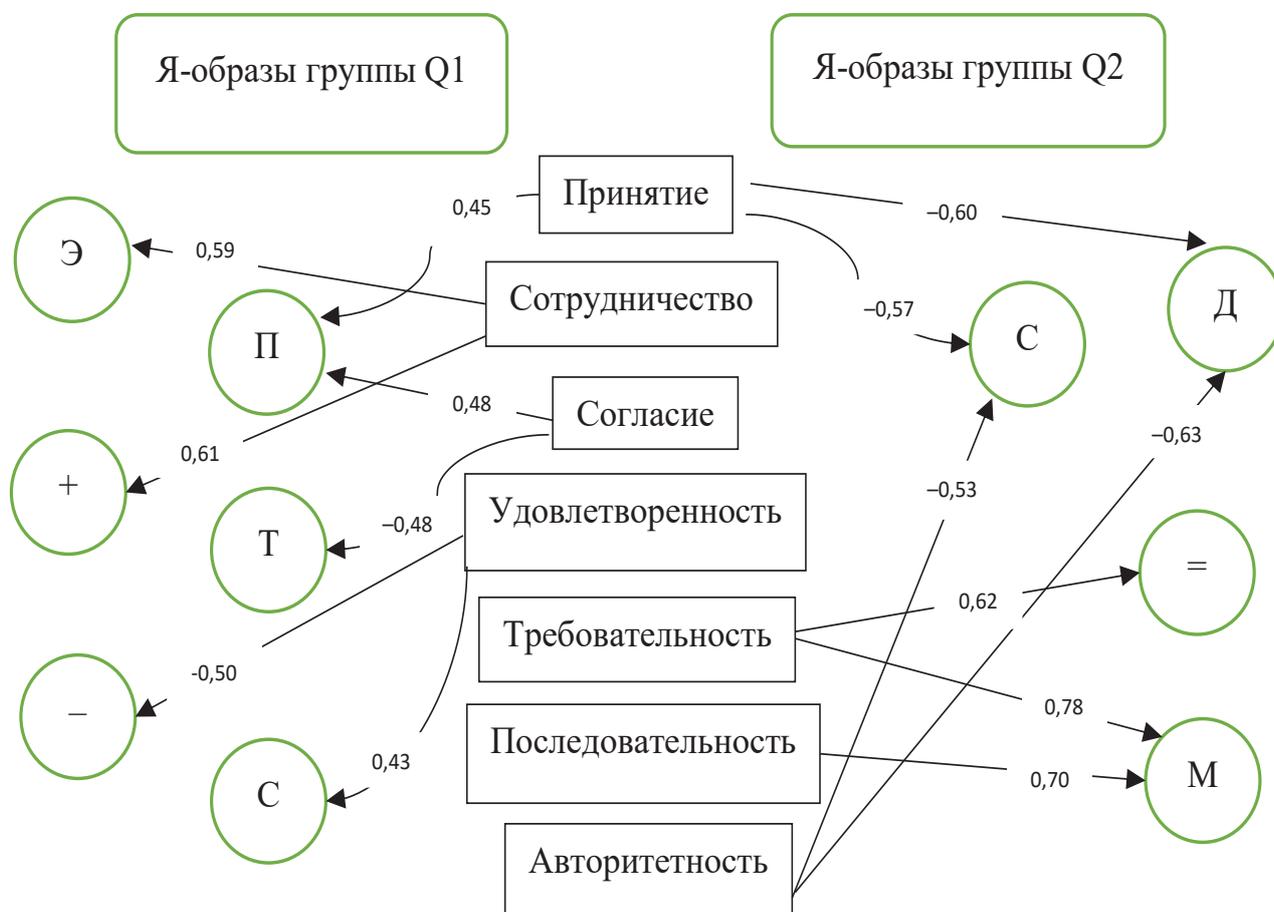

Рисунок 3 – Результаты корреляционного анализа по структуре Я-образов и показателям ВРР

ной характеристики образа с авторитетностью устанавливается связь на уровне $\chi^2=0,402$ – это означает, что статистически значимая связь между переменными есть.

В то же время в отражении самих себя матери мальчиков ориентируются на принятие, сотрудничество, согласие, удовлетворенность. А мамы девочек в восприятии самих себя сосредоточены на требовательности, последовательности, авторитетности и принятии. Важно отметить, что все мамы отражают принятие ребенка, т.е. мамы сосредоточены на принятии личностных качеств и поведенческих проявлений приемных детей. В выборке матерей мальчиков эта шкала коррелирует с поведенческими структурными компонентами их образов, а в выборке матерей девочек аналогичная тенденция обнаруживается в отношении деятельностных и социальных характеристик их образов. Возможно, что мамы девочек будут активно включать своих детей в разнообразные виды социальной активности и деятельности, формируя таким образом свою родительскую авторитетность, силу своего родительского влияния на ребенка. В отличие от матерей девочек, мамы мальчиков заметно ориентированы на вариативные репертуары поведения и эмоциональное реагирование во взаимодействии, что является важной составляющей в развитии эмоционально-чувственной сферы личности ребенка. По сравнению с матерями девочек мамы мальчиков отмечают установку на согласие с ребенком, причем чем выше согласие, тем ниже значение физических характеристик мальчиков, и наоборот, чем меньше согласия в отношениях, тем выше значение телесных характеристик.

Таким образом, в отражении самих себя мамы мальчиков более демократичны и спонтанны, что является лучшим вариантом в адаптации к новой и трудной ситуации для приемного ребенка. Мама девочек более категоричны и социально ориентированы. В отношении маленьких детей такая родительская позиция оправдана, т.к. ребенок еще психически не зрел. Другая ситуация, когда мама общается в категоричной форме с девочкой-подростком или девушкой, что фактически предопределяет напряженные отношения и конфликты.

Далее мы провели сопоставительный анализ полученных корреляций по образу абстрактного (любого) ребенка в двух группах замещающих матерей (таблица 3).

Из таблицы 3 видно, что в двух группах матерей повторяющимися являются социальные и метафорические характеристики образов абстрактных детей. Вслед за В.Л. Ситниковым, социальные категории образов мы рассматриваем через особенности поведения личности как субъекта родительско-детского взаимодействия [5]. В свою очередь метафорические характеристики посредством культуры, философии, искусства, языка отражают особую форму человеческого бытия. Возможно, что наличие метафорических характеристик в представлениях матерей о детях является доводом в пользу идеи о намечающемся, предполагаемом образе, на основании чего под воздействием общения и взаимодействия с детьми выстраиваются более конкретные и реальные их образы.

Более наглядно корреляции образов абстрактных детей с родительско-детским взаимодействием отражены на рисунке 4.

Таблица 3 – Описательные статистики и корреляции между показателями структуры образа абстрактного ребенка и родительско-детским взаимодействием (N=36)

Структура образов	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q1										
Волевые	2,52 (1,69)	0,55*	0,43*	1						
Интеллектуальные	2,76 (1,51)	0,53*	0,54*		1					
Социальные	7,23 (3,43)	0,59*				1				
Метафорические	0,42 (1,07)	-0,52*					1			
Положительные	13,57 (5,23)	0,62**	0,65**					1		
Отрицательные	0,47 (1,12)	-0,53*							1	
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q2										
Социальные	6,8 (3,0)	-0,53*		1						
Эмоциональные	6,13 (2,53)	-0,59*			1					
Метафорические	1,4 (2,29)	0,70**				1				

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Как следует из рисунка 4, в образах абстрактного ребенка корреляции определяются по 5 шкалам методики ВРР и 7 характеристикам образов абстрактного ребенка. При попарном сравнении больше корреляций отмечается в образах абстрактного ребенка у матерей мальчиков. Повторяющиеся переменные по социальным и метафорическим характеристикам отмечаются в двух группах респондентов, однако эти показатели коррелируют с разными типами родительского взаимодействия. Так, в образе абстрактного ребенка мам мальчиков социальная характеристика коррелирует с показателем шкалы сотрудничества, а в образах абстрактного ребенка мам девочек – с показателем шкалы согласия. При проверке гипотезы о связи социальной характеристики образа абстрактного ребенка с сотрудничеством был определен показатель на уровне $\chi^2=0,611$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке гипотезы о связи социальной характеристики с согласием был установлен показатель $\chi^2=0,393$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

Также в образе абстрактного ребенка мам мальчиков метафорическая характеристика коррелирует с показателем шкалы принятия, а в образах абстрактного ребенка мам девочек – с показателем шкалы согласия. При проверке χ^2 -статистики о связи метафорической характе-

ристики образа абстрактного ребенка с принятием был определен показатель $\chi^2=0,787$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи метафорической характеристики образа абстрактного ребенка с согласием был установлен показатель $\chi^2=0,173$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

Вместе с тем, по сравнению с мамами девочек, мамы мальчиков воспринимают неопределенного ребенка с большим разнообразием, отражая в нем интеллектуальные, регулятивные, модальные компоненты. Мамы девочек не так разнообразны в описаниях, скорее, наоборот, более типично отражают образ абстрактного ребенка. Возможно, это связано с имеющимся стереотипным представлением о женщине в обществе, культуре, искусстве, посредством чего было сформировано стереотипное восприятие женского образа. Например, женщинам в сравнении с мужчинами приписывают большую эмоциональную выразительность и восприимчивость, в большей степени развитость образного восприятия и познания, глубину внутренних переживаний [18].

Отрицательная корреляция эмоциональной характеристики с сотрудничеством, при понижении показателей сотрудничества, вслед за И.М. Марковской, определяется нами как результат отражения нарушенных отношений, авторитарного, безразличного или попустительского стиля

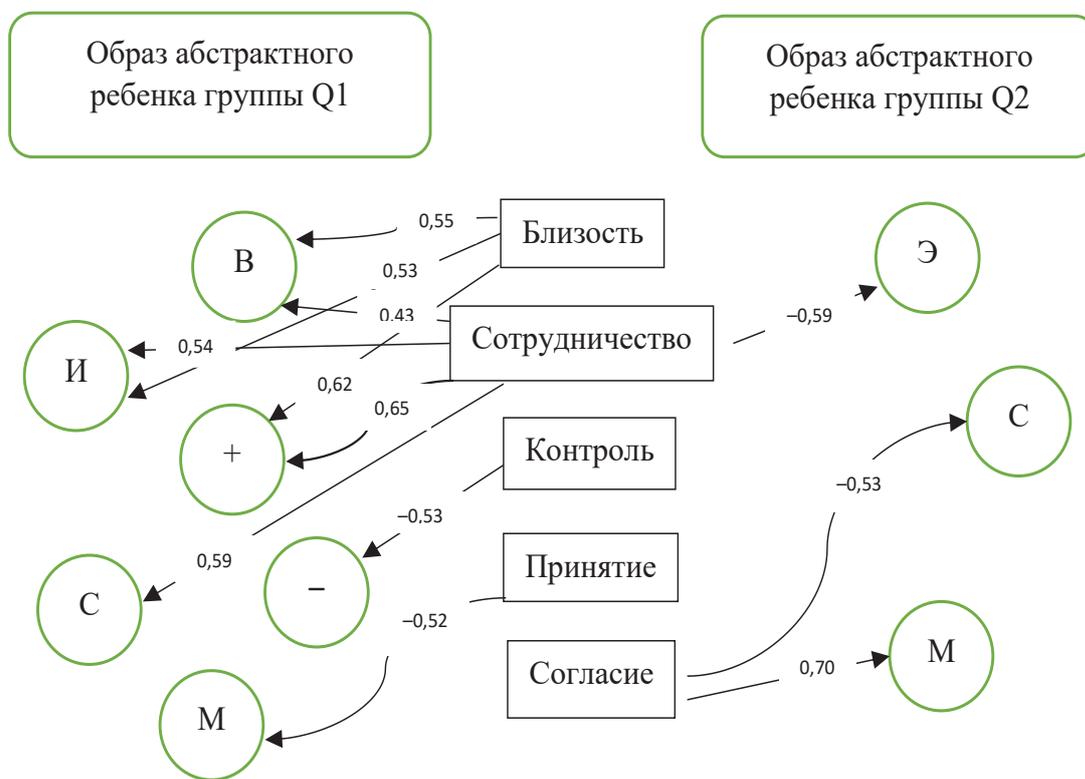

Рисунок 4 – Результаты корреляционного анализа по структуре образов абстрактных детей и показателям ВРР

воспитания и, как следствие, увеличивает эмоциональное напряжение в отношениях. При обратном варианте корреляций способствует нормализации эмоционального фона во взаимоотношениях, а также увеличивает вероятность доверительных, благополучных отношений. Возможно, что подобное восприятие абстрактного ребенка матерями девочек отражается на основании собственного опыта семейных отношений в прошлом.

В дальнейшем мы проанализировали показатели корреляционного анализа двух групп замещающих матерей по Ты-образам приемного ребенка (таблица 4).

Из таблицы 4 видно, что в двух группах матерей повторяющимися являются волевые, деятельностные, социальные, телесные, отрицательные характеристики в Ты-образе реальных приемных детей.

Более наглядно корреляции Ты-образов приемных детей с родительско-детским взаимодействием отражены на рисунке 5.

Как следует из рисунка 5, в образах реальных приемных детей корреляции определяются по 8 шкалам методики ВРР и 11 характеристикам Ты-образов приемных детей. При сравнении структурных компонентов детских образов отмечаются повторяющиеся переменные по социальным, волевым, телесным, деятельностным, отри-

цательным характеристикам, показатели которых коррелируют с разными типами родительского взаимодействия. Так, в Ты-образе приемного ребенка матерей мальчиков социальная характеристика взаимосвязана с показателем шкалы требовательности, а в Ты-образе матерей девочек эта же характеристика образов – с показателем шкалы авторитетности. При проверке χ^2 -статистики о связи социальной характеристики Ты-образа приемного ребенка с требовательностью был определен показатель на уровне $\chi^2=0,351$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи социальной характеристики Ты-образов ребенка с авторитетностью был установлен показатель $\chi^2=0,513$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

В Ты-образе приемного ребенка матерей мальчиков волевая характеристика коррелирует с показателем шкалы строгости, а в Ты-образе матерей девочек – с показателем шкалы требовательности. При проверке χ^2 -статистики о связи волевой характеристики со строгостью был определен показатель $\chi^2=0,389$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи волевой характеристики Ты-образов ребенка с требовательностью был установлен показатель $\chi^2=0,307$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

Таблица 4 – Описательные статистики и корреляции между показателями структуры Ты-образов приемного ребенка и родительско-детским взаимодействием (N=36)

Структура образов	М (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q1										
Волевые	2,9 (1,37)	-0,58*	0,46*	1						
Деятельностные	1,76 (1,3)	0,46*			1					
Интеллектуальные	2,66 (1,82)	-0,50*				1				
Социальные	8,71 (2,61)	-0,48*					1			
Телесные	2,619 (2,62)	0,50*						1		
Положительные	11,19 (4,66)	0,54*	0,53*						1	
Отрицательные	2,66 (2,26)	-0,58*								1
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q2										
Волевые	3,21 (1,8)	0,53*		1						
Деятельностные	1,92 (1,73)	0,72**			1					
Социальные	8,28 (3,02)	0,60*				1				
Телесные	2,92 (1,97)	0,55*					1			
Эмоциональные	6,21 (2,25)	0,64**						1		
Метафорические	1,42 (3,05)	0,52*							1	
Нейтральные	4,07 (3,58)	0,65**								1
Отрицательные	3,85 (3,41)	-0,59*								

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

В Ты-образе приемного ребенка матерей мальчиков телесная характеристика коррелирует с показателем шкалы удовлетворенности, а в Ты-образе матерей девочек – с показателем шкалы контроля. При проверке χ^2 -статистики о связи телесной характеристики с удовлетворенностью был определен показатель $\chi^2=0,10$ – это означает, что статистически значимой связи нет. При проверке χ^2 -статистики о связи телесной характеристики Ты-образов ребенка с контролем был установлен показатель $\chi^2=0,455$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

В Ты-образе приемного ребенка матерей мальчиков деятельностная характеристика коррелирует с показателем шкалы близости, а в Ты-образе матерей девочек – с показателем шкалы удовлетворенности. При проверке χ^2 -статистики о связи деятельностной характеристики с близостью был определен показатель $\chi^2=0,269$ – это означает, что статистически значи-

мая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи деятельностной характеристики с удовлетворенностью был установлен показатель $\chi^2=0,027$ – это означает, что статистически значимой связи нет.

В Ты-образе приемного ребенка матерей мальчиков отрицательная характеристика коррелирует с показателем шкалы строгости, а в Ты-образе матерей девочек – с показателем шкалы требовательности. При проверке χ^2 -статистики о связи отрицательной характеристики со строгостью был определен показатель $\chi^2=0,851$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи отрицательной характеристики с требовательностью был установлен показатель $\chi^2=0,453$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

Таким образом, при проверке статистически значимых связей структурных компонентов Ты-образов приемных детей с родительско-детским взаимодействием не подтверждаются толь-

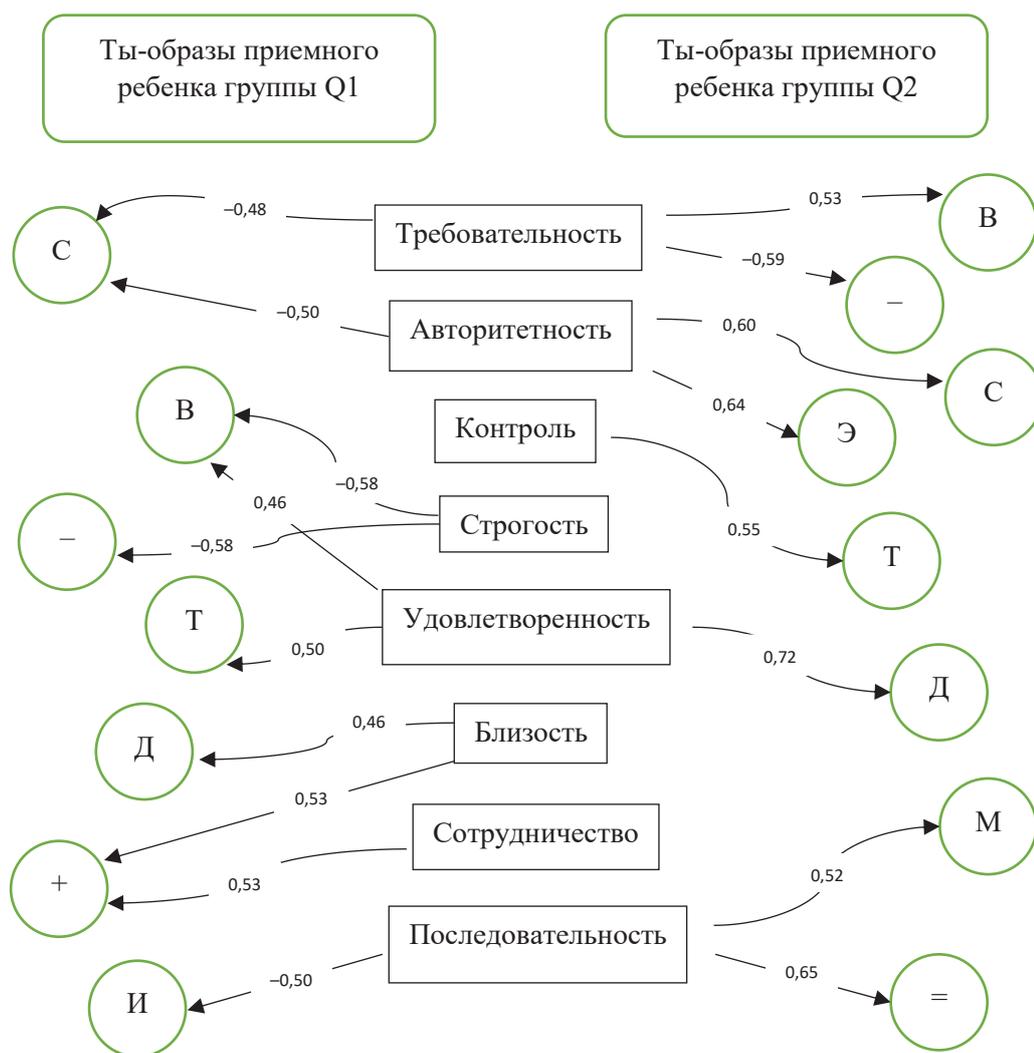

Рисунок 5 – Результаты корреляционного анализа по Ты-образам приемных детей и показателям ВРР

ко 2 связи. Это взаимосвязь между телесной характеристикой Ты-образов приемного ребенка и шкалой удовлетворенности матерей мальчиков и взаимосвязь между деятельностной характеристикой Ты-образов приемного ребенка и шкалой удовлетворенности матерей девочек.

Следует также отметить, что по сравнению с предыдущими образами, а именно Я-образами замещающих матерей и образами абстрактного ребенка, Ты-образы приемного ребенка более разнообразны по своей структуре и фактически имеют одинаковую наполняемость относительно друг друга.

Еще один вариант сравнения образов по результатам корреляционного анализа представлен в таблице 5. Нами были выявлены 20 корреляций. Из них в Ты-образах приемного ребенка в будущем матерей мальчиков – 9 корреляций и все они положительные. В Ты-образах приемного ребенка в будущем матерей девочек определено 11 корреляций, из них 3 – отрицательные, 8 – положительных.

Из таблицы 5 видно, что в двух группах матерей повторяющимися являются деятельностные, социальные, телесные, положительные характеристики в Ты-образах приемных детей в будущем.

Более наглядно корреляции Ты-образов приемных детей в будущем с родительско-детским взаимодействием отражены на рисунке 6.

Как следует из рисунка 6, в образах абстрактного ребенка корреляции определяются по 8 шкалам методики VPP и 11 характеристикам Ты-образов приемного ребенка в будущем. При сравнении структурных компонентов детских образов в будущем отмечаются повторяющиеся переменные по телесным, деятельностным, положительным, социальным характеристикам, показатели которых коррелируют с разными типами родительского взаимодействия. Так, в Ты-образах приемного ребенка в будущем группы матерей мальчиков телесная характеристика коррелирует с показателем шкалы удовлетворенности, а в Ты-образах приемного ребенка в будущем у матерей девочек эта же характеристика образов взаимосвязана с показателем шкалы авторитетности. При проверке χ^2 -статистики о связи телесной характеристики Ты-образа приемного образа ребенка в будущем с удовлетворенностью у матерей мальчиков был определен показатель на уровне $\chi^2=0,051$ – это означает, что статистически значимой связи нет. При проверке χ^2 -статистики о связи телесной характеристики Ты-образов ребенка в будущем с авторитетностью был установлен показатель $\chi^2=0,752$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

В Ты-образе приемного ребенка в будущем группы матерей мальчиков деятельностная харак-

Таблица 5 – Описательные статистики и корреляции между показателями структуры Ты-образа приемного ребенка в будущем и родительско-детским взаимодействием (N=36)

Структура образов	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q1										
Волевые	2,61 (1,93)	0,44*	0,53*	1						
Деятельностные	1,38 (1,28)	0,66*			1					
Социальные	8,61 (3,63)	0,53*				1				
Телесные	1,8 (2,2)	0,48*	0,54*				1			
Положительные	13,66 (6,15)	0,43*	0,48*					1		
Нейтральные	1,33 (1,49)	0,57*							1	
Стили родительско-детского взаимодействия группы Q2										
Деятельностные	1,92 (0,91)	0,62*		1						
Интеллектуальные	2,78 (1,76)	-0,53*			1					
Конвенциональные	0,57 (0,85)	0,51*				1				
Социальные	7,92 (2,49)	-0,62*	0,55*	0,74**			1			
Телесные	1,92 (1,73)	0,54*						1		
Эмоциональные	5,35 (2,79)	-0,62*							1	
Метафорические	0,64 (1,49)	0,58*								1
Положительные	13,64 (4,12)	0,53**								
Отрицательные	0,64 (1,33)	0,66**								

Примечание: ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

теристика коррелирует с показателем шкалы близости, а в Ты-образах приемного ребенка в будущем у матерей девочек эта же характеристика образов взаимосвязана с показателем шкалы удовлетворенности. При проверке χ^2 -статистики о связи деятельности характеристики Ты-образов приемного образа ребенка в будущем с удовлетворенностью у матерей мальчиков был определен показатель на уровне $\chi^2=0,465$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи телесной характеристики Ты-образов ребенка в будущем с авторитетностью был установлен показатель $\chi^2=0,188$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

В Ты-образе приемного ребенка в будущем группы матерей мальчиков положительная характеристика коррелирует с показателем шкалы близости, а в Ты-образе матерей девочек эта же характеристика образов взаимосвязана с по-

казателем шкалы авторитетности. При проверке χ^2 -статистики о связи положительной характеристики Ты-образа приемного образа ребенка в будущем с близостью у матерей мальчиков был определен показатель на уровне $\chi^2=0,149$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи положительной характеристики Ты-образов ребенка в будущем с авторитетностью был установлен показатель $\chi^2=0,517$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

В Ты-образе приемного ребенка в будущем группы матерей мальчиков социальная характеристика коррелирует с показателем шкалы сотрудничества, а в Ты-образе приемного ребенка в будущем у матерей девочек эта же характеристика образов взаимосвязана с показателем шкалы авторитетности. При проверке χ^2 -статистики о связи социальной характеристики

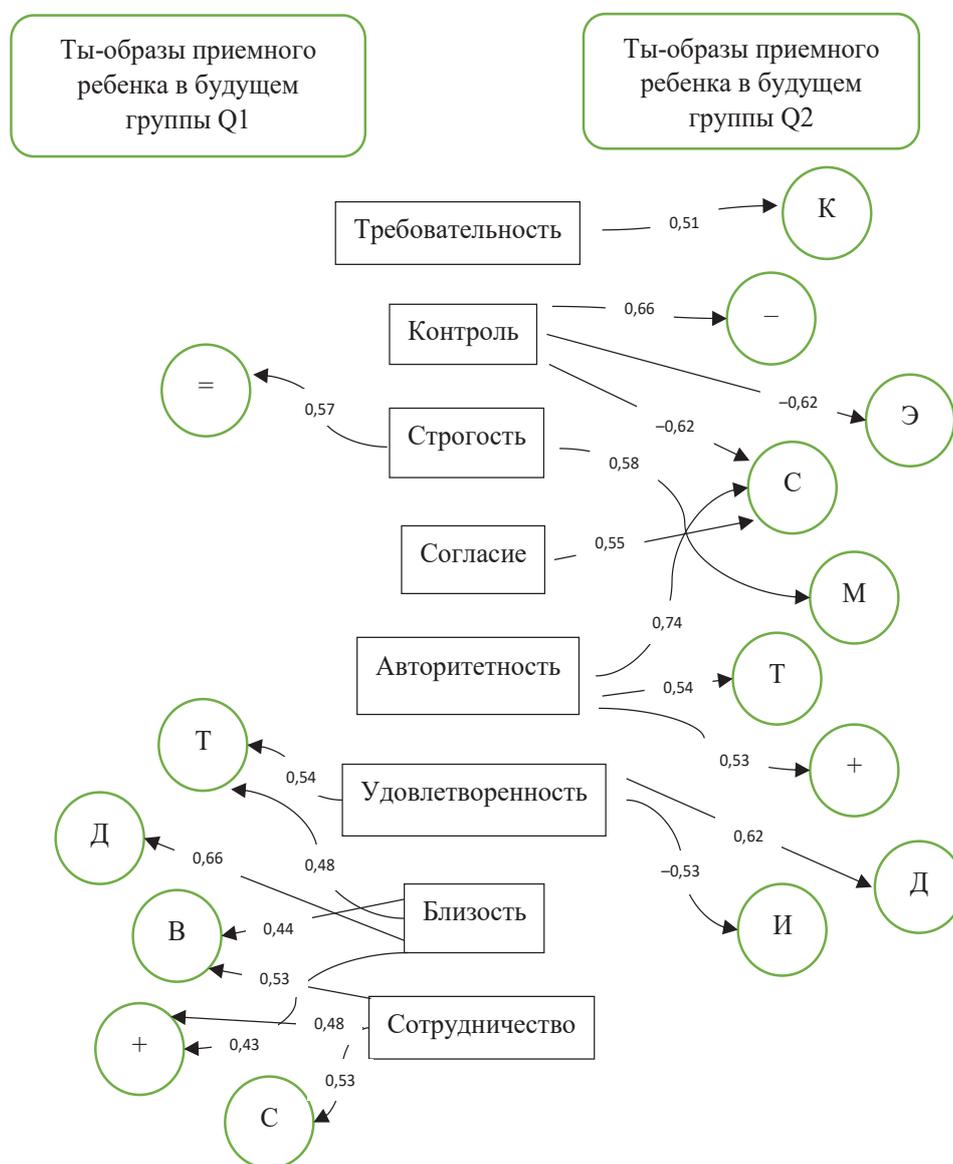

Рисунок 6 – Результаты корреляционного анализа по Ты-образам приемных детей в будущем и показателям ВРР

Ты-образа приемного образа ребенка в будущем с сотрудничеством у матерей мальчиков был определен показатель на уровне $\chi^2=0,235$ – это означает, что статистически значимая связь есть. При проверке χ^2 -статистики о связи социальной характеристики Ты-образов ребенка в будущем с авторитетностью был установлен показатель $\chi^2=0,534$ – это означает, что статистически значимая связь есть.

Соответственно, при проверке статистически значимых связей структурных компонентов Ты-образов приемного ребенка в будущем с родительско-детским взаимодействием не подтверждается только 1 связь. Эта корреляция между телесной характеристикой Ты-образов приемного ребенка в будущем и шкалой удовлетворенности у матерей мальчиков.

В общем и целом при анализе двух групп образов отмечается преобладание корреляций по Ты-образам приемного ребенка группы матерей девочек. В отличие от Ты-образов приемного ребенка мам девочек в Ты-образах ребенка в будущем увеличивается количество корреляций, связанных с такими видами родительского взаимодействия, как контроль и авторитетность. Возможно, что замещающие матери в своем поведении по отношению к дочкам будут усиливать свой контроль из-за возникающих возрастных изменений, связанных с физиологическими и психологическими трансформациями у девочек-подростков. Но вместе с тем те матери, которые ориентированы на позитивное восприятие своих приемных дочерей и оказание помощи им в их взрослении, вероятно, смогут сохранить свой авторитет в коммуникации с ними.

В отличие от Ты-образов приемного ребенка матерей мальчиков в Ты-образах ребенка в будущем увеличивается количество корреляций, связанных с такими видами родительского взаимодействия, как близость и сотрудничество. Матери мальчиков представляют своих детей похожими на самих себя и отражают их как хороших помощников.

Заключение. Таким образом, на основании проведенного эмпирического исследования по изучению структуры социально-перцептивных образов приемных мальчиков и девочек в представлениях замещающих матерей, а также по определению взаимосвязей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием можно сделать следующие обобщения.

Во-первых, в процессе гендерной социализации важную роль играют социальные характеристики, находящие свое отражение как в Я-образах замещающих матерей, так и в Ты-образах их приемных детей.

Во-вторых, статистических различий по детским образам выявлено не было. Это свидетельствует о том, что независимо от половой принадлежности ребенка образы детей формируются в сознании замещающих матерей по одним и тем же психологическим механизмам, в частности по механизму проекции.

В-третьих, матери девочек больше идеализируют реального ребенка, ориентируясь на образ абстрактного ребенка в сравнении с матерями мальчиков, которые больше сопоставляют свои Я-образы с Ты-образами приемных детей, в том числе и с их образами в будущем.

В-четвертых, замещающие матери в своем большинстве принимают детей как личностей, что является важным условием благоприятного хода развития.

В-пятых, замещающие матери, воспитывающие мальчиков, более строги с ними, а мамы, воспитывающие девочек, более требовательны к ним.

В-шестых, удовлетворенность от общения со своими детьми отмечается в сторону повышения значений в группе мам мальчиков, мамы девочек менее удовлетворены взаимодействием со своими детьми.

Учитывая, что практическая психология, ориентированная на психологическую помощь семье, нуждается в методических разработках, которые могут использоваться для оптимизации родительско-детских отношений с целью повышения ресурсного потенциала семейной системы, полученные результаты могут быть использованы в консультативной работе практических психологов, оказывающих психологическую помощь замещающим семьям.

Литература

1. Строкова, С.С. Связь образа семьи и семейной идентичности с эмоциональным благополучием подростков / С.С. Строкова // Клиническая и специальная психология. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 119–137.
2. Шадриков, В.Д. Понимание: определение и механизмы / В.Д. Шадриков // Культурно-историческая психология. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 17–24.
3. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании родителей / В.Л. Ситников // Развитие ребенка в семье: монография / В.Л. Ситников. – СПб., 2017. – С. 295–300. – (Сер. Семья и дети в современном мире).
4. Реан, А.А. Отец и мать в сознании детей и подростков / А.А. Реан // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2017. – № 1. – С. 204–209.
5. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых / В.Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
6. Ермолова, Т.В. Проблема дисфункционального материнства в новейших зарубежных исследованиях / Т.В. Ермолова, Т.В. Иволина, О.В. Дедова, А.В. Литвинов // Современ. зарубеж. психология. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 25–37.
7. Стреленко, А.А. Образ ребенка в сознании беременных женщин / А.А. Стреленко, Е.Н. Колмычевская // Комплексные исследования детства. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 33–42.

8. Стреленко, А.А. Представление матери об образах абстрактного и реального ребенка / А.А. Стреленко, Е.Н. Колмычевская // Вестн. БарГУ. Сер. Пед. науки. Психол. науки. Филол. науки. – 2020. – № 8. – С. 114–122.
9. By Mostafa, Tarek. The Impact of Complex Family Structure on Child Well-being: Evidence From Siblings / Tarek By Mostafa, Ludovica Gambaro, Heather Joshi // Journal of Marriage and Family. – 2018. – Vol. 80(4). – P. 902–918.
10. Авдеева, Н.Н. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями / Н.Н. Авдеева, Б.Я. Хофман // Соврем. зарубеж. психология. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 69–78.
11. Курочкина, И.А. Гендерная идентичность личности в контексте семейной системы / И.А. Курочкина, В.В. Пузырев // Пед. образование в России. – 2019. – № 9. – С. 157–162.
12. Grunow, D. Gender Ideologies in Europe: A Multidimensional Framework: Gender Ideologies in Europe: Multidimensional Scheme / D. Grunow, K. Begall, S. Buchler // Journal of Marriage and Family. – 2018. – Vol. 80(4). – P. 42–60.
13. Клецина, И.С. Гендерная психология / И.С. Клецина. – СПб., 2009. – 496 с.
14. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.
15. Балева, М.В. Субъектный и объектный фокус сравнения «Я – Другой» в процессе социальной перцепции / М.В. Балева, Г.В. Ковалева // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 3. – С. 331–344.
16. Реан, А.А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности / А.А. Реан // Нац. психол. журн. – 2017. – № 2(26). – С. 85–91.
17. Марковская, И.М. Психология детско-родительских отношений: монография / И.М. Марковская. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – 91 с.
18. Hennebry, J.L. Closing the Gap? Gender and the Global Compacts for Migration and Refugees / J.L. Hennebry, A.J. Petrozziello // International Migration. – 2019. – Vol. 57, iss. 6. – P. 115–138.

Поступила в редакцию 24.12.2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список **литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. Этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;

– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Подписано в печать 14.05.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 9,72. Тираж 100 экз. Заказ 76.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.